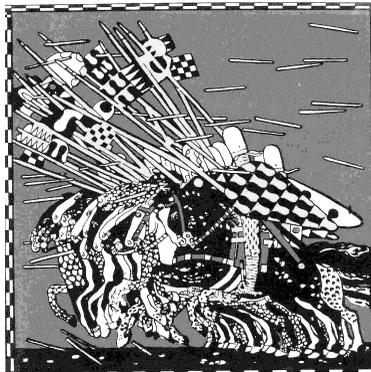

Эрик Рюкер Эддисон

Стирбьерн Сильный

Роман

1926

Перевод с английского
Надии Черновой

Выпуск №10

E. R. Eddison

Styrbiorn the Strong

Эрик Рюкер Эддисон

Стирбьерн Сильный

Роман

Текст и иллюстрации взяты из свободных источников

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Иваново, 2015

Оглавление

<u>Перечень иллюстраций.....</u>	<u>4</u>
<u>Предисловие автора.....</u>	<u>5</u>
<u>1. НА МОГИЛЕ КОРОЛЯ ОЛАФА.....</u>	<u>7</u>
<u>2. ТОРГНИР ЗАКОННИК.....</u>	<u>18</u>
<u>3. КОРОЛЕВА СИГРИД ГОРДАЯ.....</u>	<u>27</u>
<u>4. ЙОМСБОРГ.....</u>	<u>34</u>
<u>5. ЙОЛЬ В ДАНИИ.....</u>	<u>45</u>
<u>6. ДОЧЬ КОРОЛЯ ДАНОВ.....</u>	<u>58</u>
<u>7. ЭРИК И СТИРБЬЕРН.....</u>	<u>65</u>
<u>8. КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА.....</u>	<u>75</u>
<u>9. ПИРШЕСТВО В УППСАЛЕ.....</u>	<u>85</u>
<u>10. ОБЪЕДКИ УППСАЛЬСКОГО ПИРШЕСТВА.....</u>	<u>93</u>
<u>11. СТЕНЫ У ГАВАНИ ЙОМСБОРГА.....</u>	<u>100</u>
<u>12. УКРОЩЕНИЕ КОРОЛЯ ДАНОВ.....</u>	<u>104</u>
<u>13. ФЛОТ ОТПЛЫВАЕТ.....</u>	<u>114</u>
<u>14. КОРОЛЬ ЭРИК СОБИРАЕТ ВОЙСКО.....</u>	<u>123</u>
<u>15. ФИРИСВЕЛЛИР.....</u>	<u>132</u>
<u>16. ВАЛЬХАЛЛА.....</u>	<u>146</u>

Перечень иллюстраций

- c. 17, Storm in Hjørungavåg by Gerhard Munthe
- c. 26, Гобелен из Байё (Bayeux Tapestry), фрагмент
- c. 33, Sigrid the Haughty and Olaf Tryggvason. By Erik Werenskiold.
- c. 44, Illustration for Olav Trygvasons saga. Snorre 1899-edition. «Uveiret under Slaget i Hjørungavaag». By Halfdan Egedius.
- c. 57, Ragnarok, by Johannes Gehrts (1855-1921). Xylograph after a painting/drawing.
- c. 64, The preserved portion of the Viking ship from Gokstad, near Sandefjord (9th century)
- c. 74, View from the mountain Igdlersfigsalik over Tunugdliarfik (Eiriksford and Brattalid), farther to the left Sermilik (Isafjord and the Mid-fjords). After D. Bruun, 1896
- c. 84, Frigg on her throne (aka Sigríð Stórráða). Unknown, c. 1850.
- c. 92, Dubrawka, prinsesse av Bøhmen, senere dronning av Polen. By Jan Matejko.
- c. 99, Гобелен из Байё (Bayeux Tapestry), фрагмент
- c. 103, Boat found at Nydam, near Flensburg. Third century A.D. 70 feet long (after C. Engelhardt)
- c. 122, Корабли викингов. Иллюстрация Э. Вереншёльда к «Кругу Земному» Снорри Стурлусона, XIX в.
- c. 131, Нордлиен О. Викинг. XIX в.
- c. 145, Арбо П.Н. Битва у Стамфордского моста. XIX в.
- c. 148, Odin med Gere og Freke ved sin side. By Ludwig Pietsch

Предисловие автора

Моему брату Колину посвящаю эту книгу.

Дорогой Колин!

Саги о шведском принце, чье имя дало название этой книге, не существует. Если бы такая существовала, не думаю, что эта книга была бы написана. (...)

Моя книга это не имитация и не «улучшенное и дополненное» издание саги. Надеюсь, что дыхание саг все же присутствует в ней, ибо это живое дыхание и одно из величайших в человеческой истории. И все же я не собираюсь обезьянничать и копировать построение саг, а хочу рассказать историю по-своему и сделать это как можно лучше.

Общепринятой датой битвы при Фирисвёллире является 983 год. Здесь наиболее авторитетна для меня «Прядь о Стирбьерне, Шведском претенденте» (Pattr Styrbjarnar Sviakappa), откуда я взял лишь голые факты: Стирбьерн на погребальном холме своего отца, убийство Аки, ссора с бондами, походы, обретение власти в Йомсбурге, террор в отношении короля Харальда Гормсона, брак с королевной Тири, три дня боя на Фирисвеллире с тактикой Торгнира и, наконец, обращение противников к Одину и Тору.

Имя Стирбьерна барабаном отдавалось в моей памяти с тех пор как двадцать лет тому назад я прочел беглое упоминание о нем в «Сага о людях с Песчаного берега» (Eyrbyggja Saga):

«Бьёрн же, после того как вышел в море, отправился вначале в Данию, а оттуда в крепость Йомсборг. В то время предводителем йомсвикингов был Пална-Токи Бьёрн вступил в их сообщество и потому стал прозываться Бойцом. Он находился в Йомсборге, когда Стюрбьёрн Сильный взял эту крепость. Бьёрн также отправился в Швецию в тот раз, когда йомсвикинги поддержали Стюрбьёрна. Он принимал участие и в битве на Полях Фюрисвеллир, где пал Стюрбьёрн, а после нее бежал в лес вместе с прочими йомсвикингами. И покуда Пална-Токи был жив, Бьёрн неизменно находился при нем во всех испытаниях и считался отличным воином и мужем редкой отваги».

(«Сага о людях с Песчаного берега»¹)

---

¹ пер. Циммерлинг А. В., Агишев С. Ю.

И еще одно — в «Круге земном», в речи короля Олафа Шведского, обращенной ко Хьяльти Скеггисону:

«Норвегию тогда захватил Харальд сын Горма и заставил платить себе подати. Но все же мы думаем, что Харальд сын Горма был меньшим конунгом, чем уппсальские конунги, потому что наш родич Стюрбьёрн подчинил его себе, и Харальд сделался его человеком, а мой отец Эйрик Победоносный одолел Стюрбьёрна, когда они сразились»

(«Круг земной» Снорри Стурлусона, «Сага об Олаве Святом²»)

Эти две цитаты — отец и мать этой истории.(...)

Что до личностей и характеров основных героев — Эрика и Стирбьёрна — то за них лишь я несу ответственность. Я пытался вывести характеры реальных людей, а не искать дешевых оаций за представление с механическими послушными куклами, наряженными в роскошные одежды давно умерших людей. Люди эти не только велики и славны, но и достойны сочувствия и уважения. Оттого я, хоть и мыслями привязан к жизни и ее прелестям скорее, чем стремлюсь в темные пучины небытия, стремился так построить свой рассказ, чтобы, если удостоен я буду чести быть принятым в чертогах Одина, быть в состоянии без страха и стыда пожать руки им обоим. И возможно, узнать, что они знали обо всем, о чем я, будучи рожден позднее и будучи более образованным, думал, догадывался и написал о них.

Итак, вот моя книга. А так как ты, будучи младшим, столь терпеливо сносил много лет мое саговое безумие, именно тебе посвящаю я эту книгу.

Э. Р. Э.

---

² пер. Ю. Кузьменко

1. НА МОГИЛЕ КОРОЛЯ ОЛАФА

В то время был в Уппсале король Эрик Победитель, сын Бьерна Старого, сына Эмунда, и правил он в Упландии, и над людьми из Низин, и над Южным краем, и над Восточным и Западным Готландом, и над всеми странами и королевствами на восток от Альфхайма и до большого моря. Король Эрик был уже в годах, считался человеком могущественным и достойным. Правил он в державе и на землях, где властвовали еще далекие пращуры его, начиная со дней Рагнара Кожаные Штаны, и в жилах их текла кровь родичей Инглингов, еще с тех давних времен, когда Боги прибыли из Асгарда и Ингви-Фрейр жил среди людей в королевстве Уппсала.

Когда королю Бьерну Старому пришла пора умирать, он оставил двух своих сыновей Эрика и Олафа соправителями Швеции, и сорок лет они правили вместе в добром согласии и братской любви. Король Олаф Бьернсон взял с жены Ингибьерг, дочь ярла Транда из Сулы. У них родились Тора и Турид, и Асдис, и Ауд. Выходило нескладно, и казалось королю Олафу, что так и будут у него одни лишь дочери. Однако же в конце концов вышло так, что королева Ингибьерг родила супругу младенца-мальчика, и его омыли водой и нарекли Бьерном по родителю его отца. Но королева не зажила на свете и умерла через три года после того; а когда мальчику было не более пяти лет от роду, король Олаф, его отец, внезапно упал замертво, сидя за хмельным пиршественным столом в своей зале. И пошли разговоры, что в чаше его был яд, и что короля Олафа вероломно отравили.

Его погребли в Уппсале, и насыпали большой холм. После чего Эрик единолично стал править Швецией, он вырастил мальчика и отдал его под опеку ярла Ульфа, брата его матери. У короля Эрика не было законных детей, и жена его уже десять лет как умерла. Он горячо любил сына своего брата, и пестовал его так, будто тот был его собственным детищем. Отрок вырастал, становясь краше, сильнее других, и подавал большие надежды. Был он высок и развит не по годам. И оттого, что мальчик был временами жесток и упрям нравом, очень дерзок и горд, необуздан и склонен ко вспышкам ярости даже

в нежном возрасте, король Эрик удлинил его имя и повелел называть его Стирбьерном.

Перед самой зимой, когда Стирбьерну было уже пятнадцать зим от роду, король Эрик совершал большое кровавое жертвоприношение богам в честь уходящего года в храме в Упсале, как это было у него заведено и как велось с незапамятных времен. Прибыли туда ярлы, и люди знатные из разных концов страны, и был по этому случаю большой пир. Но Стирбьерн не пришел утром для приветствия, и на празднике в королевской зале не появился. Так что король послал людей найти Стирбьерна. Вскоре вернулись они, и один из королевской стражи сказал:

— Вот, повелитель, мы нашли его сидящим на могиле его отца, короля Олафа Бьернсона.

Король гневно сдвинул брови. Так сказал он ярлу Ульффу:

— Должно ли происходить подобному каждую осень, в празднование жертвоприношения? Уж в третий раз — и в последний, ибо подобные поступки сердят меня. Неужели не внял Стирбьерн моему твердому слову, что я отдам ему все, но не ранее, чем сравняется ему шестнадцать?

— Не ожидал я от него этого, король, — отвечал ярл Ульф. — И прошу за то у тебя прощения.

Король снова приказал страже идти и пригласить Стирбьерна на пир. И снова вернулись они с пустыми руками.

— Что же, он ничего вам не ответил? — спросил король.

Но они только молча переглядывались. Наконец ответил один из стражи и сказал:

— Сказал он, повелитель, что не потратит и единого вздоха на королевских трелов³.

— Каким был его отец, — молвил король, — таков и этот щенок. Иди ты, ярл, может это его устроит.

Ярл Ульф встал и прошел между скамеек и огней в главные двери, и вышел на королевский двор. Повернув направо, миновал он дома для прислужников и место Тинга⁴, и храм, и шел, пока не достиг открытого поля. Погода разгулялась, небо было мрачно, и уже опускался вечер. Словно высокий дом, виднелся погребальный холм

³ рабов

⁴ тинг — поместный народный суд в средневековой Скандинавии

в меркнувшем свете дня. Порос он травой, в его кочках и дерновинах непрестанно и дико завывал ветер, и так же непрестанно вздымались в небе серо-стальные облачные струи.

Стирбьерн сидел на вершине погребального холма, недвижим, как и сам холм, подставив лицо ветру. Ярл поднялся к нему, помогая себе рукой, чтобы не упасть под диким порывом ветра на мокрой и скользкой траве. Наконец он был наверху.

— Худо ты поступил, — крикнул он в ухо сидящему.

Стирбьерн не шелохнулся. Он закутался в плотный шерстяной плащ, окрашенный в пурпур и с богатой черной вышивкой по краям. Края плаща, который придерживал он на груди, развевались и хлопали на ветру, как парус в шторм, когда у корабля сломан руль. Голова его была непокрыта и густые чуть выющиеся золотистые волосы летели по ветру, как трава на погребальном холме. На нем была тяжелая пектораль из чистого золота, выгнутая так, что лежала чуть ниже горла, там, где шея переходит в плечо; она была искусно изукрашена золотых дел мастерами, и голова дракона украшала каждый из концов ее. Стирбьерн сидел, положив подбородок на руки, шурясь на ветру так, что в глазах его блестела влага.

Ярл сел и приобнял его рукой.

— Король не собирается удерживать твое наследство, Стирбьерн. Он дал слово, и он отдаст принадлежащее тебе. Тебе то ведомо. Но еще не пришло время — тебе лишь пятнадцать зим от рода.

Стирбьерн грубо стянул его руку.

— Такие недостойные речи не по мне, опекун. Это не в моем нраве.

Он говорил в своей обычной манере — слегка заикаясь, словно гордый и рьяный дух его был стеснен в своем дерзновении медленностью речи.

— Немногим отличается от твоей та кровь, — отвечал ярл, крича в самое ухо Стирбьерна и преодолевая вой ветра, — что течет в жилах твоего дяди. Он любит тебя. Неужто укусишь ты руку, что кормит тебя? Пойдем со мною. И отчего тебе нужно было позорить свободных людей, называя их трелами?

Стирбьерн вскочил и расхохотался.

— Это Аки нажаловался? — крикнул он. — Возраст, сказал ты. Идем, следуй за мною!

— Постой, — сказал было ярл. Но парня рядом уже не было — три прыжка вниз по крутым уступам холма на ровное пастбище — и скорее к королевской зале. Ярл Ульф был прыток, но едва успел догнать его у дверей большой залы.

Светильники были зажжены в зале, и ярко-красное пламя очага мешалось с более холодными их огнями и освещало все меж усыпанным тростником полом и неверной полутьмой у балок кровли, вспыхивая и мерцая на скамьях и столах, и на многоцветных одеяниях весьма почтенного общества, что собралось там. Король Эрик восседал в своем высоком кресле у почетной скамьи. Еще одно кресло у скамьи чуть ниже и напротив него пустовало. На короле был греческий плащ багряного шелка и синий вышитый кертл⁵. На его руках выше локтя надеты были золотые кольца, более двенадцати унций каждое, а на голове была корона из чистейшего золота. Король Эрик был хорош собой, и хоть почти сравнялось ему три раза по двадцать зим, не был он ни дряхл, ни морщинист, но свеж видом, костист и крепок как мужи моложе его возрастом; волосы и борода его были густы и лишь кое-где тронуты сединой, и голос его был глубок и силен, и приятен слуху, и серые глаза его были ясны.

Стирбьерн вошел и стал перед королем, меж очагом и столом. Король указал на второе кресло напротив себя и сказал:

— Займи свое место, сродник.

Стирбьерн, пристально смотря на него, отвечал, запальчиво и запинаясь как и всегда:

— Решил я, что довольно мне быть тебе бременем или оставаться у тебя на содержании — особенно теперь, когда я вошел в возраст. Иначе говоря, я не сяду сегодня за твой стол, а останусь на могиле моего отца.

— Мне странно, — сказал король, — что эта старая сцена должна непременно повторяться каждый год. Представь, что я уже сказал свои слова — все сыграно. И довольно об этом.

Стирбьерн сказал:

---

⁵ (здесь) широкая одежда с короткими рукавами, надеваемая поверх рубахи

— Если хочешь, король, покончить с этим, отдай мне отцовское наследство — ту часть владений в Шведской земле, что принадлежала королю, моему родителю. Тогда сяду я в это кресло. Но никак иначе. Не буду я гостем твоим, король.

— Сродник, — молвил король, — изо всех людей, каких я знал когда-либо, мужчин и женщин, ты самый непреклонный и упрямый нравом. Говорю тебе, как говорил в минувшем году и еще за год до того: когда сравняется тебе шестнадцать зим, я отдам тебе твое наследство.

— Дитя растет, но штаны его не растут вслед за ним, — отвечал Стирбьерн, и лицо его покраснело как кровь.

— Когда сравняется тебе шестнадцать зим, — молвил король. — А до того веди себя смирно. Да будет известно упрямцу, что я не менее его упрям; я, а не ты, буду решать это дело, по праву и справедливости.

— Редко короли возвращают свои владения, — с яростью молвил Стирбьерн, — разве только ударами мечей.

Но, вымолвив эти слова, он посмотрел на короля, своего дядю, и встретился с его взглядом, и выражение лица короля смирило его злобу, как глоток воды остужает рот, полный слишком горячего мяса. Тишина упала в зале, хоть все уже были в подпитии и до того вели себя буйно. И Стирбьерн, чье лицо было красным от гнева, побагровел до самой шеи и стоял, пристыженный, перед королем. Он произнес, понизив голос:

— Злой дух вселился в мой язык и заставил сказать дурные слова. Но сейчас я сяду за твой стол, раз уж мне велят это сделать. Но если возможно, король, я еще приду поговорить завтра.

— Благодарим, — молвил король, — за эту передышку.

Чаша множество раз переходила из рук в руки вокруг столов, и людские животы вздулись от пива, и рассудительность и взвешенность в речах и деяниях покинула многих. В подобные часы человек склонен сболтнуть первое, что приходит ему на язык. Так вот и Аки, один из королевской стражи, не подумал, что дразнить Стирбьерна теперь — это все равно, что щекотать волка под подбородком. Когда Стирбьерн проходил мимо, направляясь к скамье, Аки ухватив за край

его кёртла и спросил, когда тот возместит вирой обидные слова, что сказал ему сегодня.

— Придержи язык, трел, — сказал Стирбьерн, и с этими словами сбросил свой плащ с плеч и натянул его Аки на голову. В руках Аки был большой рог для питья, отделанный серебром, и он пролил все из рога себе на шею. Он вскочил и сбросил плащ, и ударил рогом Стирбьерна по носу, так что у того хлынула кровь, он подался назад и едва не угодил в очаг. Аки попытался сбежать, но Стирбьерн перехватил его у дверей, поймал за ворот и дернул назад. Юный годами, Стирбьерн имел силу едва ли меньшую, чем взрослый мужчина. Он в бешенстве повалил Аки, ударив его коленом и кулаком. Аки тогда выхватил скрамасак⁶ и нацелился ударить Стирбьерна, Тот вырвал меч из его рук и вонзил его в шею и далее в тело Аки, до самой рукоятки. Аки не понадобилось второго удара — он умер в одночасье.

В королевской зале началось смятение, и ропот, и толки, ибо у Аки была сильная родня среди бондов; и много там было таких, кто мог отомстить за него Стирбьерну без долгих разговоров, но место, где они находились, и могущество короля повергали их в трепет. В конец концов все утихло, мертвое тело было вынесено вон, и все снова уселись пировать, но уже не столь беспечно, как ранее.

На следующее утро Стирбьерн встал засветло и отправился к отцовской могиле. Потому что, хотя и было договорено между ним и его дядей после вчерашнего, что он будет безропотно ждать еще год и затем станет королем, казалось Стирбьерну, что здесь, на погребальном холме, ему легче сносить свое бездействие, чем где-либо еще.

Шаг его был упруг, он шел не напрямик к могиле, а сделал крюк, выйдя на открытое место и оглядываясь, будто ища чего-то. Он подошел уже шагов на сто к холму, когда увидел того, кого искал: темное и волосатое тело, четыре ноги, кряжистый, с широкой грудью, без хвоста, в прекрасной длинной и густой меховой шубе, ворс которой спускался почти к самым раздвоенным копытам зверя, с великолепными закрученными рогами, схожими с бараньими — он пасся в стороне, на диком пастбище, что спускалось к водам Фири.

Стирбьерн остановился и позвал его, замычав. Существо прекратило есть траву, подняло голову, взглянуло и увидело его. Оно стояло неподвижно и смотрело; тогда Стирбьерн позвал снова. Зверь задрал

⁶ короткий меч (здесь и далее прим. перев.)

морду и издал ответный рев; затем, словно игривая девица, за которой ухаживают, но которой надо подразнить ухажера, повернулся и потрусил прочь, через каждые четыре-пять шагов оборачиваясь. Стирбьерн настиг его прежде, чем зверь прошел двадцать ярдов, и схватил за рога.

— Моулди, — сказал он, — как ты смеешь? Раз я зову.

Это был годовалый овцебык, меньше обычных быков, но довольно тяжелый и сильный, чтобы творить с большинством людей, что вздумается; но со Стирбьерном, как видно было по их схваткам и шутивым поединкам, он прекрасно ладил. Снова и снова они сходились в схватке, толкались, упершись в землю, раскачивались и пихали друг друга, пыхтя и хрипя, пока Стирбьерн не прервал игру и не отскочил назад, тяжело дыша и хохоча, лицом к своему бычку.

— Ну, давай! — крикнул он. Бык с вызовом наклонил голову, и Стирбьерн со всей силой старался сдержать его натиск, и с небывалой стойкостью оставался на ногах. Так сходились они не два и не три, а дюжину раз. Трижды был Стирбьерн сбит наземь, но когда он оказывался лежащим, бычок был осторожен, чтоб не наступить на него и не повредить ему, тыкался носом в его лицо, дыша теплом, а затем отходил и ждал, пока Стирбьерн снова встанет на ноги. Спустя время они оба прекратили бороться. Стирбьерн уселся на землю, упершись обеими руками сзади и тяжело дыша. Моулди стоял над ним, уткнув мохнатый нос в шею Стирбьерна между подбородком и ключицей. Стирбьерн потерял щекой о его нос, словно кот. Скоро он встал на ноги.

— К погребальному холму, — сказал он. Моулди повернулся и направился в обратную сторону. Стирбьерн поймал его и уже без яростной борьбы (так как оба они порядком устали и выдохлись, и не желали более испытывать друг друга в серьезном состязании, но лишь хотели слегка напомнить о шутивом соперничестве) наполовину втащил, наполовину втолкнул его на холм. Там они отдохнули час или более: один — прилаживая наконечники к своим стрелам, а другой — жуя свою жвачку. В миле или более к востоку, налево от них, вздымались каменистые склоны Виндбергсфелля, к югу почти от самого подножия по низинам за Упсалою текли воды Фири. Низины простирались до самой Сигтуны и моря, а к западу далекие горы Упланда серели в свете утра.

Когда Моудди сполна наслаждался своей жвачкой, он встал и легонько толкнул Стирбьерна сзади. Стирбьерн вскочил и поймал его за рога, и снова они сражались и боролись на вершине холма, пока Стирбьерн не прижал голову Моудди к земле и навалился сверху, удерживая его всеми своими силами. Долго лежали они так, снова и снова пытался Моудди подняться, рывками и толчками всего тела, а Стирбьерн всей силой и тяжестью прижимал его к земле, смеясь ему в коричневое мохнатое ухо.

Вскоре Моудди уже лежал тихо, будто давая понять, что на сей раз его одолели. Стирбьерн отпустил его и перекатился на спину. Глаза его были закрыты, сильные мускулистые руки легли расслабленно — пальцами правой он поглаживал и чесывал морду Моудди, зарывшись в густую теплую шерсть, а левую сжимал и разжимал, чтобы снять боль в пальцах от долгого стискивания ребристых рогов. Грудь его, широкая как у немногих из взрослых мужчин, вздымалась и опускалась от медленного, глубокого и мерного дыхания. Так лежал он, закрыв глаза, губы его приоткрылись, словно у спящего, что едва улыбается во сне. И все это время он не чувствовал, что кто-то безмолвно поднялся за ним на холм, и стоял, наблюдая борьбу и поединки, тяжело дышащих быка и юношу, великолепную мощь рук и ног Стирбьерна, напрягавшего каждую мышцу, каждую жилу в борьбе; недвижно и молча наблюдали за ними.

Стояла и смотрела на них высокая девушка; она присобрала одной рукой свое темное платье, так что видны были тонкие щиколотки. Темно-рыжие волосы ее были перевиты золотыми шнурами и разделены на два толстых жгута, и доставали они до ее колен. Она была отлично сложена, с высокой грудью и тонкой талией, .

Чувствовалась в ней мужская твердость, и все же была она поженски грациозна. Статье ее была подобна гордой драконьей голове на форштевне боевого корабля, бороздящего бурные моря, и лицо ее, хоть она едва ли достигла возраста взрослой женщины, напоминало о королеве древних времен Брюнхильд или о Гудрун из Лаксривердэйл, или о других женщинах, рожденных на погибель мужчинам.

Нет, наблюдавшая внимательными темно-кариими глазами за усилиями Стирбьерна, боровшегося с быком на вершине погребального холма его отца, не была ни Гудрун из Исландии,

ни Брюнхильд, дочь Будди, вернувшейся после своей поездки в Хель. Звалась она Сигрид, дочь Скогал-Тости из Арланда, одного из самых могущественных и благородных людей Швеции, которому не доставало лишь титула. Несколько дней назад она приехала вместе со своим отцом из родного дома на праздник и в гости к королю Эрику Бьернсону.

Открыв, наконец, глаза и увидев ее, Стирбьерн встал, слегка сконфуженный и устыженный, и приветствовал ее. Он легонько толкнул Моулди по носу тыльной стороной ладони, тот поднялся на ноги и начал спускаться с холма.

— Что за диковинное у вас соревнование, — молвила Сигрид. — Что это у тебя за корова?

— Это не корова, — отвечал Стирбьерн. — Это мой бык. Он прибыл из северных земель, далеко за Хельзингландом. Его зовут Моулди.

Он снова принялся возиться со своими стрелами, оттачивая их наконечники. Сигрид наблюдала за его работой, стоя у него за спиной и смотря через его плечо. Стирбьерн же теперь обращал на нее не больше внимания, чем если бы на ее месте был его бычок.

— Можно мне присесть тут? — наконец спросила она.

— Как тебе будет угодно, — отвечал Стирбьерн.

Сигрид села позади него с грацией морской птицы, опустившейся на волну. Его плечо было теперь обращено к ней, но он снова погрузился в работу. Оставшись без внимания, она сидела тихо, наблюдая за тем, что он делает, но более всего смотря на него самого.

— Стрелы — оружие, достойное лишь женщин, — сказал спустя какое-то время Стирбьерн. — Не знаю, для чего я вожусь с ними.

Сигрид ничего не сказала, взор ее был прикован к игре сильных мышц под кожей его рук и плеч, стройным ногам и густым золотистым волосам.

— Достоинно удивления, что тебе нравится сидеть в одиночестве в подобных местах, — молвила она.

Стирбьерн на это ничего не ответил. Она была так близко от него, что ее дыхание, сладкое как молоко, мешалось с его собственным дыханием.

— Немногие люди способны удержать лежащим на земле такого быка, — сказала она.

— Он иной раз тоже бросает меня на землю, — отвечал Стирбьерн.

Плечо Сигрид легко коснулось его плеча. Он чуть отодвинулся, отложив одну стрелу и выбирая следующую. Она также подалась в другую сторону. Лицо ее вспыхнуло алым, и вдруг приняло злобное и жестокое выражение, чего трудно было ожидать от столь юной и нежной девушки. И снова меж ними стала тишина. Затем Сигрид сказала:

— До прошлого вечера я не видела, как убивают людей.

— Тебя это испугало? — спросил Стирбьерн.

— Нет, не испугало, — отвечала она. — У тебя к этому способности, хоть ты и юн годами. — Она поглядела на него со странным выражением, и глаза ее мерцали.

— Я не убил его беспричинно, — молвил Стирбьерн, — он первым ударил меня. Знаешь ли ты об этом?

— Я знаю, что это правда, — отвечала она.

— И я не стану платить виру за его убийство, — молвил Стирбьерн, повернувшись и смотря ей в глаза. — Я научу бондов и их сыновей, что в королевской зале следует быть смиренными.

Она на это ничего не сказала.

— Хорошо быть королем, — молвил Стирбьерн спустя какое-то время.

Сигрид, казалось, не слышала его. Она смотрела на южную сторону за Фирисвеллир. Стирбьерн взглянул на нее и увидел, что глаза ее расширились, будто в страхе, словно за этими тихими заливными лугами она увидела нечто ужасное и скрытое до времени от чужих глаз.

— А разве ты не станешь королевой, Сигрид? — спросил он. — Не было ли это предложено тебе?

Но она хранила молчание. В это время облако закрыло солнце. Девушка поежилась от холода.

— Разве ты не станешь? — снова спросил Стирбьерн.

— Не стану кем? — отвечала она, снова вздрагивая и повернувшись к нему. — Я не услышала, о чем говорил ты.

— Королевой, — молвил Стирбьерн.

— Стану, — сказала она.

— У тебя такой вид, словно ты видела нечто странное.

— Нет, ничего, — сказала Сигрид. Но видя по его лицу, что ее облик говорил об обратном, повторила: — Ничего совсем. Ты еще дитя, Стирбьерн, хотя ты и убил человека прошлой ночью.

— Дитя или не дитя — это мое дело! — отвечал он, насупясь. — Я не нуждаюсь в том, чтоб еще и ты колола мне этим глаза.

Сигрид поежилась и сказала:

— Пойдем-ка прочь отсюда. Я тремя годами тебя старше и вижу то, чего тебе еще не увидеть. Это место смерти. Уйдем.

Но Стирбьерн не сдвинулся со своего места. Он взял еще одну стрелу, потом ехидно улыбнулся:

— Ты — женщина, Сигрид, а женщины всегда боятся жуков и привидений. Тут жизнь и живые — ты и я. И я очень люблю это место. Это холм королей. И если уж есть тут мертвец, то лишь один — мой отец, король.

Он снова взглянул на нее. Ее глаза были устремлены на его лицо, однако она словно его не видела. Она была бледна и взгляд ее был страшен. Он поднялся на ноги и взял ее за руку, сожалея о своей неучтивости и будучи тронут видом ее безмолвного испуга. Так человек редкостной невозмутимости, сидя ночью в отдаленном от людского жилья доме лишь вдвоем с собакой, ощущает трепет, видя, что собака пристально смотрит куда-то и скулит, будто чувствуя невидимое злобное присутствие.

— Идем, — молвил Стирбьерн. — Я провожу тебя. Бояться нечего, идем.

2. ТОРГНИР ЗАКОННИК

Среди бондов росло недовольство из-за убийства Аки, и много было толков о Стирбьерне и его безнаказанности и необузданности — он-де убил человека и не платил за то виры. В конце концов король сам заплатил виру, и недовольное ворчание на время поутихло.

Весною король отправился на север к приморским землям Хельзингланда и в Ярнбераланд погостить, и лето было уже в разгаре, когда он вернулся. Со своей стражей ехал он верхом вдоль правого рукава фьорда против Сигтуны. День был ветреным, и ветер нес туман, сделавший все серым и призрачным, изгладивший холмы и леса и смешавший воды и небо в общем сером бесцветии. Лишь кой-где воды были темнее от теней неисчислимых торопливых волн, да еще там и сям выглядывали рифы, более темные, нежели окружавшее их море, окаймленные пеной охлестывавших их валов. Словно устремляющиеся на добычу птицы, черные волны накидывались друг на друга, догоняли, выписывали широкие зигзаги, сдваивались, закручивались водоворотами, и блестели стеклянной гладкой чернотой у гребня каждого вала. А затем ветер переменился, и на покрытой зыбью поверхности залива вырисовались черный и белый перекрещивающиеся мечи. Человек на вороной лошади прискакал со стороны реки навстречу королю. В нем король признал ярла Ульфа.

— Что-то красен ты и непокоен, — молвил король. — Что стряслось?

Ярл заговорил ему на ухо — так говорит человек, освобождающийся от тяжкого бремени, болеющий душою о том, что говорит, и опасющийся, что зло может постигнуть его, как постигает оно тех, кто приносит королю дурные вести. И правда, ярл рассказал новость важную: противу всех законов, в отсутствие короля собрался в Уппсале Тинг; на Тинге вспыхнули яростные споры между бондами с одной стороны и Стирбьерном и его друзьями с другой, снова всплыло убийство Аки и все старые счеты со Стирбьерном, и в конце концов Стирбьерн заявил во весь голос, что он по праву рождения король над половиной земель свейских, и им следует это хорошенько запомнить. То-

гда бонды заревели и завыли, и заявили, что они не боятся избрать короля сами, и выбрали Ламби Белого, человека из Стоксунда, что в Тентланде, королем над областями, на которые Стирбьерн заявлял свои права. Тинг после того заволновался, ибо мало было желающих затевать битву между людьми короля и бондами.

Король его выслушал и некоторое время хранил молчание, лицо его омрачилось.

— Сказанное тобой во многом сходится с тем, — молвил он, наконец, — что я уже успел услышать.

— Ты уже знаешь об этом? — сказал пораженный ярл.

— Король имеет много ушей. И разве не было там Торгнира, дабы остановить их, когда проводилось это честное избрание?

— Он был там, я более чем уверен, — молвил ярл Ульф, — но сделанное им не было достаточно, чтоб дать им укорот.

— Я доверяю Торгниру во всех делах, — сказал король, — однако не в том, что касаето Стирбьерна. Торгнир всегда был против него.

Ярл промолчал.

— Был ли Торгнир, — спросил король, — там, когда они начали швырять камнями и грязью, чтобы прогнать тебя с Тинга — тебя и Стирбьерна?

— И про это знаешь ты, король? — сказал ярл. — Я думал сказать тебе о том позднее, дабы не слишком разжечь пламя твоего гнева. Да, это большое бесчестье и позор. Хорошо было б оставить память о тех камнях на коже некоторых из них.

— Ты мне так и не дал ответа, — молвил король Эрик, — был ли там Торгнир, когда они камнями прогнали вас с Тинга?

— Повелитель, лгать я не стану, — ответил ярл, — его там не было. Однако же, думается мне, Торгнир в этой суматохе был схож с неумелым поваром, который, заварив котел смуты, сидит у огня и ждет, пока котел закипит. И слишком поздно понимает, что нет у него сил и не хватает длины рук, чтобы снять котел с огня до того, как смута выплеснется через край.

— Должен я видеть Торгнира, — сказал король. — Есть ли у тебя лодка, чтобы мы переправились в Сигтуну?

Ярл провел его к воде и показал три корабля, которых было достаточно, чтобы поднять короля и всех его сопровождавших. Они

вдвоем стояли на берегу, пока люди короля поднимались на борт. Ярл Ульф был в сильном гневе, кусая усы и выдирая из них волосы. Король же, пораздумав хорошо, оставил его пока в покое. Затем, утомленный этим зрелищем, сказал:

— Пусть страх не закрывает твоих уст. Но что если я услышу против слов твоих слово Торгнира, который невиновен в этом деле?

— Благодарю тебя за это, король, — молвил ярл. — Он твой преданный пес, не стану отрицать того. Но тут, когда дело касается Стирбьерна — неужто слушаешь ты его? Станешь его слушать? Этот Ламби, этот ничтожный, подлый и грязный смутьян был избран — противно закону! — соправителем вместо твоего благородного юного сродника? И станешь ты слушать Торгнира? И станешь говорить с ним?

— Отчего так скривился ты? — спросил король.

— Не так бывало в Швеции встарь, — сказал ярл Ульф, и горячей яростью дышала его гневная речь. — Не сжег ли король Ингьяльд Коварный некогда в Уппсале шестерых королей, потому что не желал ни с кем делить власть? Неужели ты не устыдишься... — но тут он разом прекратил свои речи, так как в пылу негодования не утратил способность обуздывать свои чувства настолько, чтобы не увидеть знака повиноваться в обратившемся на него взгляде короля.

— Стыдиться того, что стыда не стоит, — очень тихо сказал король через некоторое время, — есть свойство глупца, а не короля. Ты был некогда знаменитым кораблеводителем. Ну что ж, эта лодочка со-служит нам службу.

Была там маленькая лодка, около пятнадцати футов длиной, что находилась при одном из больших кораблей; король приказал ярлу сесть в нее, и они отплыли от берега, будучи лишь вдвоем.

Король велел ярлу Ульфу сесть у руля и править, велел поднять парус и править к Сигтуне.

— Теперь я погляжу на твое искусство морехода, — сказал король.

Ярл ловко поднял парус, держа на Сигтуну так, как только возможно было в такую бурную погоду. Но снова и снова их сносило в сторону рвущимся шквалом, и он принужден был стравить парус или же отвести его брюхо под ветер.

— Что я вижу? — сказал король, — Твои поступки разнятся с тем, о чем ты так громко болтаешь. Крепи парус и держи прямо на Сигтуну, или тебе придется плохо.

И он, не слушая возражений ярла, пригрозил ему большим копьём с железным наконечником в фут длиною, так что ярл принужден был повиноваться. В этот миг лодка перевернулась и оба — и король, и ярл, — оказались в воде.

Когда с корабля это увидели — тотчас же повернули в их сторону и спустили шлюпку, однако и король, и ярл были отличными пловцами и очутились на берегу ранее, чем те, кто собирался их спасти, успели отплыть. Король отряхнулся будто собака, и принялся громко смеяться. Он похлопал по плечу ярла Ульфа, стоявшего рядом с видом человека, который никак не может решить, смеяться ли ему или браниться, отжимавшего воду из намокших штанов и кёртла.

— Позволь уж мне самому править Швецией, — сказал король, — а ты занимайся своим делом, учи своего воспитанника добру и давай ему благоразумные наставления. И учи его вести корабль не по-твоему, а по-моему. Хотя и правда то, что, когда переворачиваются королевства, рядом нет берега, к которому можно было бы плыть.

Торгнир Торгнирссон, прозванный Законником, прибыл в тот же вечер, повинувшись посланникам короля Эрика, чтобы держать перед ним речь в маленьком зале с очагом, где король обыкновенно сидел, когда желал уединения. Король велел Торгниру сесть на невысокое сидение у своих ног. Стар был Торгнир годами, борода его была длинной и седой, лоб изборожден морщинами, косматые брови низко нависали над глазами, щеки впалы были и сморщены, а нос напоминал орлиный клюв. Голова его была лысой.

Король сказал:

— Дикая птица и звери, сбившиеся в стаи и стада — разве такой ты должен был вернуть мне Шведскую землю, Торгнир?

Торгнир смотрел на него некоторое время, храня молчание. Затем он отвечал:

— Если говорить открыто, король — того, кто моложе меня и ближе тебе по крови, следует считать причиной произошедшего, но не меня.

— Так что, — сказал король, — когда руки старика становятся слабы и он выпускает власть — мы должны винить в том молодую кровь, что быстро бежит в жилах? Должны ли мы охолостить наших молодых людей, считаешь ты, дабы сделать их покорными, чтоб возможно было прожить наш век в тиши и покое? Или бросать их младенцами на произвол судьбы, а выращивать лишь дочерей, которых ты и я и в нашей старческой немощи сможем держать в повиновении?

Торгнир склонил голову.

— Я не дивлюсь тому, повелитель, что ты гневаешься. Но если я не заботился о твоих делах так, как мне и надлежало, тогда да не получу я из твоих рук более ничего, и да потеряю я все, что имею: богатство, земли, свободу и наконец, саму жизнь свою.

— По чьему указу, — спросил король, — было созвано собрание в то время, когда, согласно закону, Тинг распущен, и пребываю я в дальних землях?

— Не было на то указа, повелитель, — отвечал Торгнир.

— Было ли это по твоему почину, Торгнир? — молвил король.

Тот отвечал: — Нет.

— Совершилось ли все при твоём сильном тому противодействии?

— Повелитель, не будь ко мне столь суров, — сказал Торгнир. — Это произошло без моей на то воли и не по моему совету; могу тебе в том поклясться.

Король сидел неподвижно. Затем он сказал, не возвышая тона, однако был его голос схож с угрожающим низким рычанием крупного пса.

— Если уж на то пошло, следует решить, кому править Свейской землей — мне или же бондам?

Старик молчал, глядя на огонь.

— Я хочу от тебя ответа, — сказал король.

Медленно повернулся Торгнир и посмотрел в лицо королю.

— Тогда ответь мне на мой вопрос, король: от солнца или от дождя наливается зерно ко времени жнив?

Король, взявшись рукой за подбородок и откинувшись в своем резном кресле, смотрел на старика, полуобернувшегося к огню и одной белой тонкой рукой стянувшего на плече полы плаща, отделанно-

го горностаем, так, словно и возле огня его иссушенное тело мерзло; вторая его рука лежала колене. Спустя время король заговорил:

— Ты и я стареем. И когда будем мы погребены, бразды правления перейдут в руки других. И те станут поступать согласно велениям Судьбы. Вероятно, мудрому надлежит сознавать: чему суждено быть, того не миновать. Однако это не по мне. И, помимо того, Торгнир, — молвил король, и голос его изменился, — я действительно люблю этого мальчика.

— Ты молчишь, — сказал затем король, — О чем ты думаешь?

— Должен ли я говорить о том, король?

— Должен, — сказал король.

Торгнир помолчал, затем:

— Раз так, вот что скажу я, — ответил он, — Стирбьерн с его насытностью проглотит нас и приведет к гибели себя самого.

— Фу! — сказал король. — Предубежден ты против него и ему завидуешь.

— Скажу я тогда, повелитель, — отвечал Торгнир, — что был на свете слепой гусь, не увидевший лису в терновнике. На этом Тинге, как бы ни был дурен он, созванный незаконно, я мог бы все изгладить, но он своей грубостью перевернул все вверх тормашками, и Тинг заревел. Он пустил первый камень, и отвечал насмешкой на каждую насмешку и оскорблением на каждое оскорбление.

Король сказал с угрозой:

— Бонды прогнали камнями моего сродника и моего ярла, как довелось мне узнать.

— Я тут ничего не мог поделать, — молвил Торгнир. Помолчал.

— Дозволишь ли мне говорить прямо, повелитель?

— Говори, — сказал на то король

— За более чем сорок лет успел ты испытать мою верность.

И, помимо того, отец мой верно служил королю, твоему отцу, и давал ему разумные советы. Скажу тебе по правде, король — swei не стерпят жестких вожжей, и самыми нестерпимыми будут для них вожжи в руках этого юнца.

— А я, — сказал король, нависнув над ним и пылая от ярости, — не стерплю поддельных королей на этой земле.

— Ежели послушаешь ты моего совета, повелитель, — молвил Торгнир, ничуть не испугавшись, — ты станешь могущественным, словно орел, взирающий на мелких пташек. Даю тебе клятву — не прилагал я руки к свершившемуся, однако удержать их не смог. Все совершилось в запале дурной злобы, а что подстрекало к тому — ты и сам знаешь. Оно угаснет как искра, если только ты, король, дунув не ко времени, не разожжешь большое пламя.

— Я, — молвил король, — давлю искры ногой, а не раздуваю, если уж хочу их погасить. Бонды знают меня, а я знаю их. Если я не прикончу этого Ламби прямо сейчас, они не станут искать тому дурной причины; да и сам он не станет, если есть у него голова на плечах. Вели ему сидеть тихо или же втайне покинуть нашу державу. Тебе ведомо, как к этому приступить и чем убедить его, исполни же это. Стирбьерна отошлю я на три года, придав ему корабли и людей в количестве достаточном, дабы мог он совершить достойные деяния, если, как я думаю, ему суждено их совершить. Так что он станет острить зубы где-то в чужих краях, а не на моих землях и не на моих людях тут, в Швеции; и после трех лет, ежели вернется он к тому готовым — он получит свое королевство.

— Хорошо задумано, король, — молвил Торгнир, кивая головой. — Да не позволят Боги удобренной почве стать пустошью и худородной.

Человек из королевской стражи вошел и, поклонившись низко, спросил, дозволено ли будет войти к нему Стирбьерну. Король тотчас приказал принять его. Стирбьерн вошел быстрым шагом и, увидевши Торгнира, остановился меж резных столбов у входа. Он переводил взгляд с короля на Торгнира, с Торгнира на короля. Лицо его стало мрачным, и волосы слегка приподнялись, словно шерсть на загривке дикого пса при встрече с врагом.

— Нет большего позора, — сказал он, — для тебя, повелитель, чем столь дружески говорить с этим стариком. Позволь вывести его и зарубить перед дверью — это было бы хорошо.

Король смотрел на него в упор и ничего не говорил.

— Повелитель, — сказал Стирбьерн, все еще стоя в дверях, освещаемый огнем очага. — Я пришел просить о милости. Дай мне двадцать кораблей и позволь отправиться в викинг⁷. И дай мне также позволение убить объявленного тобой вне закона Ламби Белого, которого эти бонды, сношающие друг друга в зад, и этот старик в открытую именовали королем. Свет не видывал и не слыхивал большего бесчестья.

Взгляд Торгнира из-под выступающих надбровных дуг и бровей встретился со взглядом молодого человека. Лицо его осталось невозмутимым, он не повел и бровью, и глаза его были почти не видны в глубоких глазницах, куда не доходил свет от огня.

— Сродник, — молвил король Эрик, — ты молод. Поэтому я не дивлюсь тому, что ты несправедлив и хочешь расправы: годы и опыт должны это исправить. Что же до остального — получишь ты не двадцать, а шестьдесят кораблей, с полной командой на каждом. Моя воля такова — три зимы ты проведешь в дальних краях. Следует тебе, будучи рожденным королем, научиться и дела вести по королевски. И после этого, после всех великих скитаний, если вернешься ты здоровым и невредимым, я надеюсь найти в тебе зрелого мужа и достойного сына своего отца, и моего достойного сродника. И тот день будет лучшим днем моей жизни, когда ты окажешься на месте твоего отца моим соправителем в Уппсале.

Когда король, его дядя, говорил это, с лица Стирбьерна сходили ярость и уныние, и он смотрел на короля с такой радостной и открытой улыбкой, что даже тот, кто дурно относился к нему, должен был его полюбить. И волосы его больше не топорщились, а легли гладко на голове. Он подошел ближе, войдя в залу.

— Что же до Ламби, — молвил король, — он ничто — мошка, оплёвок, и я ничуть о нем не беспокоюсь. Я запрещаю тебе, однако, сражаться с ним когда-либо в Швеции или у берегов ее; но если вы встретитесь в чужих краях или в открытом море — что ж, пусть тогда Судьба решит.

— Король, — ответил Стирбьерн, — ты обошелся со мной благородно. И я клянусь выполнить все, о чем ты меня просил.

7

изначально викингом назывался именно поход, а не люди, в нем участвующие

Король сказал:

— Теперь я хочу, чтобы вы стали друзьями, ты и Торгнир. Я повелеваю вам скрепить дружбу рукопожатием, здесь, на этом самом месте.

Торгнир протянул руку, но Стирбьерн помолчал, а затем отступил на шаг назад.

— Я подам ему руку, — сказал он, — но лишь тогда когда смогу сделать это по доброй воле. В другой раз.

— Ну что ж, — сказал Торгнир, — по крайней мере, я люблю открытость и честность.

— Юнец был сильно задет и разозлен, — молвил король, когда Стирбьерн вышел. — Но я в нем вижу великую душу.

Торгнир посмотрел на короля из тьмы своих глубоких глазниц.

— Да, повелитель, — сказал он, — но о делах судят по их концу.

3. КОРОЛЕВА СИГРИД ГОРДАЯ

И вот Стирбьерн, как и приказал король, отправился в чужие края. Лето прошло, и зима, и когда зима уж почти миновала, поехал король Эрик на юг в Арланд, погостить к Скогал-Тости, отцу той Сигрид, что была со Стирбьерном на погребальном холме короля Олафа и имела там видения, о которых уже упоминалось. Тости был большим другом королю и устроил ему достойный прием; и когда провел у него король со всеми своими людьми три дня, стал Тости умолять его остаться еще на три дня, а затем просил о еще трех днях, так что общим числом девять дней пировали они в зале дома Тости.

Скогал-Тости был человек дородный и осанистый, и самый то- роватый во всем, что касалось дома и хозяйства, а также любил он богато одеваться напоказ. Ему больше было по душе, чтобы богатство делало его славу самого значительного человека на все окрестности, которые мог он обозреть с выгона своего дома в Хокби — чем он бы управлял более обширным имением где-то далеко и был бы всего-навсего человеком короля, и был бы лишь орудием чужого величья, а не своего собственного. Был он великим воителем и много времени провел в военных походах. Жену его звали Гудрид. Она была женщина властная и происходила из рода ярлов Западного Готланда. Была она пригожа собой, но люди находили ее слишком уж заносчивой и алчной, и иной раз жестокой сердцем.

На девятый вечер их пиршества, когда люди наелись и пошли шутки да разные истории, и стали люди пить друг с другом, заговорил король и сказал он:

— Время еще раннее — однако же, Тости, я пить более не стану, разве что твоя дочь Сигрид поднесет мне чашу.

Сигрид сидела на особой скамье на возвышении, рядом с матерью, а другие женщины, что присутствовали на празднике, сидели отдельно от них по обе стороны. На ней было синее платье, отделанное по вороту и краям мехом норки, а у шеи шли золотые пластинки, и в каждую было вделано по четыре кусочка янтаря. Лоб охватывала шелковая лента и перевитой золотой шнурок, что удерживали ее

пышные волосы, спускавшиеся двумя тяжелыми тутими косами с двух сторон на ее грудь, а концы их были прихвачены отделанным камнями поясом.

Тости позвал ее со своего кресла, которое стояло ниже королевского, и сказал:

— Чего ты медлишь, Сигрид? Или мы так разленились, что заставляем гостей ждать? Того более, что гость наш — сам король.

Она, поглядев своими темными глазами сначала на отца, а затем на короля, протянула руки к большому золотому, полному меда, рогу для питья, который трел, покорный кивку ее отца, уже подавал ей, и пена вскипала на краях рога. Словно мачта корабля, что легла было от шквала, а затем вновь восстала, когда корабль спустился под волну — так поднялась она и, скромно опустив взгляд, шла между скамей, пока не остановилась возле короля.

Король Эрик взял одной рукой рог, а второй удержал деву и поставил сестр рядом с собой на кресло. Она сперва воспротивилась, но он настоял на своем. Она села очень смущенно и отвечала лишь «да» или «нет», и легкой улыбкой на все, что бы ни говорил ей король. И так продолжалось, пока огни не стали угасать, а веки людей отяжелели, и так закончился праздник.

— Вот и свершилось то, о чем ты так долго думала, — сказал Скогал-Тости жене, ложась в постель, — и я думаю, тебе следует быть довольной тем, как все пошло сегодняшним вечером.

— Пока все идет гладко, — отвечала она, — однако корабль еще не пристал к берегу.

— Не пристал к берегу? И пристал, и даже выволочен на берег, — молвил Тости. — Вот увидишь, когда король соберется уезжать, он станет говорить о том, чтобы выдать ее за Стирбьерна.

— Что ж, пока и это неплохо, — отвечала она.

— Неплохо? Да чего же лучшего желать? — Тости, сидя и снимая обувь, удивленно взглянул в лицо жены, которая загадочно улыбалась. — И твоими же расчетами они стали хорошими друзьями.

— Она ответила отказом уже дюжине, и не один из них оказывал нам честь и был бы ей хорошей парой. Помнишь ли ты молодого Харальда Гренландца, который был с тобой в походах? Нынче он король.

— Что правда, то правда, — отвечал Тости, — девчонка удалась упрямой, это верно. Ее высокомерие и заносчивость их всех раздражают и заставляют отступать. Однако сейчас игра идет большая.

— И это тоже верно, — сказала Гудрид. — Помни, однако, как своевольна твоя дочь.

— Она истинная дочь своей матери, госпожа моя. Вертка, словно угорь.

Гудрид рассмеялась.

— Но у нее есть голова на плечах, — продолжал Тости, — она раньше кошки успеет облизать миску. Она не откажет Стирбьерну.

— Я скажу, — отвечала Гудрид, — лишь одно: не будь в этом так уж уверен.

— Не возьму я в толк, — сказал Тости, вставая, — всех твоих беспокойств и вопросов. Говорила ли ты с ней о том?

— Нет, — отвечала Гудрид, — но я наблюдала за ней. Она, верно, почуяла, к чему все велось этим вечером. И мне не понравилось то, как она на это смотрела.

— Но не отказывать же! Выше неба не взлетишь.

Гудрид покачала головой.

— Это все ты давал ей слишком много воли, баловал ее. Ей до меня дела нет, а теперь и до тебя также.

— Ну, что ж, — отвечал Тости, — воли я с нее не снимаю, кого бы она не выбрала. Однако же я не верю, что она откажет.

Гудрид ничего не сказала, но посмотрела на него бужто на забаву. Он же, не понимая, что она хочет и отчего так смотрит на него, схватил ее за плечи:

— Это у нее от тебя, — сказал он, — она дурно обходится со всеми мужчинами, исключая того, кого сама выберет.

И он притянул к себе жену и поцеловал ее шею и обнаженное плечо.

На следующее утро король отвел Тости в сторону и сказал ему:

— Есть вещи, о которых я хотел перемолвиться с тобой, Тости, и, думаю, после прошлого вечера я не застал тебя врасплох этим разговором. Касается это твоей дочери Сигрид.

Тости отвечал:

— Я понимаю, повелитель, куда ты клонишь, и принимаю это как большую честь и радость, величайшую изо всех, что когда-либо могли удостоиться я и мой род. Однако правда и то, что говорят: «В люльке простеца бывает такое, чего нет и в королевском дворе», и раз уж она — моя единственная дочь, я надеюсь, повелитель, ты не будешь оскорблен тем, что в ее воле выбирать. Так я поступал ранее, так думается мне, должно поступить и сейчас. Это будет лучше и для нее, и для всех остальных.

— Я сам поговорю с ней, — молвил король. — Никто еще не умирал от раны, нанесенной другому, также и никто не удовлетворится чужим выбором.

Король шел вместе с Сигрид вдоль пастбища по тропинкам, протоптанным овцами, к южным холмам, что смотрели на Балингс-даль. Долго он хранил молчание. Затем внезапно заговорил:

— У меня есть к тебе разговор, Сигрид.

— О том нетрудно догадаться, повелитель, — сказала она, думая, что у короля не может быть иной цели, чем та, о которой уже так давно думали ее родители — выдать ее за Стирбьерна.

— Какого же ответа, — сказал король, — ожидать мне от тебя?

Сигрид, смотря прямо перед собой, отвечала:

— Я скажу тебе, повелитель, если ты прежде скажешь, дозволен ли мне свободный выбор говорить «да» или «нет».

— Отец твоей, — сказал король, — предоставил тебе отвечать по твоему собственному желанию. Кроме того, и я не принял бы иного.

— Тогда, повелитель, — сказала она, — мой ответ «нет».

Услышав это, король резко остановился. Сигрид также остановилась и стала лицом к лицу с ним. Ее лицо покраснело.

— Я должен знать причину, — сказал король.

Она не ответила.

Король сказал:

— Я не стану угрожать тебе, Сигрид. Но раз уж я должен упрямить тебя, ты также должна отвечать мне и назвать причину. Потому что это сватовство не таково, как прежние, которые ты в своей гордости считала для себя недостойными.

И все же она хранила молчание. Гордым был лик ее, большие карие глаза были глубоки и непостижимы, словно глаза оленя. Затем она опустила взгляд и отвернулась.

— Я вижу, — сказал король, — что-то вдруг пришло тебе на ум. Сигрид рассмеялась.

— Нет, повелитель, это всего лишь старая сказка, старая песня. И она стала говорить:

*Я знал стишок:
Орел на камень сел!
Я знал другой:
Орел на камень сел!
Я третий знал:
Орел на камень сел!
И первый с остальными схож:
Орел на камень сел!*

Она посмотрела на него с гневом и насмешкой. Взгляд короля стал тяжелым. Она же уронила руки и:

— Что может сделать девушка, — сказала она, — если мужчины так домогаются ее? Неужели я должна взять в мужья этого никчемного мальчишку лишь потому, что в его жилах течет королевская кровь? И потому что король сватает меня за него? И, скажу по правде, — сказала она, отворачиваясь, — Стирбьерн для меня не лучше кошачьего отродья.

Некоторое время король Эрик смотрел на нее, а потом, поняв, куда ветер дует, он разразился хохотом, потянулся к ней и взял за руку.

— Что ж, вышло тут несогласие, — молвил он, — непрямого вопроса с неловким ответом. Я сватаю тебя, Сигрид, не за кого-то другого, а за себя. И вот мое к тебе дело — будь моей женой и королевой в Уппсале.

Рука ее все еще была в руке короля, а тело гордо выпрямилось, словно дикие березы, дети леса и воли. Сигрид стояла недвижно, дыхание ее стало частым. Спустя время король сказал:

— А теперь какой ответ дашь ты мне?

Они остановились у края ледникового озерца, которое уже начало оттаивать. Ветер, дующий с дальнего его края, нес льдины вдоль берега, где стояли они. Сталкивающиеся края льдин похрустывали и стонали мягким высоким стоном, и обломанные кусочки звенели друг о друга, словно маленькие колокольчики. Сигрид ответила очень тихо:

— Тот ответ, что я дала, когда думала, что ты говоришь за Стирбьерна.

И вдруг, будто очнувшись, она попыталась вырвать свою руку из руки короля, но он ее удержал.

— Прошу, отпусти меня! — крикнула она. — На моей руке будет синяк.

Затем лицо ее покраснело, а взгляд сделался жестким и злым:

— Должна ли я отвечать тебе, как королю, или же как старику, что пришел свататься?

Король, отпустив ее руку, схватил ее в объятия. Она, испугавшись после сказанной колкости о старике, которая могла уязвить его, забыла уже и те большие ожидания, которые жаждала осуществить ее душа. Она покорно замерла, не дыша, в его сильных объятиях, которые доказывали, сколь пустопорожней была ее колкость — пустопорожней и оттого безвредной.

— Я покажу тебе, — горячо прошептал король Эрик в ее ухо и в волосы, — как тебе следует отвечать. Так хочу я, чтоб ты отвечала мне, Сигрид, как отвечала бы воителю, который любит тебя и не отпустит тебя. Не отпустит тебя, Сигрид Гордая.

Но она была такой напряженной и так обреченно корилась его объятиям, не произнося ни слова, что он немного отпустил ее. Она теперь стояла перед королем, держа руки за спиною и вперившись в него своими влажными непостижимыми очами.

— Я хорошо поняла, повелитель, что ты сильнее меня, — молвила она, — однако помни, что для каждого соглашения нужны две стороны.

— Это будет только справедливо и правильно, — ответил король, — Не стану я принуждать тебя, ни словом, ни делом. Однако на этом самом месте должна ты принять решение.

Она хранила молчание.

— Ну, так даю тебе сроку до завтрашнего утра, — молвил он.

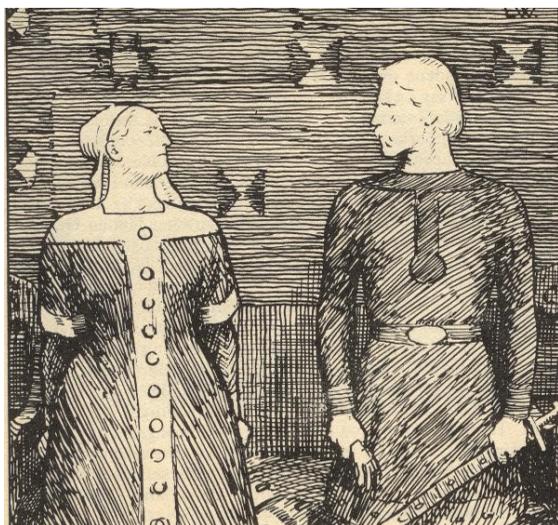
Но она все так же молчала. Быть может, странные и пагубные мысли роились в ее голове, под перевитой тяжестью кос, которые отбрасывали в слабом солнечном свете мерцающие отблески красно-золотого огня. Спустя какое-то время она устремила на короля взгляд своих карих очей.

— И какого выбора ты от меня желаешь, повелитель? — молвила она.

— Какого? — сказал король. — Это такой вопрос, которому не требуется ответа.

И снова она замолчала. Взгляд ее взволновал бы любого мужчину — столь был он пристаен и непостижим; так странствующий по незнакомому морю не ведает, безопасны ли глубины, над которыми он проплывает, или же они таят рифы, что станут причиной его гибели. Затем ресницы ее дрогнули и гордые губы ее смягчили свои очертания, и вся она теперь была покорившейся властелину красою.

— Желание сильного — закон, — молвила она и приблизилась, и он заключил ее в объятия.

4. ЙОМСБОРГ

Жил в те дни в Йомсборге Пальнатоки из Фюна, и был он там вождем воинской дружины. Устроил он замечательно укрепленный град, который обрамляли сложенные из камней стены, и были там на выходе из бухты ворота сродни тем, что ставят на въезде в город, так что три сотни боевых кораблей могли войти и встать в бухте за этими воротами. А в замке или же цитадели были жилища для каждого, кто был в дружине или же, как некоторые говорили, был принят под закон йомсборгцев. И было достаточно хранилищ, чтоб складывать добро, которое они привозили из набегов, и много амбаров, полных зерна и муки, и копченой рыбы, и всякого рода провизии и запасов. А внутри цитадели был колодец, всегда полный пресной воды, и как с суши, так и с моря град нельзя было взять, ибо опоясывали его высокие неприступные стены и защищали скалистые утесы, омываемые морем.

И были там с Пальнатоки другие знатные люди: Буи Толстый из Борнхольма и Сигурд Колпак, брат его, и Бьерн Рьяный, и трое сыновей Струт-Харальда, бывшего в те времена знаменитейшим ярлом в Сконе — звались они Сигвальди и Хеминг, и Торкель Высокий. Эти трое были шурыями Буи и Сигурда, поскольку Сигурд взял за себя Тофу, дочь Струт-Харальда. Кроме них, было в Йомсборге еще множество хёвдингов и людей значительных, все в самом расцвете сил, могли и готовы вершить все по своей воле; кровожадны были они, будто готовые к прыжку волки в своей природной дикости. Однако же (это и составляло силу и мощь их дружины) каждый готов был во всем положиться на вождя, и покориться тем законам и установлениям, что завел Пальнатоки.

Каждый из этих людей, был ли он богат или был он последним бедняком в их братстве, должен был принести нерушимую клятву держаться йомсборгских законов. И законы эти были таковыми: во-первых, никто не мог вступить в их братство, будучи старше пятидесяти и моложе восемнадцати зим. Или же тот, кто побежал от противника, равного с ним силой и оружием. И в-третьих, каждый из них должен

был поклясться мстить за убийство товарища так, как будто тот был его кровным братом. В-четвертых, никому не позволялось клеветать на товарища и устраивать свары. В-пятых, если в их ряды вступал человек, убивший прежде отца, или брата, или другого родственника того, кто уже был в их дружине, и это становилось известно уже после принятия его в ряды здешней дружины, то право решения и последнего слова оставалось за Пальнатоки. И так же, какие бы слухи и вести не дошли, следовало, прежде, чем сообщать их всем, рассказывать о них Пальнатоки. Тот же, кто нарушал эти установления, изгонялся из Йомсборга. Также не должно было никому держать в Йомсборге женщину. И никто не должен был отлучаться один из Йомсборга иначе как с позволения Пальнатоки. Что бы ни добыли они в набегах, все должны были сносить к столбу со штандартом, неважно, большая то добыча или малая, лишь бы она была стоящей; и если замечалось за кем-либо, что он этого не сделал, такой человек изгонялся прочь из их дружины, был ли он велик или незначителен. Никто не должен был показывать страха и вести трусливые речи, как бы безнадежно все не обернулось. Что бы ни возникло в городе, какие бы разлады не вспыхнули между ними — все должен был решать лишь Пальнатоки согласно своему разумению и воле. Как связи кровного родства, так и связи дружества ничего не значили, если кто желал вступить в их дружину; так же и просьбы и заступничество того, кто уже был в дружине, не могли помочь вступить в дружину тому, кто не проходил испытания.

Так пребывали они в своей цитадели в добром согласии, и держались своих установлений. Каждое лето они плыли в чужие края, совершали набеги, забирали богатую добычу и стяжали себе большую славу. И считались они величайшими воинами и завоевателями, и едва ли кто мог с ними сравниться.

Стояло лето — то лето, что пришло за событиями в Швеции, о которых мы уже поведали — и в Йомсборге все как раз только прибыли из заморского набега, дабы сложить добычу и поновить корабли, и снова плыть в набег, пока не настала зима. Пальнатоки, прохаживаясь на краю обрыва, выходящего на восход солнца, углядел корабли, идущие с северо-востока, на веслах и под парусом: было их шестьдесят и направлялись они к Йомсборгу. Дул береговик, легкий и уверенный, и море у стен Йомсборга было спокойным, бакланы ныряли и ловили

рыбу, а стая сизых чаек, крича, кружилась над ними и норовила стянуть их добычу. Корабли подошли ближе, пока не стали так близко, что с берега их могли слышать. К тому времени большинство людей в Йомсборге уже были на стенах вместе с Пальнатоки.

Самый большой из тех кораблей подошел под самые стены. Был он зловеще-черным, отделан золотом, а парус его был в красные, синие и зеленые полосы. На форштевне у него возвышалась драконья голова с чешуей из черного металла и языком багряного цвета, с глазами и гребнем, сияющими золотом, а висевшие вдоль фальшборта от носа до руля щиты раскрашены были в разные цвета и обиты бронзой и железом, блестящими в поднимающемся свете утра.

На юте стоял человек в голубом кертле и железной кольчуге, покрытый железным шлемом, блестящим и отделанным золотом; шлем его был оперен крыльями ястреба-канюка, вздымающимися по обе стороны. Когда судно его подошло к тому месту, где стояли вожаки йомсборгской дружины, человек тот отдал команду и гребцы замедлили ход корабля. И человек тот приветствовал бывших на стене. Пальнатоки в ответ также приветствовал его и спросил, кто он и из каких краев. Стоящий на юте отвечал:

— Я Стирбьерн, которого еще зовут Шведский Витязь, сын короля Олафа Шведского. Это мои люди и сами мы из шведских земель.

Пальнатоки спросил, какое у них к нему дело.

Стирбьерн отвечал, что они прибыли погостить.

— Тут, в Йомсборге, нет места гостям, — ответил Пальнатоки. — Мы, — я и товарищи мои, — не гостеприимны и гостям не рады

Стирбьерн сказал:

— Я стану говорить с тем из вас, которого зовут Токи, сын Пальни. С тем, у которого нос как орлиный клюв — это ты или нет?

Пальнатоки отвечал:

— Это я и есть.

— Хей, у этой птицы также и когти имеются, — крикнул Буи.

— Мы пришли сюда не попрошайничать, — сказал Стирбьерн Пальнатоки. — Как ты и твои люди не примут ни от кого подачки или снисхождения, так же и я, и мои люди. Вот зачем я прибыл: предложить тебе дружбу, вступить в дружину в Йомсборге и плыть с вами в викинг.

— Он заикается, — сказал Буи, — как поросенок у кормушки.

Пальнатоки внимательно посмотрел на Стирбьерна, как корабельщик смотрит на судно или как всадник смотрит на лошадь. Затем сказал он:

— Нам не нужна ничья дружба, не нужна нам также и твоя помощь. Я слышал о тебе — ты еще не вошел в возраст мужчины. Что ты можешь?

— Я два лета провел в набегах на востоке, — отвечал Стирбьерн, — а перед тем я убил объявленного вне закона моим дядей Ламби Белого, который был известным морским разбойником. Это было у Сконе прошлым летом.

Пальнатоки спросил его, откуда они плывут теперь.

Он отвечал:

— Мы гостили на востоке, в Хольмгарде⁸. Потом мы все лето грабили Страну бьярмов⁹ и Балагард¹⁰. И прибыли сюда мы не с пустыми руками.

— Раз уж вы сюда приплыли, я думаю, вы оставите здесь все, с чем прибыли, — сказал Буи.

Сигвальди сказал:

— Корабли готовы. Хорошо будет, если мы нападём внезапно: захватим этих кроликов, а остальные перепугаются, подожмут хвосты и дадут деру.

Ярл Ульф, который стоял подле Стирбьерна на юте, шепнул ему на ухо:

— Это полное безрассудство, как я тебе и говорил. Смотри, как они шушукаются, советуются, что делать! Это не сулит нам ни добра, ни выгоды.

— Ну и пускай, — сказал Стирбьерн. И он крикнул Пальнатоки:

— Прими нас у себя. Ты не найдешь в нас, вместо друзей, дармоедов, насыщающих свои кишки едой с твоего стола. У тебя в людях недостаток, а я как раз здесь.

— Ты мальчишка, — закричал тогда Пальнатоки. — Возвращайся через год или два, когда борода вырастет. Тогда и будем с тобой говорить.

---

⁸ Новгород

⁹ территория, как считается, современной Карелии

¹⁰ южное побережье Финляндии

Но, несмотря на свои обидные и насмешливые слова, он продолжал пристально, сощурившись, смотреть на Стирбьерна, словно что-то захватило его в речи или в том, как тот держался, или в голосе.

Стирбьерн потемнел лицом после его слов.

Буи испустил громкий хохот, и зычно прокричал:

— Ступай домой к мамке, вороненок. Если у меня волос останется не более, чем у тебя сейчас на лице — пусть кончу я свои дни в вонючем свином хлеву, нянчась с новорожденными поросятами.

— Здесь есть и такие, кто сражается руками, а не лишь языком, — ответил Стирбьерн.

— Придется мне вдобавок надрать тебе зад, — крикнул Буи.

Пальнатоки, выжидая, продолжал смотреть со стены, поверх ленивого биения волн морского прибоя. Потом он снова крикнул стоявшему на корабле:

— Я уже сказал тебе, я не люблю принимать гостей. Но мои советы считают разумными. И вот мой совет тебе — подними шлем и убирайся из Йомсборга, пока можешь.

Чтобы ответить, Стирбьерн приказал подвести корабль еще ближе, чтобы те, кто был на стене, могли его хорошо слышать. И теперь можно было лучше видеть его, его рост и силу, и сколь он был хорош собой, пока говорил с Пальнатоки. И в конце концов Стирбьерн заявил, что он не против того, чтоб уйти от Йомсборга, но раз они считают его слишком юным, чтобы подчиниться их законам и вступить в их братство, пускай испытают его, потому что человек познается по его делам. И для этого пусть спустят на воду боевой корабль против его корабля, с числом людей, равным тому, сколько их на его корабле.

— И пусть ты, Пальнатоки, или другой, кого вы считаете лучшим из бойцов, будет на том корабле и сразится со мной и моим кораблем. И если ты убьешь меня, то на том и покончим, и мои люди должны будут отдать все вещи и добро, что мы награбили на восточных побережьях и нагрузили на наши корабли. Но если я одержу победу и убью тебя, тогда пускай все в Йомсборге по праву и справедливости признают меня их главой вместо тебя, так как я на деле показал себя лучшим бойцом. И да будет это скреплено меж нами нерушимой клятвой именем Тора, на которого я изо всех богов надеюсь более всего. И если люди в Йомсборге полагаются на других богов более, не-

жели на Тора, то пусть принесут клятву именем тех богов и также именем Тора.

Эту речь за Стирбьерна держал ярл Ульф, его воспитатель, так как самому Стирбьерну речи удавались плохо.

Люди в Йомсборге сперва были настроены против такого решения, и больше всех Сигвальди, который был еще с юности изворотлив от природы, не любил идти прямыми путями и не любил игры в открытую, но всегда готов был ко всяким коварствам и хитростям, словно скользкая устрица. Но Пальнатоки, когда все остальные высказались, сказал им:

— Что ж, одно из двух — либо это молодой хвастун, либо волченок, пришедший за моим сердцем. Правду говорят, тропа молодых идет вверх. Говорят и другое — когда дерево старо, жди осени. Я буду уже не я, если мальчишка меня победит. Но если так суждено, лучше вам иметь главою его, нежели меня. А теперь я буду сражаться со Стирбьерном, корабль на корабль.

Стирбьерн сказал ярлу Ульфу:

— Не хочу, чтоб ты был возле меня в этой битве, опекун. Ибо если все пойдет худо — кто обуздает шведов и тех, кто пошел за мной с востока и связан со мной клятвой, коли паду я в битве? Но если с ними будешь ты — ты сможешь обуздать их ретивость, что и следует тогда сделать.

— Просто диву даешься, — сказал ярл. — Настолько я тебя люблю, что готов потакать даже в таком деле.

И вот решена была битва корабль против корабля, и были принесены клятвы с каждой стороны, и призваны древние свидетели их обетам: клялись высоким солнцем, яркой молнией, скалой Тира-Победителя и кольцом Улля. И к этому должны были они прибавить: «если же не сдержу я той клятвы, пусть корабль, на котором я пойду, не плывет и в попутный ветер, и пусть меч мой не рубит ничего, кроме как если приведется ему пропеть над моей собственной головой. И пусть стану я, как волк в дикой чаще — безрадостный и голодный, питающийся лишь гнилой мертвечиной». Рьяно стремился Буи Толстый участвовать в этой битве, но Пальнатоки не захотел, чтоб с ним был кто-либо, кроме его корабельного хирда — так же он поступал всегда, когда они выступали в бой.

— Ты тверже, — сказал Сигвальди, — чем витой канат в холод. Слишком уж искушаешь ты судьбу и играешь со смертью. Хотя ты всегда имел удачу делах, и, возможно, она спасет тебя и теперь.

Пальнатоки попросил Сигвальди быть за старшего, пока его самого не будет, и держать людей и корабли в бухте.

— И смотри, дабы никто не выказывал никакой враждебности, разве что они первыми нарушат положенную меж нами клятву.

Итак, отвел ярл Ульф корабли севернее, а йомсборжцы держали корабли за воротами гавани. Но Пальнатоки выступил со своим кораблем против Стирбьерна, и без промедления начал сражаться. Другие суда были на расстоянии двойного полета стрелы от сражающихся. Пальнатоки был искусен с луком и стрелами, и троих или четверых людей Стирбьерна он убил таким образом, когда корабли сблизилась на расстояние удара. И когда встали они к борту борт, забряцало железа о железо, и началась пляска острых лезвий. И бой стал свиреп и кровав, и люди Пальнатоки стали прыгать на корабль Стирбьерна, и много шведов нашли свою смерть.

Был со Стирбьерном человек по имени Эйстейн Лисица, родом норвежец из Халогаланда. Ему пришлось уехать из Норвегии в чужие края из-за ярла Хакона, ибо убил он одного из людей ярла. Так что он поплыл в Киль, а оттуда за море в Хольмгард. Стирбьерн взял его к себе в Гардарики и с тех пор держал при себе в походах на побережье Страны бьярмов. Это был искусный боец, лучше всего владел он топором, и убил он очень многих. Так что теперь Стирбьерн позвал Эйстейна и велел ему выбить викингов с их корабля. Битва закипела еще более яростно, чем прежде, и йомсвикинги принуждены были податься назад и отступить от такого напора. И теперь решил уж Эйстейн перепрыгнуть на корабль Пальнатоки, но Пальнатоки столь сильно ударил копьем в умбон¹¹ его щита, что тому не удалось перепрыгнуть — его нога скользнула в щель меж кораблями, и он шлепнулся на фальшборт корабля Пальнатоки. И в тот самый миг, пока он еще не опомнился, Бесси Торлаксон хватил его боевым молотом так сильно, что разбил голову. Говорили, что была кровная вражда между этими двумя, Эйстейном и Бесси, и что Бесси, ударив его, крикнул:

---

¹¹ металлическая бляха-накладка полусферической или конической формы, размещённая посередине щита, защищающая кисть руки воина от пробивающих щит ударов

— Так мы вышибаем лисицам мозги.

После того Пальнатоки зычно крикнул своим людям, приказав драться более рьяно, и сам снова перепрыгнул на корабль Стирбьерна, разя направо и налево. Он устремился на Стирбьерна со своим копьем, но Стирбьерн подставил щит на его удар и не дрогнул. Часто после того Пальнатоки говорил, что он еще не видел человека такой силы, чтоб мог выдержать подобный удар копья и не податься назад ни на вершок. Но йомсвикинги теперь устремились вперед с силой и напором, которому не мог противостоять никто, и удалось им очистить корабль Стирбьерна так, что лишь он один остался на юте против них всех, а люди его были убиты либо тяжело ранены.

Пальнатоки проговорил:

— Вижу я, Стирбьерн, что ты предложил нам тяжелую игру с мечами; правда, что ты силен телом и что ты человек большого сердца и упорства. И я предлагаю тебе от души такое, что, думаю, примешь ты с честью: вы все уйдете с миром и заберете с собой и корабли, и все, что есть на них.

— Я этого не приму, — отвечал Стирбьерн. — Но пускай ты и я сойдемся теперь в поединке, один на один. А остальные пускай смотрят.

— Тут есть опасность для тебя, — молвил Пальнатоки, — потому что даже если боги и даруют тебе победу надо мной, мои храбрые воины, что вступили на этот корабль, будут злы на тебя противно всем договоренностям и убьют тебя, несмотря на все клятвы.

— Так отошли их назад, — сказал Стирбьерн, — пусть вернуться на свой корабль. И пусть заберут с собой тех из моих людей, кто пострадал, и пусть перевяжут их раны. Пускай освободят они этот корабль и отойдут. А нам с тобой будет проще разобраться наедине среди мертвых тел.

Пальнатоки посмотрел на Стирбьерна и сказал:

— Ты уже ранен. Кровь сочится из-под твоего щита, она бежит из твоего левого плеча. Почему не желаешь ты принять мое предложение и уйти?

Тот отвечал:

— Тут не место для торга.

— Это противно моему желанию, — сказал Пальнатоки, — до срока посылать в Хель столь достойного человека как ты — и всего лишь для того, чтобы кончить игру, из-за твоего упрямства. Пришло мне в голову спасти тебя от твоего собственного безрассудства: проси моих людей снести тебя на своих щитах и так спасти твою жизнь.

Отвечал Стирбьерн:

— Живым меня не возьмут, уж в этом не сомневайся. Если ты стоящий человек, сделай так, как я прошу.

— Что ж, — молвил Пальнатоки, — это против моего желания. Подумай хорошенько, потому что я не тот, кто способен хоть каплю пощадить тебя, если уж сталь встанет меж нами.

— Поторопись-ка, — сказал Стирбьерн, — а то я тут заоченею, пока тебя жду.

Итак, йомсвикинги по приказу Пальнатоки вернулись на свой корабль, оставив их одних, и забрали с собой тех из людей Стирбьерна, кто был еще жив. Из этих последних никто не мог сам идти или держать оружие.

Пальнатоки и Стирбьерн стояли теперь мысок к мыску на юте корабля Стирбьерна. Стирбьерн сказал:

— За тобой первый удар.

— Никто до сих пор не предлагал мне такого, — отвечал Пальнатоки, — и от тебя я этого не желаю принять.

Стирбьерн поднял меч и попытался круговым ударом поразить его, но Пальнатоки подставил щит, меч был отражен умбоном и ушел в сторону. Потом Пальнатоки ударил его сверху, метя в шлем, но меч только скользнул по шлему, задел крыло и обрушился было на плечо Стирбьерна, но тот успел поймать его щитом и отвести.

— Окрылил я ястреба, — молвил Пальнатоки.

И так обменивались они тяжкими ударами, но каждый искусно их отражал, так что ни один удар не достиг цели, и никто не был ранен. Однако Стирбьерн, потеряв кровь от прежней раны в левое плечо, несмотря на свою ярость и силу, двигался все тяжелее, чем дальше шла схватка — будто рана и потеря крови ослабляли его. Лицо его потемнело, и тяжелое дыхание мешалось с хрипом. Однако меч его бил ничуть не слабее. Но Пальнатоки, хоть был худ и жилист, обладал тем не менее долгим духом, будто связки его были железными; и хоть

было ему уже сорок и три зимы от роду, он был в своих доспехах так же легок на ноги, как мальчик, играющий в мяч, и прыгал, и поднимался он, словно кот. Но когда он уворачивался от мощного кругового удара Стирбьерна, вдруг нога его поехала на пятне крови, словно на льду, он поскользнулся и упал на спину перед врагом, стоящим над ним с оружием в руках.

Стирбьерн отступил на шаг и опустил меч. Лицо его, ранее раскрасневшееся, стало теперь серым, и он проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Вставай и давай доигрывать игру.

Он тяжело оперся правой рукой, в которой держал меч, о фальшборт своего корабля. Доски дрогнули под его рукой.

Пальнатоки легко поднялся на ноги и встал перед ним со щитом и мечом. Смотря на Стирбьерна своими орлиными глазами, он сказал:

— Нам теперь лучше закончить. Мудрым назовут того, кто умеет читать знаки богов.

Стирбьерн сказал:

— Ты хороший человек, Пальнатоки и не желал я поступать с тобой бесчестно. Но игру надо доиграть.

Пальнатоки опустил меч и бросил его между скамьями для гребцов, и подошел к Стирбьерну с открытой ладонью.

— Для нас обоих лучше, чтоб мечи наши бились бок о бок, чем они будут сражаться друг с другом.

Стирбьерн, измотанный от усталости и потери крови, едва нашел силы пожать его руку.

После этого оба флота сблизилась и раздались громкие крики, и казалось, что не избежать большого сражения. Ярл Ульф и его люди, видевшие, как корабли разошлись, и как корабль йомсвикингов отошел прочь, были в недоумении и не знали, что им делать. Решили они подойти поближе, дабы хорошенько разглядеть, чем все кончилось. А флот, во главе которого был Сигвальди, вышел из гавани и приготовился к бою, ибо Сигвальди показалось, что шведы собираются нарушить договор и вероломно напасть на Пальнатоки. И ясное дело, недолго мог бы продержаться ярл Ульф и остальные люди Стирбьерна, если бы пришлось им сразиться со всеми йомсвикингами.

Но Пальнатоки, стоящий на юте корабля Стирбьерна, рука об руку с ним, крикнул обеим сторонам зычным как труба голосом. Голос его перекрыл крики и бряцание оружия, и плеск волн — он крикнул, что битва окончена и у них со Стирбьерном мир. И они прислушались к Пальнатоки и повиновались ему.

Так что они вернулись к берегу и осмотрели раненых, и Пальнатоки помогал врачевать раны, ибо он был искусен в науке врачевания, как и во многом другом. Убитых перенесли на берег, и похоронили их, насыпав погребальный холм, на морском берегу восточнее Йомсборга. Но Стирбьерн и более сотни его людей, кто был в должном возрасте, самые достойные, остались в Йомсборге, чтобы отныне стать йомскими викингами.

Говорили, что не было еще такого, чтоб в Йомсборге остался кто-либо моложе восемнадцати зим от роду. И после Стирбьерна также не было человека, принятого в Йомсборге вопреки юному возрасту, кроме Вагна Акисона. Пальнатоки же, взяв Стирбьерна за руку, сказал, что не видел и не знал он еще такого бойца за всю свою жизнь, и сказал, что не важен возраст, раз Стирбьерн показал себя столь славным воином. И между Стирбьерном и Пальнатоки возникла крепкая дружба и приязнь, и также дружба и приязнь были положены между Стирбьерном и ярлами Йомсборга. Стирбьерн был с ними в походах до самой зимы, и стяжал славу, а зимой отправился с Пальнатоки в Фюн.

И в тот самый год, в конце зимы в Уппсале королева Сигрид родила сына королю Эрику.

5. ЙОЛЬ В ДАНИИ

Так миновал еще один год, и пришла третья зима, как был Стирбьерн в чужих краях. Он считался теперь знаменитым воителем. Все признали в нем столь умного и предусмотрительного человека, несмотря на его молодость и порой горячность и поспешность, и столь любим он был всеми, что никто не думал противиться, когда он оставался в Йомсборге за старшего, ежели Пальнатоки надо было уехать из города по своим делам в Фюн или куда-либо еще.

В то время был в Йомсборге Бьерн Асбрандсон из Кумбе, исландец родом, который прибыл в Йомсборг незадолго до того, как прибыл туда Стирбьерн. Бьерну шел двадцать девятый год, и прозвище у него было Бьорн Витязь из Бродвикера. Он был на самом лучшем счету, в речах приятен и, как поговаривали, столь же горазд приударить за женщинами, как и померяться силой один на один с мужчинами. В обоих этих делах немногие могли с ним сравниться. Меж ним и Стирбьерном возникла приязнь с того самого дня, как был Стирбьерн принят в Йомсборге; а после связали Стирбьерн с Бьерном себя клятвой побратимов. И даже будь они братьями по крови и рождению — и тогда не могло бы быть большей любви и дружбы между ними.

Положено было йомсборгскими ярлами, когда к концу лета добыча привезена в город и сложена в хранилищах, разъезжаться, кому куда угодно, оставив лишь отряд для защиты города зимой. И один из их вожakov должен был оставаться в Йомсборге за старшего на всю зиму. Год за годом они по жребию выбирали, кто должен исполнять эту обязанность, ибо никому этого особо не хотелось, однако же очередь переходила от одного к другому. В этот год жребий выпал Хемингу, среднему сыну ярла Струт-Харальда, быть старшим в Йомсборге и оставаться там до самой весны, когда все снова соберутся вместе для летних набегов.

Вот так большинство из них уже было готово ехать по домам, но Стирбьерн все еще не мог решить, куда отправиться, ибо лишь весною

мог он вернуться домой в Швецию и принять свою часть королевства, согласно слову короля Эрика.

Многие так хотели, чтоб поехал Стирбьерн к ним домой и был бы гостем на праздновании Йоля, что между ними даже возникли споры и раздоры, к кому он поедет. В конце концов Бьерн шепнула ему на ухо:

— Хорошо гостить, Стирбьерн, у короля Харальда Гормсона в Дании. Туда я прибыл, когда только оставил Исландию, и король Харальд был добр ко мне и принял меня хорошо. И вот что еще — у него есть юная дочь на выданье. А ты много раз говорил мне, что собираешься жениться, ибо когда сядешь в Уппсале королем, то уж больше не будешь безземельным бродягой, .

Стирбьерн рассмеялся. Взяв Бьерна за руку, он заговорил, обращаясь ко всем:

— Тут вот мы, двое сирот, покуда бесприютных. А почему бы королю данов не приютить меня и тебя, Бьерн, на время празднования Йоля, раз уж Пальнатоки воспитывает его отпрыска?

Итак эти двое со своими людьми, попросившись с Пальнатоки и остальными, поплыли на запад вдоль побережья и скоро добрались до Датской земли. Там они разузнали, что король Харальд на зиму осел в Съеланде, в своем доме в Роскилле. Поплыли они в Съеланд и вошли во фьорд, доплыли до самого горла фьорда, где он расширялся и переходил во внутреннее море. Лишь только король Харальд узнал, что к нему плывут йомсвикинги, прислал он гонцов, которые передали приветствие короля и просили прибыть в дом, что был недалеко от побережья, на небольшой возвышенности, смотрящей на серое море и серую землю. Они прибыли, и король приветствовал и хорошо принял их, и просил их остаться у него на празднование Йоля.

Король Харальд был мужем небывалой щедрости, и хорошо угощал своих гостей, потчевал их добрым наикрепчайшим пивом. В тот вечер, прежде чем оправиться спать, все датчане напились будто свиньи, посползали с лавок, да и продремали там до самого утра; но Стирбьерн и его люди разума не теряли, хотя и пили чашу за чашей вровень с датчанами. А король Харальд перепил своих людей, однако же и он не выдержал такого пития и развалился в своем кресле мертвецки пьяный. Сложения он был плотного, страдал вспучиванием жи-

вота, был толст и короткошей, с обвислыми щеками, уродливым ртом, большой мертвый зуб высывался у него с одной стороны рта поверх губы; по этому торчащему клыку и пошло его прозвище во всех северных землях — Харальд Синезубый. И много вечеров, пока гостили они у короля Харальда, все повторялось и заканчивалось одинаково, и йомсборжцы показали, что пить, не теряя головы, они умеют лучше прочих.

Желанием короля Харальда было, чтобы, когда они вечером садились за столы, пищу и питье благословлял королевский жрец, ходивший в длинном цветном платье, которое больше приличествует женщинам, и имевший гладкую бритую макушку. А рядом с королевским домом был отдельный дом, король называл его церковью; там его жрец в должное время совершал свои службы, на которых присутствовал король и все его люди. Но йомсборжцы туда не ходили. Стирбьерн спросил Бьерна, как так вышло, что король данов и его люди более не почитают и совсем отринули старых богов.

— Говорят, — отвечал тот, — что в прошлые годы кесарь Оттон пошел против датчан и потребовал от короля Харальда, чтоб они приняли крещение. Король Харальд ответил на это отказом, так же как и его люди, и поднял датчан против кесаря Оттона, и была меж ними долгая война. Король послал в Норвегию к ярлу Хакону, и ярл пришел к нему на выручку. Но в конце концов кесарь победил датчан, после чего волей-неволей пришлось креститься и королю, и всем его людям. Но ярл Хакон убрался прочь на своих кораблях и как только ступил на землю — тотчас принес кровавую жертву богам, после чего вновь ступил на корабль и уплыл домой в Хладир. И с тех пор правит Норвегией, как настоящий король, не платит никому ни дерьмовой монетки, и ни в грош не ставит христианскую веру и короля данов, чьим ярлом он до того был.

— Вот это было хорошо, — сказал Стирбьерн.

Стирбьерн и люди его пробывли у короля Харальда Гормсона в Роскилле до самого Йоля. Среди людей короля Харальда не было ни единого, кто мог бы соперничать со Стирбьерном в силе и ловкости, ни единого, кто дерзнул бы его оскорбить или же повздорить с ним. Сперва король хотел видеть его среди своих людей, но Стирбьерн на это ответил отказом. И дружба их, которая начиналась так

обнадеживающе, словно бы прекратила возрастать, но оставалась на одном месте, будто терн, посаженный на бедную почву на продуваемой ветрами окраине поля. Однако с юношами и молодыми людьми, что были в ту зиму в Роскилле у короля Харальда, Стирбьерн был так весел и дружелюбен, что они его полюбили. И было видно, что они с радостью следовали за ним; и то, что казалось хорошим ему, они превозносили и восхваляли, и поносили то, что ему не нравилось или к чему он был безразличен. Король Харальд, видя это и понимая, стал вести себя с ним по-иному, становился более угрюмым, когда рядом был Стирбьерн, и говорил при нем мало. Стирбьерн решил, что из этого выйдет неплохая игра — подшучивать над королем, когда тот столь мрачен, и сделал из этого забаву. И он частенько для забавы говорил, что не знает, так ли уж хорош из Харальда король для данов, когда он проводит время в церкви со своими жрецами, и что ему, Стирбьерну, иной раз приходит в голову — а не посадить ли на место Харальда другого короля, а этот пусть убирается. Король Харальд делал вид, что принимает это как шутку, и отвечал шутливой перебранкой, будто тоже забавляясь. Но эта игра все более отравляла ему душу.

У короля Харальда был всего один сын, Свейн, которого воспитывал Пальнатоки, как уже говорилось выше. Свейну было сейчас девять зим от роду. Тири была дочерью короля Харальда. Было ей четырнадцать зим, была она немногословна, но приятна видом и весела. Волосы ее были черны и изящно вились, рот был хорошо очерчен, но немного великоват. И не могли сказать, была ли она пригожа на вид или не пригожа вовсе, потому что попеременно казалось то так, то эдак. Она не удалась высока ростом, но была приятного и благородного сложения.

Часто Стирбьерн и Тири разговаривали друг с другом. Бьерн отметил, как этим двоим, которые не отличались многословием с другими, было о чем поговорить и посмеяться промеж собой; беседовалось им легко, как будто каждый с легкостью угадывал мысли другого, как угадывает человек дорогу в стране, где он вырос, и где все ему кажется близким и знакомым. Так продолжалось какое-то время. Затем Тири стала казаться еще тише и молчаливее, нежели обыкновенно, будто утреннюю свежесть ее нрава сокрыла темная тень. Бьерн, приметив

это, спросил однажды у Стирбьерна, не стоит ли ему переговорить в открытую с королем Харальдом.

— Раз уж ты решил жениться и, как вижу я, судьба посылает попутный ветер твоему парусу.

— Есть еще время, — отвечал Стирбьерн.

— А я-то было подумал, глядя на тебя, что ты уж все решил, — сказал Бьерн.

Стирбьерн сказал:

— Дружбу водить — одно дело. А вот насчет женитьбы я еще не знаю.

— Но ты же ищешь жену? — молвил Бьерн. — А тут как раз девица, пригожее многих, и мыслями с тобой сходна, и такого знатного рода, о котором только можно помечтать.

Стирбьерн рассмеялся.

— Может, мне не по нраву чернявые женщины. А может, мне не по нраву маленькие. Но она мне нравится. И все же — нет.

С тем Бьерн и пошел спать, и оставил говорить об этом.

Пришла пора Йоля, и король Харальд созвал всех могущественных и знаменитых людей своей страны приехать и праздновать вместе с ним, и велел служить мессу в его церкви. И снова он уговаривал Стирбьерна и его людей креститься, однако ни один из них и не подумал этого сделать, и король ничего от них не добился. Вечером у короля началось великое йольское пиршество. Много было рассказано историй. И многие состязались между собой.

Король попросил Бьерна рассказать об Исландии. Бьерн рассказал.

— Есть ли короли в этой земле? — спросил король Харальд.

— Ни одного, — отвечал Бьерн.

— Кто тогда правит там?

— Жрецы, — сказал Бьерн.

— Что, схожие с вот этим? — спросил король, указав пальцем.

Бьерн расхохотался.

— Не совсем так, повелитель. Скорее, схожие со мною, — сказал он.

— Ты был жрецом, когда был в Исландии, Бьерн? — спросил король.

— Нет, — молвил Бьерн.

— А отчего же ты не был жрецом? — спросил король.

— Это не для каждого, — отвечал тот, — такое не каждому дано. В моей земле, где родился я и вырос, жрецом был Снорри Торгримсон; он получил посвящение от своего отца, Торгрима Жреца Фрейи, и так уж велось в их роду со времен Торольфа Бородача, который и них первым прибыл в Исландию и осел на земле, которая стала зваться Мыс Тора.

— Ваши жрецы схожи с королями? — спросил король Харальд.

— У них власть королей, — молвил Бьерн, — исключая то, что никто не обязан следовать и подчиняться им иначе как по своему вольному выбору. И нет у них ни королевского имени, ни королевской державы.

— Кем же был ты в Исландии, Бьерн, — спросил король, — раз ты не был жрецом?

— Сам по себе человек был, — отвечал тот.

— И чем ты занимался? — спросил король.

— Тем, на что годились мои руки, — сказал Бьерн.

— Был ли ты хорошим бойцом?

— Что-то в таком роде, — ответил он.

— Слышал я, — молвил король, — что в Исландии множество хороших скальдов. Что скажешь ты на это, Бьерн?

— Нигде не сыщешь скальдов лучше, нежели в Исландии, — отвечал Бьерн, — хотя раз на раз не приходится.

— Ха! — воскликнул король. — Я думаю, ты сам — скальд, а, Бьерн! И мало что так порадует да потешит меня, как если бы ты спел песнь или сказал прибаутку, или стих, сложенные тобой.

— Я сложил для тебя драпу¹², король, — молвил Бьерн, — длинной в двадцать строф. Если дозволишь, я скажу ее.

— Это очень бы меня потешило, — сказал король.

И вот Бьерн выступил вперед и начал говорить свою драпу, сложенную в честь короля Харальда. И когда закончил он, все решили, что Бьерн — лучший изо всех скальдов, о ком когда-либо слышали в Датской земле за все годы, сколько хватит человеческой памяти. Королю Харальду так понравилась Бьернова песня, что он подарил тому золотое кольцо в двенадцать унций весом.

---

¹² хвалебная песня в скальдической поэзии

Король спросил Бьерна, знает ли тот еще какие-нибудь песни или стихи. Бьерн отвечал, что знает множество самых разных стихов и песен. Король просил его сказать тот из стихов, который ему самому более всего по душе.

Стирбьерн тихонько сказал Бьерну:

— Кошунство творится на этом празднике Йоля — ни жертвова-
ния не было совершено, ни восхваления богов. Не мог бы ты сказать
что-то, что восславил бы богов, Бьерн, чтобы они на нас не гневались?
И чтоб пристыдить данов, которые позабыли их?

— Я сделаю это с удовольствием, — отвечал тот, — с тем
большим удовольствием, что о том просишь меня ты.

И во второй раз встал Бьерн перед королем Харальдом. С собой Бьерн был хорош — высокий и сильный, открыт и приятен обличьем, с туго курчавившимися волосами, заколотыми на голове, с бородой, короткой и курчавой как овечье руно, и опрятно приглаженной. Трелы подбросили топлива и оживили огонь, чьи языки взметнулись и осветили высокие своды залы до самых темных стропил под кровлей и до столбов по стенам. Лица людей раскраснелись от пива и праздника, и от отблесков и жара огня, и яркие огни вспыхивали в глазах, отражались от золотых колец и пекторалей, и от оружия, что висело за ними по панелям, которыми были обшиты стены залы. И так была начата песнь, которую сказал Бьерн Витязь из Бродвикера в зале короля Харальда: не его собственная песнь, но древняя священная Песнь Вёльвы, где говорилось о начале всего сущего, предрекая также конец всего сущего, и про то, как боги вели себя с людьми.

*Внимайте мне все
священные роды,
великие с малыми
Хеймдалля дети!
Один, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню¹³.*

¹³ «Прорицание Вёльвы», тут и далее перевод А.И Корсуна. Строфы переставлены в соответствии с их расстановкой у Э.Р.Эддисона

Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они
в давние годы;
помню девять миров
и девять корней
и древо предела,
еще не проросшее.

В начале времен
не было в мире
ни песка, ни моря,
ни волн холодных.
Земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла.

Пока сыны Бора,
Мидгард создавшие
великолепный,
земли не подняли,
солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.

Солнце, друг месяца,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей.

Все в зале сидели будто каменные, пока Бьерн говорил Песнь Вёльвы. Но когда песня пошла дальше, все словно бы придвинулись ближе — незаметным глазу движением, как движутся звезды по небесному своду. Эта песня словно делала их лишенными крова, и они вынуждены были жаться друг к дружке в поисках тепла и света, и родной плоти и крови. И было так, словно мрачная ночь цвета черной соболиной шубки свивалась клубами и шевелилась за дымными пределами огненных отблесков вокруг и позади бражников. И во тьме этой таились мириады следящих, неощутимых, однако близких, стерегущих и наблюдающих всех, пока Бьерн стоял в пятне света и говорил свою Песнь. Король Харальд откинулся в своем высоком кресле и казалось, зарылся в собственную бороду. В одном сером волосатом кулаке он держал рог для питья, но рука будто застыла. Сперва глаза его были прикрыты, затем он поднял их и уставился на Стирбьерна, который сидел напротив короля, но на помосте пониже. Но Стирбьерн, сидящий очень прямо, думал, как казалось, только о песне. Обе его руки вцепились в столбики кресла, чуть выше головы, а отполированные звенья цепи вспыхивали и погасали при мерном дыхании, поднимавшем и опускавшем его сильную грудь. Ноздри его расширились, словно за ритмичными накатами и стопами великой Песни ему слышался плеск волны под его ладьей, оленем волны, несущим его туда, где волны и скалы сталкиваются у неведомых берегов.

И вот добрался Бьерн до той части, где говорится о рождении Волка, который

*...станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.
Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся —
довольно ль вам этого?*

А затем запел он о том, что станет в конце времен: о Рагнарёке и Сумерках Богов.

*Сидел на холме,
на арфе играл
пастух великаниши,
Эггдер веселый;
над ним распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар.
Запел над асами
Гуллинкамби,
он будит героев
Отца Дружин;
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога.*

*Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит -
вырвется Жадный.*

*Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.
Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,*

треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.
Игру завели
Мимира дети,
конец возвещен
рогом Гьяллархорн;
Хеймдалль трубит,
поднял он рог,
с черепом Мимира
Один беседует.
Трепещет Иггдрасиль,
ясень высокий,
гудит древний ствол,
турс вырывается.
В ужасе все
на дорогах в Хель,
прежде чем Сурта
родич заглочит.

Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит -
вырвется Жадный.

Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
асы на тинге;
карлики стонут
пред каменным входом
в скалах родных -
довольно ль вам этого?
Хрюм едет с востока,

*щитом заслонясь;
Ёрмунганд гневно
поворотился;
змей бьет о волны,
клекочет орел,
павших терзает;
Нагльфар плывет.
С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет.
Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечях богов;
рушатся горы,
мрут великаниши;
в Хель идут люди,
расколото небо.*

*Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит -
вырвется Жадный.*

После того, как окончил Бьерн песню, некоторое время стояла мертвая тишина. Затем королевский жрец вскочил, из уст его беспорядочно, словно вода из узкого горлышка, запрыгали слова о сквернословии и богохульстве; и очевидным было для него то, что даны должны отплатить Бьерну чем-нибудь худым. К концу этой речи люди короля, что сидели подле священника, встали и, схватив его крепко, но так, дабы не причинить ему вреда, вывели к двери. Остальные же сидели

молча, пристыженные, чувствуя себя неловко; и только спустя время вновь принялись пить и есть, не слишком, однако, весело. Но король, чье большое плоское лицо было мертвецки бледным даже в теплом свете огней, продолжал во все глаза смотреть на Стирбьерна так, словно тот был самим Суртом с пламенеющим мечом, возглавляющим своих демонов в походе на Вальхаллу.

6. ДОЧЬ КОРОЛЯ ДАНОВ

На следующий день пришла Тири, королевская дочь, к Бьерну и отозвала его в сторону.

— Отчего спел ты прошлым вечером перед королем столь дурную песнь? — спросила она.

Бьерн, не ответив ничего, ждал, что будет.

— Я не знаю, что там было, кроме самой песни, — молвила она, — но король, отец мой, впал в великое беспокойство и всю ночь глаз не сомкнул.

— Жаль мне слышать это, — сказал Бьерн, — однако недорослей больше занимает то, что хочет вымолвить их рот, чем нечто, вроде песен, входящее в их уши.

— Я не стану говорить с тобой, — сказала Тири, — раз ты насмешничаешь.

Бьерн сказал:

— Не стану я более насмешничать, королевна.

Тири смущенно взглянула на него своими большими глазами. Казалось, она не может решить, с чего начать. Бьерн подумал, что он сейчас для нее друг, помогающий в нужде, и что молчание ее — знак того, что она не в силах решить, стоит ли он ее доверия, и опасается говорить с посторонним начистоту.

— Если я неладно поступил прошлым вечером, — молвил он, — ничто не утешит меня сильнее, как возможность услужить тебе, насколько это в моих силах, чтобы загладить худое.

— Что ж, правда, — наконец, сказала Тири, — ты можешь кое-что сделать для меня.

Она снова погрузилась в молчание. Бьерн, чтобы помочь ей, сказал:

— Я умею хранить тайны.

— Да, и перво-наперво, — молвила она, — самое важно — ты не должен ничего говорить Стирбьерну. Я полагаю, ты друг ему?

И она покраснела.

— Не только друг, но и побратим, — отвечал Бьерн.

— Ни намека не должен ты ему давать, — сказала Тири, — и не выдать ни полсловом, ни полвзглядом.

— Я умею хранить тайны, — молвил Бьерн, — и я исполню твою просьбу.

— Тогда вот что, — сказала она, — вам лучше всем обратиться из Датской земли как можно скорее.

В удивлении Бьерн слушал это.

— И что в том хорошего? — спросил он.

— Ты сделаешь это?

— Я тебе обещал, — сказал Бьерн. — Но последнее слово за Стирбьерном, не за мной.

Тири сказала:

— Ты ему друг. Ты можешь убедить его.

— И какую причину должен я ему назвать? — спросил Бьерн.

Тири посмотрела на него так, словно он сам должен был знать о причине. Когда же он не нашелся, она молвила:

— Говорят, что когда появляются нежеланные гости, им дают особое зелье, чтоб поскорее избавиться от них.

— Эта причина, — сказал он, улыбаясь, — не убедит Стирбьерна.

Она спросила:

— Его так трудно убедить?

Бьерн сказал:

— И вправду трудно, если уж он поставил на своем.

Тири потеряла кисточку на своем платье. Она взглянула на Бьерна, потом отвела взгляд.

— Скажу тогда прямо, — молвила она, — и назову тебе истинную причину, но ты обещай, что не скажешь о ней Стирбьерну. Король, отец мой, думает, что между мной и Стирбьерном что-то было. Глупость, но я хорошо знаю отца моего. Это опасно. Он этого не потерпит, у него другие виды на меня: король Бурислейв.

Она мельком взглянула на Бьерна, лицо ее потемнело, вспыхнув румянцем стыда.

— Что? — спросил тот. — Король вендов? Но он же старик!

— Не старик, — отвечала Тири.

— Он в отцы тебе годится, — сказал Бьерн.

— Мы вовсе не о том говорим, — молвила Тири. — Король, мой отец, любит меня. А вас, йомсвикингов, не любит.

— Для чего он тогда отдал своего сына Свейна под опеку Пальнатоки? — спросил Бьерн.

— Говорю тебе — он вас не любит, — отвечала она. — И мы, даны, вас не любим. У королей есть свои причины поступить так или иначе, или оставить все как есть. Тебе не должно спрашивать меня, я ничего не знаю, кроме того, о чем уже сказала. И я желаю, чтобы вы все уехали отсюда, прежде чем случится беда.

Бьерн какое-то время смотрел на нее, не говоря ничего. Затем он сказал:

— Ты удостоила меня чести и многое мне сказала. Не рассердишься ли ты, если и я буду говорить начистоту?

— Нет, не рассержусь — это было бы несправедливо, — мягко сказала она.

— Тогда, — сказал Бьерн, — не слишком горячись. Правду говорят, что скалы морские сглаживаются волнами. Время на нашей стороне.

Некоторое время она хранила молчание, словно взвешивая его слова и свои мысли.

— Нет, — сказала она чуть погодя, — помни, Бьерн, ты обещал мне.

Бьерн хорошо понял теперь, что ее не переубедить. Он сказал:

— Я сделаю, что смогу. Я уведу его, раз уж так оно все вышло, в Сконе или в Фюн, или в Йомсборг или еще куда. Потому что до лета нельзя ему в Швецию; так что придется нам перебыть где-то еще полгода, покуда не настанет пора ему ехать на север в Шведскую землю.

Как только вымолвил он эти слова, Тири побледнела так, что даже губы стали белыми. Бьерн подумал, что она сейчас лишится чувств, и приготовился было ее поддержать. Она отшатнулась к стене и:

— Север! — сказала она. — На север в Швецию? Не позволяй ему! Только не север! Только не север, Бьерн!

Бьерн подумал, что у нее внезапно помутился рассудок, и она заметила это по его лицу.

— Я скажу тебе, — молвила Тири, — я все начисто забыла, так, словно ничего и не было. Но ты заговорил о севере, и это пробудило мои воспоминания, словно я только что увидела тот сон. Мне приснилось это прошлой ночью — как будто я в отцовской зале, и огни горят, и вы, ярлы Йомсборга, здесь в большом обществе. И будто Стирбьерн стал расти, стал огромным, рука его была размером с блюдо, а голова касалась стропил под кровлей. И будто бы поднял он полный рог меду и кликнул громовым голосом:

— К северу! К северу, не мешкайте!

Потом он будто бы возложил на короля, отца моего, свою огромную как блюдо руку и вывел его из залы в ночь, а там был дождь, и было мокро. И все люди, сколько их было, бегом последовали за Стирбьерном и повиновались ему. Они спустили на море свои корабли и под сильным ветром поплыли к северу. А после того, виделось мне в моем сне, будто бы всадницы скакали по небу среди всполохов и молний, в броне и шлемах, и ужасен был звон тетивы их луков. И я посмотрела — земля была усеяна трупами павших в битве, и волки, и вороны собирались из тьмы, чтобы пировать на мертвых телах. Затем в моем сне я начала вглядываться в лица убитых, Я посмотрела и увидела его тоже, лежащего там убитым. А затем мгла и ночь окутали меня со всех сторон, словно утягивающий за собой откат морского прибоя, и стала непроглядная тьма. Но я не проснулась, а заснула ровно еще глубже, и наутро не помнила ничего. И лишь когда ты сказал про север, все вспомнилось.

Она замолчала и замерла, тяжело дыша и смотря на Бьерна, будто моля его о помощи, и рука ее была прижата к груди.

— Сон — это всего лишь сон, — ласково сказал Бьерн. — У человека есть лишь один путь, и путь этот — помнить, что никто не избегнет своей судьбы. Она для человека — словно точно отмерянный балласт для судна, который не дает кораблю погрузиться слишком глубоко, не давая в то же время и опрокинуться в бурливых водах.

— Сделай это для меня, — молвила Тири, так, словно она и не слышала, что он сказал. — Забери его отсюда прочь. Ради всего святого,

не допускаяй его плыть в Швецию. И не говори ему ни слова о том, что это я тебе просила. Ты должен поклясться.

Бьерн взял ее руку в свою.

— Я клянусь тебе в этом, — сказал он.

В это же самое время король Харальд, бесе́дуя, прохаживался вместе со Стирбьерном по внутреннему двору королевского дома. Но говоря, вел он беседу все к одному и, не зная, как начать — будто строптивая лошадь, которую всадник понуждает прыгать, а она снова и снова артачится. Но если ранее, с месяц тому, король желал, чтоб Стирбьерн остался в Дании и стал его человеком, то теперь столь же сильно он желал избавиться от Стирбьерна — чтоб тот убрался с датской земли. И чем дольше они так ходили и беседовали, тем больше Стирбьерну вспоминался взгляд короля, которым тот смотрел на него, пока Бьерн говорил свою песнь. И Стирбьерн в глубине души понимал, что то был взгляд человека, знающего и признающего своего господина, и боящегося его и ненавидящего за его господство, и ненавидящего себя за собственные свои слишком слабые силы. И так, пока король Харальд говорил и все ходил вокруг да около, Стирбьерн с удовольствием вспоминал прошлый вечер и то, что выглядел король занганным в клетку медведем. Ток удовольствия от этого воспоминания словно струился по его телу, потаенно лаская каждую его пядь. Подобно тому, как когда-то он прижал Моулди за рога к земле и наслаждался властью и силой — сейчас все было много опаснее, и оттого еще слаще было ощущать под своей рукой короля данов вместо дикого зверя.

Однако он насторожился, услышав речи короля, говорящего, что хорошо бы Стирбьерн прямо сейчас отправился домой в Швецию и потребовал своего. Это куда лучше, чем гостить по чужим землям, хоть его и всегда с радостью примут как гостя. Что могут счесть его мягкосердечным и робким, и ничтожным, раз он по воле лишь одного покорно уехал из страны и остается в чужих землях столько, сколько ему сказано. Было бы лучшим показать королю, его дяде, что он, Стирбьерн — человек твердый и храбрый; не мешкая, прибыть домой вместе со своими людьми, и, поддерживаемым ими, заявить о своих правах тогда, когда это угодно ему, а не тогда, когда ему велено.

Когда этот совет достиг ушей Стирбьерна, пребывавшего в тайном упоении своей властью над королем данов, — он произвел то же

действие, что и вода, вылитая ребенком в чашу с расплавленным металлом. Стирбьерн повернулся к королю так внезапно и с такой яростью, что тот, хоть был плотен и тяжел, отскочил в сторону с легкостью напуганной лани и схватился за рукоять меча. Несмотря на ярость и гнев, Стирбьерн разразился хохотом. Затем он сказал, слегка заикаясь, как и всегда:

— Во многих землях я гостил, но еще никогда доселе не видел хозяев или королей столь скаредных и бесстыдных, чтоб так выгоняли гостей и отказывали им в гостеприимстве. Не новые ли недостойные боги, которых ты почитаешь, выучили тебя этому?

— Что за постыдные слова! — сказал король. — Я просил тебя ехать лишь ради твоего собственного блага. Но теперь вижу, что не стоит с тобой иметь дело, хоть раньше и думал я по-другому.

— Когда я снова приеду, — сказал Стирбьерн, — я покажу тебе и твоим данам, способен я забрать принадлежащее мне или нет.

После этих слов он кликнул своих людей и велел им собираться и спускаться на воду корабли, так как он намерен покинуть Датскую землю как можно скорее. Они подумали, как-то все слишком резко повернулось, и роптали еще долго, и ворчали, однако же живо принялись за дело. Потому что завладел Стирбьерн за неполные два года их сердцами, как и сердцами всех в Йомсборге, и не было для них деяния слишком трудного, или слишком бесполезного, или слишком противного их желаниям, которое они не совершили по его приказу без возражений. Даже собственные жизни не были им столь дороги, чтоб они не отдали их по его слову.

И так получилось, что Бьерн, который все держал в голове просьбу Тири, увидал, что дело сделано даже прежде, чем он к нему приступил. Когда он, после расспросов, добился от Стирбьерна сути того, что приключилось, Бьерн сказал:

— Худо будет, если мы теперь уедем, утратив дружбу короля Харальда Гормсона. Вот что я думаю — мы с Бесси Торлаксоном пойдем к королю и по-доброму переговорим с ним, а перед самым отбытием и ты подойдешь.

— Поступай, как знаешь, — сказал Стирбьерн, — но только я и пальцем не пошевелю для улаживания этого дела.

— Нехорошо, — сказал Бесси, — что будет положена вражда меж нами, йомсборжцами, и королем данов.

Стирбьерн сказал:

— Так или иначе, это забота небольшая. Он знает, что мы, йомсборжцы, сильны, способны управлять им и станем это делать.

— Хорошо, если он это знает, — сказал Бесси. — Но если мы позволим ему понять, что знаем об этом его знании, это было бы слишком для его нрава. Вот этого мы и опасаемся.

Стирбьерн рассмеялся и покачал головой.

— Говоришь ты загадками, в точности как старый Торгнир, которого король, мой дядя, ставит так высоко в Швеции. Я этого никогда не мог раскусить.

В конце концов Бьерн и Бесси выполнили свое дело так хорошо, что между королем Харальдом и Стирбьерном все сгладилось. Когда они прощались с королем, тот сказал:

— Удивляет меня, Стирбьерн, что ты решил выйти в море посреди зимы, а для отплытия выбрал такой грозовой день. Однако еще удивительнее то, что все эти люди намерены за тобой последовать.

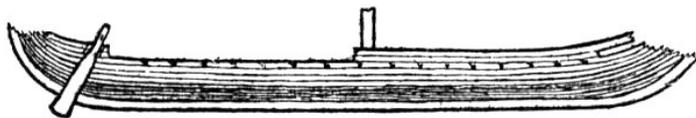
Стирбьерн ничего не сказал, пообещав себе ранее не обмениваться с королем ни словом. Король вручил Стирбьерну прощальные подарки, подарил шлем и скрамасакс с золотой рукоятью. Стирбьерн подарил королю греческую шапку и серебряную перевязь с янтарем.

Итак, они вышли на берег и сели на корабли. Край неба заполнили грязно-серые облака, и большие дымные столбы темных грозовых туч клубились со стороны моря. Море было темным, словно железо, испещрено белыми барашками и с синевато-серой полосой вдалеке — то дул с северо-востока резкий хлещущий ветер.

— Куда же поплывем мы теперь? — спросил Бьерн. — Если, конечно, не потонем.

Стирбьерн отвечал ему, сказав:

— Мы поплывем на север.

7. ЭРИК И СТИРБЬЕРН

Было в те времена у короля в Упсале трое, к которым он относился с добром и хорошо содержал. Остальной народ их недолюбливал, и люди поговаривали, что этих троих стоит называть скорее негодьями, нежели удалцами. Их звали Хельги и Торгисль, и Торир. Никто не знал их отца или сродников, но большинство полагало, что они бастарды короля Эрика, благодаря тому, дескать, он с ними милостив. В пользу такого суждения говорило то, что король и теперь, в преклонные лета, не менее, чем раньше, был пристрастен к женщинам, и себя в том не удерживал.

Прохаживались однажды эти трое туда-сюда, беседуя и насмехаясь, когда мимо них прошла в королевскую залу Сигрид-королева. Была она светла, словно луч солнца в ясный день, и держала на руках дитя свое и Эрика, которого нарекли Олафом. Минуло тому дитяти к тому времени около года.

Торгисль сказал:

— Вот это будет нам король в свое время.

— Этого следует ожидать, — молвил Хельги, — если только Стирбьерн не отошлет его до времени в холодные чертоги. Потому что пестовать дитя врага — все равно, что кормить волка.

— Для людей вроде нас, — сказал Торир, — лучше уж король-на-коленях, чем Стирбьерн, когда вернется он домой.

— Король-на-коленях? Как так? — спросили остальные.

— Тот, что тихо сидит на материнских коленях, — отвечал Торир, — и не мешает нам учинять по-своему.

Хельги сказал:

— Уж не знаю, что о том думаете вы, но я бы не удивился, узнав, что Стирбьерн уже оседлал эту кобылку, и что щенок прижит скорее от него, нежели от короля. Что-то эдакое было и есть между этими двоими.

— Как? Неужели княжон Хольмгарда ему не довольно? — спросил Торир.

Но Торгисль сказал:

— Слишком уж скор твой язычок, Хельги. Лучше тебе оставить эти дурные речи.

— Это уж как тебе угодно, — молвил Хельги. — Тем не менее, можно попробовать половить рыбку в мутной воде. Мы сможем обернуть все себе на пользу, ежели он на следующий год приедет и начнет строить из себя короля.

— Думаю я, — сказал Торир, — что нам троим придется несладко с этим гаденышем, рядом с которым нам, может, и жить-то не захочется. Но тут надо подойти с умом, ибо он вошел в силу за те два года, что провел в чужих землях, а на следующий год наберет еще силы.

Так толковали меж собой эти трое. Но через день-два пришла немаловажная новость: Стирбьерн приплыл в Низину с сотней кораблей. Люди судили и рядили, что станет делать король и как-то примет он то, что Стирбьерн заявился в родные края за полгода до того, как вышел его срок. И большинство склонялось к тому, что король вряд ли спустит это с рук — так что поддерживавшие Стирбьерна были опечалены вестью о его возвращении, а недоброжелатели его радовались в душе.

Стирбьерн оставил основную часть своих кораблей и войска в Низине, а сам с несколькими кораблями поплыл к Сигтуне. Там взял он лошадей и приехал в Уппсалу к королю, своему дяде. И при их встрече ни один не спросил и не сказал, сколь долго думает оставаться; ничего не было сказано о нежелательности этого приезда. Ничего так же не было сказано ни Стирбьерном, ни королем, по чему могли бы люди судить, собирается ли король наказать ослушника или же закрыть на ослушание глаза. Король держался со Стирбьерном чуть более прохладно и отчужденно, чем всегда, проходили дни за днями, и все было тихо, и люди не знали, что и думать. Некоторые считали, что король чересчур мягок со Стирбьерном и не может найти в себе силы поступать жестче. Двое-трое, у кого ума было поменьше, считали, что король его опасается. Торгнир и те, что лучше всех знали короля, думали, что он добивается своей цели, испытывая Стирбьерна — сможет ли тот, в конце концов, поступить по правилам без угроз и свары.

Однажды собралось много народу на замерзшем ледниковом озере, называемом Кизинг, для игры в мяч. Был там и Стирбьерн, и самыми значительными из присутствовавших там его людей были Бьерн Асбрандсон, называемый Витязем из Бродервикера, Бесси Торлаксон, Гуннстейн Ревун и Одд из Маркланда, и другие витязи Йомсборга. И вот, когда собрался народ на озере, Стирбьерн направился прямоком к Хельги, стоявшему с Ториром и Торгислем, и пригласил его сыграть.

— Что ж, это мы охотно, — отвечали те.

— Давайте поделимся, — сказал Стирбьерн. — Я и мои йомсборжцы сыграем против вас, здешних. И будет отличное состязание.

— Нам это по нраву, — отвечал Хельги.

— Отличное состязание? — спросил Бьерн. — Скорее уж, отличная распря. Лучше уж, Стирбьерн, будешь ты на одной стороне, а Хельги со мною вместе на другой. А остальные поделятся поровну, чтоб на каждой стороне были и йомсборжцы, и здешние.

Стирбьерн сказал, что его не заботит, как устроить команды — была б игра хороша.

— Лучше будет, — сказал Хельги, — поделиться так, как посоветовал Бьерн. Ибо вы, йомсборжцы, столь сильны и искусны во всяких уловках, что легко возьмете над нами верх. И тем более, Стирбьерн, раз стал ты таким знаменитым — везде, кроме Шведской земли, имею я в виду, твоей вотчины и законного королевства.

Итак, пошли они делиться на команды, как сказал Бьерн. И не раз и не два, но много раз Хельги и дружки его подтрунивали и насмеялись над Стирбьерном будто бы по-дружески; каждый раз он отшучивался по видимости беззаботно и весело, будто и не чуя, куда дует тот зловонный ветер.

Когда игра началась, никто не мог ни удержать Стирбьерна, ни отыграть у него мяч. Он играл почти все время против Хельги, и Хельги рядом с ним казался наихудшим игроком среди всех. Пока, наконец, когда Хельги пытался удержать его, не давая завладеть мячом, Стирбьерн схватил его и так приложил о ледяную твердь, что тот на несколько мгновений лишился чувств, из носа его хлынула кровь, а колени и локти ободрались о шершавый лед. Теперь-то Хельги стало ясно, как решил отплатить ему Стирбьерн. Такое обращение было ему

не по нраву, но он постыдился жаловаться, ибо произошло это в игре. А затем Бьерн с другой стороны запустил мяч прямо Ториру в живот — с такой силой, что едва не выбил из него дух.

Ярл Ульф в то время вместе с Торгниром Законником наблюдал за игрой. Он сказал Торгниру:

— Легко заметить, кто тут самые сильные игроки, хоть и поделились все на команды честно.

— И без этих игр, — отвечал Торгнир, — довольно было зависти и несогласий, теперь же они разгорелись еще пуще.

— Ты и я не всегда были заодно, — сказал ярл, — однако же я вижу, нам с тобой легко идти по одной тропке, не толкаясь локтями. Но думаю, согласишься ты со мной в том, что хорошо бы мой воспитанник распрощался и отбыл до конца зимы, согласно велению короля и своему собственному слову.

— Многие, — сказал Торгнир, — легко распрощаются со Стирбьерном, но не все из них пожелают ему счастливого возвращения.

— Этого я уж не ведаю, — молвил ярл. Затем он добавил: — Давай будем говорить в открытую. Как по-твоему, что у короля на уме?

Торгнир бросил на него взгляд из-под своих нависших бровей.

— Я знаю о том не лучше тебя.

— А что говорят Хельги и его дружки? — спросил ярл. — Тебе, верно, ведомы их секреты.

— Они мне не друзья, — молвил Торгнир.

— Не друзья, — сказал ярл, — однако же не преминут воспользоваться твоей мудростью.

— Мною никто не сможет воспользоваться, — отвечал тот, — кроме короля. Или ты этого не знал?

— И это мне ведомо, — сказал тогда ярл. — И оттого еще более странно мне, что этих Хельги, Торгисля и Торира часто видят вместе с тобой. А затем подумалось мне, что, хотя никто не может использовать как орудие твою мудрость, ты не остановишься перед тем, чтоб использовать первое попавшееся на твоём пути орудие, чтоб самому заиметь выгоду, коли дело выгорит.

Ярл, говоря так, наблюдал за ним, прищурившись. Но в лице старика он мог разглядеть не более, чем в резьбе старого домового столба. Торгнир молвил:

— Нельзя не признать, что весьма неглуп тот, кто может использовать вилы для навоза вместо копья. Но отчего решил ты, что для такого случая они мне требуются? Я предпочту выждать.

Тут пошел снег, завертелся большими, словно перья, белыми хлопьями. Однако игроки были столь же проворны, как и ранее. Королева смотрела за игрой, кутаясь в плащ из шерсти, окрашенной в цвет рябиновых листьев начала осенней поры, подбитый лебяжьим пухом. Она надвинула капюшон, так что гордое прекрасное лицо ее и рыжие волосы выглядывали оттуда, словно из устья белой заснеженной ледяной пещеры. Лицо ее разумянилось от снега и ледяного ветра, а глаза со вниманием и страстью следили за игрой. Народ заметил ее, и люди толковали между собой:

— В новинку такое, что женщине по нраву смотреть на игру в мяч, да еще при таком ветре.

Но вот снег пошел гуще и гуще, пока, наконец, стало невозможно разглядеть мяч, и игроки перестали хорошо видеть друг друга. Тогда игру прекратили. Когда они возвращались в королевский дом, королева пошла рядом со Стирбьерном. Она сказала:

— Ты всех их переиграл в мяч, сродник Стирбьерн. А уж с тем сынком бонда и вовсе ладно вышло.

— Королевский сынок или крестьянский, — отвечал тот, — такое только веселит кровь.

Она посмотрела на него, и ее лицо было как алый рассвет над снежными полями.

— Ты их измотал, — сказала она, — однако, вижу, и сам едва дышишь.

— Надоело! — сказал он. — Не с кем там состязаться — не с Хельги же.

Он встретился с ней глазами и засмеялся.

Когда вернулись они в залу, королева пожелала, чтоб Стирбьерн пошел с ней в ее покои, где сидели за вышивкой ее рабыни, и где нянька качала на руках ее сына. Нянька принесла дитя, которое протянуло ручки и засмеялось, но королева велела няньке держать дитя у себя, а другим приказала принести Стирбьерну пива. Они принесли рог, отделанный золотом, и королева сказала Стирбьерну выпить и сесть подле нее у огня. Он смотрел на огонь, а она на него. Так они сидели,

беседуя: больше говорила королева, припоминая прошлые времена, спрашивая его о том, что он поделывал два года в чужих краях, в Гардарики, и в Бьярмаланде, и в Стране вендов, и в Йомсборге. Стирбьерн отвечал коротко, скупое, так как никогда он не был хорошим рассказчиком. Временами он улыбался, впадая в задумчивость от окружающего покоя и тишины, убаюканный и расслабленный теплой и ласковой речью, которая действовала на него как старое вино, глубоко и покойно; до странности приятен был ему покой после ярости и злости, приятно было тепло после ветра и снега.

Все короче и короче становились их речи, дольше тянулось молчание между словами. И после долгого молчания королева, нагнувшись поправить полуобгоревшую головешку, выкатившуюся из очага, вдруг спросила:

— Почему ты приехал до срока?

— Так уж вышло, — отвечал он.

— Отчего? — спросила она.

Он помрачнел, потом улыбнулся.

— Не знаю. Так вышло.

— Но для чего ты приехал?

— Я уже сказал тебе.

— Это против королевского приказа, — сказала она.

— Но он не сказал и слова против.

— Что же такое в Швеции могло вызвать тебя из самого Хольмгарда?

Он ничего не ответил.

— А все же народ там хорош, в Хольмгарде?

— Не так уж плох, — отвечал он.

— Слышала я рассказы о них. Но что же все-таки привело тебя?

— Не знаю. Что-то. То, се — я ничего не мог поделать. Почти три года на чужбине — мне показалось, этого пока довольно.

Хотя до захода солнца было еще довольно времени, снаружи сквозь серый снежистый туман доходил лишь слабый свет; и только огонь очага освещал покой. И огненные сполохи подсвечивали красноватым золотом правильные черты гордого лица Стирбьерна, лоб, сильные плечи, стройную шею, твердо очерченный рот и линию челюсти — черты его смягчились в неверных отблесках огня и были полны

юношеской красоты. Первый пушок на щеках был мягок, а вьющиеся густые волосы были цветом схожи с самородным золотом.

Королева молвила:

— Я следила за тобой, сродник Стирбьерн, во время игры в мяч. То было состязание, а теперь мне было бы приятно взглянуть на тебя в доспехах и вооруженного, каким ты бываешь, когда собираешься в поход со своими викингами из Йома. Покажись мне таким.

— У меня с собой нет оружия, — сказал он.

— Это моя прихоть, — сказала королева.

— Это блажь, — отвечал Стирбьерн.

— Неужели сделать мне одолжение для тебя столь трудно? — спросила она. Затем она взглянула на висящее на деревянной стене оружие, и глаза ее блеснули.

— Вот, это как раз сгодится.

— Что это? — спросил Стирбьерн. — Это короля, моего дяди?

Он встал в замешательстве, словно она вздумала шутить с чем-то, что было вне всяких шуток. Но она также встала и без дальнейших слов созвала своих служанок, велев им снять богато отделанную кольчугу и большой шлем с орлиными крыльями, что принадлежал Эрику-королю, окованный щит и поножи из сверкающей бронзы. Последние она собственноручно закрепила на ногах Стирбьерна, он посмеивался надо все этим, немного смущенно, словно над безумной выходкой, которая едва ли приличествовала ему, давно вышедшему из детского возраста. Однако он чувствовал, что тут не все детская игра: то, как касалась королева твердых мышц его голени, пока пристегивала поножи — легким ласкающим движением. Он отступил назад, как отступает человек, по оплошности вторгшийся в чужую комнату. Стараясь не терять перед ней самообладания, засмеялся нарочито грубо, беря королевский шлем, который протянула ему служанка, и надевая его на голову. И стоял он в блеске огненных сполохов, покрытый шлемом, в доспехах и со щитом в руке, опоясанный королевским мечом, отделанным серебром. Вздыбленные и сильные, будто сам орел низошел из своего высокого поднебесья, бурые крылья поднимались по обе стороны шлема. Приоткрыв рот, смотрела на него королева. И ни слова не произносила.

— Подходит мне этот убор? — спросил Стирбьерн.

Королева встретила его смех без ответной улыбки. Только под шелком платья грудь ее высоко поднималась, словно парус, надутый ветром, а темные глаза широко раскрылись, остановившись на его лице. Она скоро овладела собой и взглянула на него со спокойной и легкой веселостью. Но Стирбьерну, который, несмотря на юность, уже хорошо понимал, в каком тихом омуте кто водится, ясно было, что означают эти широко раскрытые глаза.

— Ну что там мой юный сродник? — спросил он. — Поплывешь со мной, парень, когда войдешь в возраст?

И он взял дитя у няньки и поднял его, стараясь развлечь. Но дитя перепугалось, скривило личико и закричало.

Случилось так, что в это самое время Хельги подошел ко входу в покои и видел все в щель приоткрытой двери. Он отправился к своим приятелям Ториру и Торгислю, и они еще долго толковали тайком меж собой. После того они отправились искать Торгнира Законника. Они не сразу приступили к сути дела, говоря с ним, однако Торгнир был с ними любезен и попросил говорить прямо. И, наконец, они открыли ему свои замыслы — дескать сейчас подходящее время, чтоб выбить из-под Стирбьерна скамью. И они знают, как это можно сделать — сказать королю прямо: ходят упорные слухи, что Стирбьерн и Сигрид слишком уж спелись, и что у Стирбьерна на уме до срока взять силой не только свою наследную часть, но и отобрать у своего дяди все королевство.

— Он сидит в открытую в покоях королевы, словно занял место короля как в зале так и в постели, и подкидывает и шлепает королевского сына, так что дитя кричит и жалостно плачет.

— Который из вас перескажет королю эту историю? — спросил Торгнир.

— Пришло нам на ум, — отвечал Торир, — что надежнее всего будет, если ты согласишься поговорить о том с королем, Торгнир — если, конечно, тебе по душе наш замысел.

— Чтобы покончить с этим, — сказал Торгнир, — есть ли хоть слово правды во всей этой истории?

— Сказать по правде, сейчас-то нет, — отвечал Хельги, — но будет — раньше, чем история будет рассказана.

— Недозрелый колос не жнут, — сказал Торгнир. — Что до вашей истории — она не стоит выеденного яйца. Я в этом деле не помощник.

— Идем со мной, — сказал тогда Хельги, — ты увидишь все сам в щель дверей покоя королевы.

— Нет, — отвечал Торгнир, — я в щелки да в глядельца не смотрю.

Так они и ушли от Торгнира ни с чем.

— Что нам теперь делать? — спросил Торгисль.

— Что, как ни пойти к королю самим? — отвечал Хельги.

— Он нас и слушать не станет, — сказал Торир.

В конце концов порешили они, что лучшее, что тут можно сделать — помалкивать обо всем до поры, до времени.

— Но мы станем непрестанно льстить ему и подстрекать к насилию, а уж тогда у короля будет повод выгнать его, чтоб не стряслось что-то похуже.

Стирбьерн снял королевские доспехи и отнес их в большую залу. Там он сидел до самого ужина, тихо и не обмениваясь ни с кем ни словечком. Всем казалось очень странным видеть его столь тихим и задумчивым. Перед самым ужином он пришел к королю.

— Повелитель, — сказал он, — я поступил нехорошо, приехав до срока. Завтра же с рассветом я уеду к кораблям и уплыву снова на чужбину.

— Хорошо сказано, — сказал король и взял его за обе руки.

— Не для того, дабы досадить тебе, приехал я сюда, — сказал Стирбьерн. — Прошло столько времени. Казалось, мне ничего не оставалось, как приехать. Ты хорошо обошелся со мной, а теперь я уеду и сдержу свое слово.

Они пожали руки и более ничего не говорили. Но было много невысказанного в глазах короля, когда он смотрел на Стирбьерна.

На следующий день король проводил Стирбьерна к его кораблям. Оба они расстались по-доброму, корабли отплыли от Низины и пропали из виду. Король ехал домой вместе с Торгниром. Торгнир молчал. Спустя время король сказал:

— Ты мудр, Торгнир. Однако, думается, кой-чему и я тебя научил.

Торгнир некоторое время молча смотрел на него. Затем сказал:

— Нельзя не признать, король, что сыграл ты хорошо. И получил то, ради чего играл.

Король казался человеком, сбросившим, наконец, груз, который долго тяготил его и натирал плечи — теперь ему дышалось легко и свободно, и все виделось ему в добром свете. Он подмигнул Торгниру.

— Тебе нелегко принять это, Торгнир, но признай, что ты ошибся.

— Я не ошибся, — отвечал Торгнир.

— Довольно, — сказал король с внезапной яростью. — Ты ошибся.

Но старик молча ехал рядом с королем и смотрел прямо перед собой. Он повторил себе под нос:

— Я не ошибся.

8. КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА

Стояла зимняя пора долгих ночей, когда Стирбьерн и его люди плыли на юг вдоль берегов и, после тяжелого путешествия — впрочем, без неудач и потерь, — прибыли в Сконе. Тут они оставили свои корабли и отправились к большому дому ярла Струт-Харальда, которых встретил их как подобает и оставил у себя до конца зимы.

В то время Струт-Харальд сидел в Сконе будто король, считался в своем краю человеком очень влиятельным, и часто у него бывали гости. Во всем краю Сконе его слово имело вес королевского, и каждый уважал его и воздавал ему почести, и готов был поддержать и повиноваться ему. Ярл не участвовал более в войнах и набегам, будучи очень стар и не склонен к распрям. Однако он не впал в ничтожество, как то бывает обыкновенно со стариками, которые только на то и годятся, чтоб их бросили в дальнем углу — у него были могущественные сыновья и зятья, и под рукой его были молодые люди одного с ним рода, которые чтили и укрепляли его власть. И был он муж приятный видом, несмотря на свои почтенные года — не клонился к земле, подобно людям его возраста, но, сидя или стоя, держался прямо, с расправленными плечами, и голову нес высоко и гордо. Был он росл и крепостен, широк в кости и прям спиной. Одевался всегда в дорогие одежды, отделанные богато и ярких цветов, изукрашенные дорогим шитьем, и оружие его было богато изукрашено и искусной работы, какую редко встретишь. Всякий день, и в доме и вне его, ярл носил шапку, украшенную круглыми золотыми пластинами величиной с женскую ладонь. Говорили, что ярл Струт-Харальд с его шапкой, в которой золота больше, чем в иной королевской короне, живет в роскоши и почете, с которыми лишь самые могущественные короли могут потягаться.

Сигвальди и Торкель Высокий были в Сконе вместе с ярлом, их отцом, и пробыли там всю зиму. Они обрадовались приезду своих друзей и людей Стирбьерна, и дни и недели до весны прошли в приязни и согласии.

Когда Стирбьерн пришел к Струт-Харальду, чтобы попроситься, ярл долго держал его за руки, смотря ему в лицо и ничего не говоря. Затем он промолвил:

— Желал бы я, чтоб ты был мне сыном. Ибо сыновей своих, как бы славны они ни были, я все же не назову вполне хорошими. Хеминг может управиться с кораблем и знатно поигрывает мечом и копьем, но думаю я, что в его натуре лишь следовать за тем, кто поведет его. Торкель — воин, но ума ему не достает. Сигвальди — лис. Он добудет себе богатство, и могущество, и славу, и жизнь его будет долгой; многие последуют за ним и станут ему повиноваться, но достойнейшие из людей его не похвалят. Верно, что лишь немногим дано быть великими и достославными, и прожить долгую жизнь. И думаю я, Стирбьерн, что первые два из этих трех благ будут за тобой. Но, думается, жизнь тебе суждена короткая.

Остер был взгляд голубых глаз ярла. И казалось Стирбьерну, что ярл смотрел не на него, но проникал взглядом в нечто, невидимое для остальных людей. Стирбьерн отвечал:

— Не забочусь я о числе дней своей жизни — были б те дни хороши.

— Счастливой дороги, — сказал ярл. — Желал бы я, чтоб ты был мне сыном.

Из Сконе поплыл Стирбьерн сперва на юг за море, в Йомсборг. И с ним плыли сыновья Струт-Харальда, а именно Сигвальди и Торкель, со многими кораблями и людьми, и оставались они некоторое время в Йомсборге. Время прошло, дни и недели, прежде чем собрались все остальные ярлы Йомсборга: Пальнатоки и Буи из Борнхольма, и Сигурд, его брат, и многие другие. Пока не стала крепость полна людей, а гавань столь полна кораблей, что сделалась подобна пруду со стоячей водой в пору, когда желтеют и опадают листья, падают на гладь пруда столь густо, что трудно сказать, вода под ними, или твердая земля.

Держали совет, что предпринять, поскольку пришла весна и срок, что должно было Стирбьерну провести на чужбине, вышел. Многие надеялись плыть со Стирбьерном на север в Швецию, чтобы взглянуть на короля и на то, как будет принят Стирбьерн в своем королевстве. Но Стирбьерн сказал, что не поедет он домой до конца лета.

— Как же так? — спросили его. — Разве не выходит этим летом твой срок, три зимы, что должен ты пробыть в чужих краях?

Он отвечал:

— Может, оно и так, но я поступаю по-своему.

Итак, Стирбьерн пошел в набег и на четвертое лето, вместе с Пальнатоки и всей йомсборгской дружиной. С ним на корабле был и Бьерн Асбрандсон, Витязь из Бродервикера. И видно было, как день ото дня растет и крепнет дружба между ними двумя. Бьерн был с ним, когда вместе с Буи поплыли они на север в Бьярмаланд и в неведомые земли Кирьяланда¹⁴, привлеченные многими, передаваемыми из уст в уста преданиями о тех краях — в особенности о Кирьяланде. Его-де населяют финны и народ, меняющий шкуру, который может изменять свой облик и оказываться на деле не в том месте, где бывает видим. Помимо того, народ в Кирьяланде почитает великого идола, именем Йомбала, у которого посреди тулова серебряный пояс. Храм его в темной лесной чащобе, полной троллей и злых духов — так что лишь человек, лишенный малейшего страха, дерзнет пробраться туда и искать покровительства Йомбалы. Стирбьерн и его люди, прибыв туда, не нашли ни троллей, ни народа, меняющего шкуру. Однако они отыскали храм Йомбалы и забрали оттуда серебряный пояс, подобного которому ни один из них еще не видывал — отделанный серебряными гривнами и переплетающимися змеями, — а кроме того взяли в добычу столько серебра и драгоценностей, что никто не мог припомнить, чтоб когда-либо в один день брали такую добычу.

Помимо Бьерна, еще несколько верных людей было со Стирбьерном и на корабле, и, сопровождая его как доверенные телохранители в каждом бою, в котором он участвовал. Большинство из них уже много лет были викингами в Йоме, подобно Бесси Торлаксону, Торольфу Ядовитой Голове, Ховарду Дровосеку и Альфу Бахвалу. Другие же, как Гуннстейн Ревун, были с ним вместе со времени отбытия из Швеции, до того еще, как он прибыл в Йомсборг. Кое-кто примкнул к нему в тех землях, где он странствовал — люди, почувствовавшие его силу в бою и теперь тесно связанные с ним, любившие и служившие ему — Вальдемар, сын великого князя из Хольмгарда, Эре-Скегги, что

---

¹⁴ Карелия

был младшим братом ярла Эстланда, Олаф Венд и многие другие. И так же как Пальнатоки одним видом и силой поддерживал мир меж всеми дерзновенными воителями, что собрались в те дни в крепости йомсвикингов — так же и Стирбьерн на своем корабле поддерживал доброе товарищество среди людей, разных по языку и обычаям, гордых и склонных к распрям, которые в другом случае не преминули бы, подобно волкам, вцепиться друг другу в глотку. Стирбьерн совершил большой поход на восток и сражался как на море, так и на суше, и покориł многие воинственные народы — они долго ему сопротивлялись, но Стирбьерн всегда брал верх; и забрали они там много богатства.

Но когда до зимы оставалось не более пяти недель, Стирбьерн снарядился для путешествия в Швецию. Он счел, что нехорошо, являться на родину с такой великой силой кораблей и с таким войском, чтобы король его дядя не счел его недругом — дескать, он, которому король дал слово и торжественно пообещал отдать королевство и отцовское наследство, вернулся с войском, чтобы востребовать свое силой меча. Как бы там ни было, с ним отправились Бесси Торлаксон и Гуннстейн, и другие не столь знатные люди — всего на десяти кораблях. Бьерн в тот раз не поехал в Швецию, так как был нездоров и остался в Йомсборге. Большинство йомсвикингов все еще были в море, потому что не в обычае у них было возвращаться из набегов ранее прихода зимы.

Стирбьерн и его люди плыли на север при попутном ветре, успешно проплыли Низины и пристали у Сигтуны. Там король Эрик ожидал их с большим обществом, все приехали встретить Стирбьерна. Король, завидев, как он сходит на берег, спешился и бросился вперед, спеша приветствовать его, и Стирбьерн тоже поспешил, прыгая по большим камням, добраться до твердой земли. Они пожали руки друг другу, а затем король привлек Стирбьерна к себе, обнял и поцеловал. Стирбьерн вырос и возмужал за те шесть месяцев, что прошло с его прошлого приезда в Швецию. Король Эрик превосходил многих ростом и мощью, но люди заметили, что, хоть и стоял король на склоне, а Стирбьерн пониже его, у моря — глаза короля прищлись вровень с глазами Стирбьерна, а плечи и грудь последнего были шире и сильнее. И видевшие это говорили, что так тепло, как встретились эти двое, редкие отец с сыном встречаются. И были они уверены, что король

Эрик ценил и дорожил Стирбьерном так, как ни одним чадом своей крови.

Все было готово, корабли выволокли на сушу, груз был уложен и навьючен на лошадей — и собственные их вещи, и множество даров, которое Стирбьерн привез из Йомсборга своему дяде королю; сели они на коней и поехали на север в Уппсалу.

Стирбьерн ехал рядом с королем, они толковали о том-о сем. Стирбьерн был непривычно тих и иногда словно переставал следить за беседой, словно он хотел нечто услышать, но предпочитал первым о том не заговаривать. И так ехали они, и король продолжал рассуждать о том-о сем, но не касался главного, и Стирбьерн стал беспокоиться — становился все более хмурым, все короче отвечал он королю, однако держал себя в руках. Король же, заметив это, не собирался, тем не менее, класть тому предел. И вот три четверти пути были позади, они выехали на поросший лесом холмик, на самом верху которого были несколько диких скал, уложенных подобно столу, так, будто это было делом рук человеческих. Оттуда смотрели они на обширное нагорье, леса, воды, и едва видимые дома и храм Уппсалы, король натянул поводья и промолвил:

— Через три недели будет созван Тинг, где будешь ты назван королем Швеции, вместе со мной, так же как отец твой был в свое время.

— Благодарю тебя за то, повелитель, — сказал Стирбьерн и взял руку короля в свои. Король смотрел на него, а он смотрел на Уппсалу. И король заметил, что настроение его переменялось, и лицо его, что прежде было хмурым, посветлело, как светлеет лик земли в час солнечного зенита.

Они поехали далее. Спустя какое-то время король промолвил:

— Теперь, когда входишь ты во взрослую пору и берешь под свою руку королевство, тебе, Стирбьерн, хорошо бы жениться. Что ты об этом думаешь?

Стирбьерн отвечал:

— Я думал о том — действительно, это стоит сделать.

— Положил ли ты уже на кого глаз, показался ли тебе кто подходящим? — спросил король. — Ты за три года объездил много земель, и я еще не слыхивал про страну столь плохую, чтоб в ней не было хоть одной красивой женщины.

Стирбьерн рассмеялся.

— Это чистая правда, король. Впрочем, я не знаю — как жену...

— Это разные вещи: иметь женщину и жениться? — спросил король.

— Я еще ни одной подходящей не нашел, — отвечал Стирбьерн.

— Скажу тебе, — молвил король, — я тут кое о чем поразмыслил. Есть у короля Харальда Гормсона дочь, Тири. Многие из королей сочли бы себя счастливыми, когда б получили ее. Дева пригожа собой, как мне говорили, и хорошо воспитана, и зим ей от роду четырнадцать.

Стирбьерн сказал:

— Я видел ее, когда гостил там прошлым Йолем.

— И что? — спросил король.

— Мне она прищлась по нраву. Но о таком у меня и мысли не было, — отвечал Стирбьерн.

— Если она по нраву тебе, то она придется по душе и мне, — сказал король Эрик. — Но выбор должен быть за тобой.

Стирбьерн сказал:

— О таком у меня и в мыслях не было. Но в этом деле, как и во многих других, я поступаю как ты скажешь, повелитель.

Когда они прибыли к королевскому дому в Уппсале, все приветствовали Стирбьерна. И не было людей, сильнее желавших пожать ему руку, нежели Хельги, Торгисль и Торир. Они столь долго повторяли одно и то же — что нет в земле свеев таких, кто не был бы рад возвращению его в родные края, что они готовы славить его как короля, поддерживать его и споспешествовать ему, как только возможно — что Стирбьерн насторожился. Торгнир встретил его, как старый злобный цепной или охотничий пес встречает незнакомца, которого велит ему чтить его хозяин, но в которого он сам с удовольствием бы втайне вонзил зубы. Королева поздоровалась с ним холоднее, чем можно было ожидать от старой знакомой. Она говорила с ним мало и недолго пробыла в его обществе, и скоро отходила прочь, когда им случилось встретиться, но когда никто этого не замечал, она все смотрела и смотрела на него.

Часто король брал с собой Стирбьерна и показывал ему все обзаведение, как старое, так и новое, и, кроме всего, тот старый дом в ко-

тором жил когда-то король Олаф и в котором Стирбьерн родился. Король приказал залатать дыры и отделать дом заново внутри и снаружи — как главную залу, так и отдельные покои, повесить новые занавесы и оснастить дом всем необходимым.

— Это будет твой дом, Стирбьерн, в котором ты станешь жить, когда возьмешь под свою руку королевство. И мне думается, он не хуже моего собственного.

Стирбьерн показал королю большой меч, который висел у него на бедре — тот самый, который король дал ему три года назад, когда Стирбьерн только отплывал в чужие края. Король спросил, хорош ли меч, и Стирбьерн сказал, что это наилучший из всех мечей. Он сказал также, что меч был с ним в битвах все эти годы и со временем сделался лучше, нежели был. И сказал также Стирбьерн, что, как ему кажется, если он утратит этот меч — он утратит и свою удачу.

— Словно, — сказал король, — есть в этом мече часть меня — того, кто дал его тебе. И словно бы моя воля в этом мече, и она приносит тебе добро.

Король отправил ярла Ульфа посланником к королю Харальду Гормсону, стоваривать его дочь за Стирбьерна замуж. Король Харальд сперва упрямялся, говоря, что она уже обещана королю вендов. Но, в конце концов, он вынужден был признать, что велись лишь разговоры, и ничего не было решено. А теперь, видя, сколь сильно желает король Эрик этого брака, и зная, что дружба с королем шведским дорогого стоит, и что Стирбьерн из тех людей, с которыми накладно ссориться и которых нежелательно иметь врагами, да и от Йомсборга рукой подать до его королевства, он дал ярлу Ульфу свое согласие и обещание прислать дочь в Уппсалу как можно скорее. И дано было это обещание едва ли по доброй воле: подобно большому куску мяса, который его желудок не в силах переварить, тяжестью лежала на сердце короля данов память о том, как Стирбьерн взял над ним верх прошлой зимой в Роскилле, и как говорил он (хоть и в шутку), что поступит с королем и Датской землей, как ему заблагорассудится.

Уже давно каждый в Уппсале уразумел, какой король им достанется в лице Стирбьерна. И они хорошо видели, что он теперь вырос и превратился в настоящего короля, и все принимали его как короля, чувствуя его силу. И также отмечали все, что эти двое, король Эрик

и Стирбьерн, были во всем заодно, и что рады были они друг другу так, как это редко бывает меж людей. И большинство славило этот союз и радовалось ему, однако же были и те, кто, глядя на это, только покачивал головой.

Явился Торгнир однажды вечером к королю, и было похоже, что рассчитывает он убедить короля переменить решение, пока не стало слишком поздно. Король велел ему говорить.

— Ты слышал, король, — молвил Торгнир, — все то же, что слышал и я. И ты видел то же, что видел и я. Он ничуть не изменился. В Хольмгарде и на востоке он превозмог всех. Он держит в руках Йомсборг. Он запугал короля данов в его собственном доме и покинул Датскую землю, угрожая и насмехаясь над ним. Он не привязан ни к одному месту, но все привязано к нему. В земле свеев он считает всех людей, кроме тебя одного, лишь своими трелами или бондами. Отдай ему весь мир, король — но только не отдавай Швеции.

Король его выслушал со вниманием и терпением, которого трудно было от него ожидать. Затем мягко сказал, что слова Торгнира лишь сотрясают воздух, поскольку его решение по поводу Стирбьерна и его части королевства уже принято, и ни Торгнир, ни народ свеев, и никто другой в Северных землях не сможет заставить его поколебаться. Более Торгнир не говорил о том.

Каждый день Стирбьерн боролся с Моулди, которого оставил он на трела по имени Эрланд, чтоб тот о нем заботился, пока Стирбьерн будет на чужбине. Моулди достиг своего полного роста и зрелости, он не был так велик, как другие быки, но был тем не менее кряжистым и тяжелым. Нрав его был злобен и упрям, и трелы не решались его трогать, если находился он не в настрое. Но Стирбьерна он признал как только увидел, что после стольких лет было удивительным. И хоть никто не мог смирить его против его воли, со Стирбьерном он был ласков как маленький телок.

Однажды, когда Стирбьерн боролся с Моулди на берегу близ Упсалы, пришла королева Сигрид и следила за их состязанием так же, как следила она за ними когда-то на погребальном холме короля Олафа в утро после убийства Аки. Когда схватка их была закончена, и Стирбьерн встал, тяжело дыша, заметил он королеву и поздоровался с ней, а она молвила:

— Твой бык теперь вырос слишком большим и могучим для тебя, хоть и прозывают тебя Стирбьерном Сильным. Он позволяет брать над ним верх лишь для того, чтобы тебя потешить. Если он захочет, то швырнет тебя словно мяч.

— Ну уж, — сказал Стирбьерн, смеясь, — не думаю, что ты говорила бы так, если бы тебе довелось почувствовать на себе его толчок, как вот мне сейчас.

— И то же самое, — отвечала Сигрид, — с другими, не только с твоим бычком. Все должны тебя ублажать, служить тебе. Думаю, это тебе не на пользу.

— Я не знаю, — сказал Стирбьерн, прижимаясь лицом к мягкой серой меховой морде Моулди. — Что ты на это скажешь, Моулди?

— Итак, ты женишься на Тири? — спросила королева спустя какое-то время.

— Похоже на то, — отвечал он.

— Не следует просить короля, твоего дядю, сватать ее за тебя, — сказала она.

— Он послал моего опекуна, — сказал Стирбьерн.

— Король, дядя твой — хороший сват, — сказал королева Сигрид. — Однако же и он как-то раз получил «нет» в ответ.

Стирбьерн сказал:

— Никогда я что-то о таком не слыхивал.

— Ну что ж, в мире есть немало того, о чем ты не слыхивал, — сказала она, — хоть и знаешь ты много.

Отвечал Стирбьерн:

— Небольшого, видать, ума та дева, что отказала ему.

— Я скажу тебе, — молвила Сигрид, — что это я отказала ему. Но я скажу, отчего я ему отказала — оттого, что считала — он сватает меня не для себя, а для другого.

Сказав это, она мельком взглянула на него и затем отвела глаза.

— Так что должна теперь кое-чему научить тебя, ибо имею на то право, — сказала она. — Следует тебе знать, что хорош тот сват, который выбирает с умом, и наилучшее — для себя.

Стирбьерн сказал:

— Ты без конца насмешничаешь надо мной, Сигрид.

Сигрид потянулась к Моулди, и он охотно принялся лизать ладонь, запястье и нежную белую руку ее, сдвигая рукав вверх своим горячим дыханием и носом. Она с легкой дрожью отдернула руку, а потом вновь протянула ее, поглаживая мохнатый подгрудок.

— Ты и Тири, — сказала она немного погодя, — будете хорошей парой. У нее некрасивые волосы, как рассказывали мне, но она кротка и выполнит любую твою волю, ни в чем не откажет.

Стирбьерн хранил молчание. Но королева, все еще глядя на Моулди, а не на Стирбьерна, продолжала говорить:

— Я теперь тебе что-то вроде тетки, — сказала она, — так что дам совет, исходя из своего опыта. Когда возьмешь в жены Тири, не бери наложниц и не усваивай холопок, как заведено это у твоего дяди. И я говорю это тебе к твоей собственной пользе, сродник Стирбьерн, а не к пользе твоей жены. Потому что несправедливо выходит: если одной женщины не довольно, почему должно быть довольно одного мужчины?

С этими словами она оттолкнула от себя Моулди, быстро повернулась и ушла.

Стирбьерн постоял, смотря ей вслед — она шла, изящно покачивая бедрами, легко подобрав подол своего пурпурного вышитого платья так, что видны были ее лодыжки. Так стоял он, пока не отвлек его сопящий Моулди, что подошел и принялся лизать его руку. И тут Стирбьерн отдернул руку — так же как королева, чуть вздрогнув.

9. ПИРШЕСТВО В УППСАЛЕ

Король Эрик все приготовил к празднику и приказал после того созвать Тинг, на котором он задумал передать Стирбьерну на законном собрании с надлежащими по закону обрядами и перед лицом всего народа свеев власть над половиной земель, каковой властью обладал некогда его брат, король Олаф. Праздник же был в честь помолвки Стирбьерна с Тири, дочерью короля Харальда Гормсона. Тири прибыла из Дании, и встретили ее с большим почетом, дабы проводить в Уппсалу. Видевшим ее королевна понравилась, и все восхваляли ее красоту. Что она любила Стирбьерна, было ясно как день, и все думали, что эти двое обо всем сговорились еще в Дании, когда был Стирбьерн у короля, ее отца, прошлую зимой.

На третий день их праздника был в королевской зале пир, а перед пиршеством Стирбьерн и Тири с должными обрядами обменялись обетами, и пир был в честь их помолвки, а свадьба должна была состояться после Тинга, когда примет Стирбьерн королевство.

Король Эрик восседал в своем кресле на возвышении, королева села по правую руку от него, Стирбьерн сидел в кресле на другом помосте чуть пониже, напротив короля, а Тири, его невеста, была с ним рядом. И были на том пиру ярлы и именитые мужи со всех концов Шведской земли, землевладельцы и королевские придворные, друзья и соратники короля, и жены их и родственницы, и люди Стирбьерна, что последовали за ним из Йомсборга. Столько собралось именитых людей, что заняли они все скамьи и каждый уголок залы, и пришлось всем потесниться, так как не бывало еще такого большого собрания в королевской зале; и трелам и слугам пришлось хорошенько потрудиться, чтобы проворно подавать мясо и напитки всем собравшимся.

Хельги и Торгисль, и Торир сидели вплотную друг к дружке на самом краю скамьи, что стояла на возвышении, у двери. Они всегда не прочь были хорошо поесть и выпить, а сейчас еще и вместе судачили обо всех присутствующих. Говорили они тихонько, чтобы не быть услышанными чужими ушами.

Торгисль сказал:

— Далеко пойдет тот, кто умеет удержать свое. Раз уж Стирбьерн вступает в свои королевские права в обход нас, давайте пить и перестанем переть на рожон.

— Хорошо сказано, — молвил Хельги, — и все же мне не по нраву, что он так задирает нос, и в столь большой радости сейчас, и сидит в кресле почти королевском, словно он уже сделался королем. Если он уже сейчас так пыжится, то кто же сможет жить под его рукой, когда он и впрямь станет королем?

— Он думает, — сказал Торгисль, — о Шведской земле, что теперь покорно лежит перед ним.

— Ну что ж, — молвил Торир, — покуда пиво струится в глотку, к чему нам печалиться?

Хельги выпил еще и сказал:

— Никто не станет перечить, что Стирбьерн заимел славное молоденькое мяско по правую руку от себя. Но, может, стоило сесть поближе, чтоб лучше видеть — правда ли, что, несмотря на это, взгляд его что-то частенько блуждает по королевскому возвышению?

— По тому ли блуждает, кто сидит к востоку от короля? — спросил Торир, и они рассмеялись. — Знаешь, каждому мужчине по нраву разное мяско, Хельги. А я заметил, что король гораздо реже смотрит на сидящую справа от него, чем на вон ту отдельную скамью.

— Которую? Где? — спросил Хельги, привстав и вытягивая шею, всматриваясь в сидящих женщин, которых было хорошо видно в отблесках очага и свете светильников.

— Вижу, — сказал он, садясь обратно и отерев медвяную пену с усов тыльной стороной ладони. Взгляд его все возвращался к отдельной скамье, глаза блестели, и он облизал губы языком.

— Не каждому достается столь богатый урожай ягодок, — сказал Торгисль. — Кто не срывает такие ягодки, должен быть, я думаю, просто дурачком.

Торир обхватил его за шею и прошептал в самое ухо:

— Уж Хельги-то не замедлит их сорвать, когда выпадет его час; и можно ли его за то винить, как ты думаешь?

— Которую же из этих? — спросил Торгисль.

— Ты что, ослеп? — отвечал Торир. — Вон та, третья от конца, новая королевская рабыня. В ней, говорят, течет кровь короля гаэлов¹⁵. Если чернявые женщины считаются уродинами, то вот тебе доказательство, что думать так ошибочно.

— Чернявые ныне в почете, — сказал Торгисль.

Хельги все еще облизывал губы, неуклюже ерзая на скамье, взгляд его был прикован к черноволосой девице на отдельной лавке. Оглянувшись и увидев, что приятели смотрят на него с насмешкой, он пожал плечами, набил полон рот баранины и дал знак виночерпию, чтоб принес еще выпивки. Потом, не переставая чавкать, проговорил:

— Женщины как скотина: одна с одной схожа, когда дело сделано.

— Для тебя это к лучшему, — сказал Торир, — так как думаю я, что вот этой тебе придется долго дожидаться.

Хельги выпил еще и сплюнул.

— Тролли бы побрали вас и вашу болтовню, — сказал он.

— Торгнир смотрит на все это поразительно спокойно, — сказал Торгисль через какое-то время. — Что, как мы все время в нем ошибались?

— Никогда я так не думал, — сказал Хельги, смотря туда, где старик восседал за столом рядом с королем. — Иногда море стонет и, будучи спокойным. Думается, это сейчас мне и слышно.

Зала была увешана полотнищами и занавесами из драгоценной пурпурной ткани с вышивкой, привезенными из Миклагарда¹⁶ или Гардарики¹⁷, или с западных островов — добыча войны или дары мира и почтения, что подносили Стирбьерну короли и князья, которых он покорил. Он привез королю, своему дяде, такие количеством и роскошностью сокровища, и десятой доли которых еще не видано было в Шведской земле. Были там блюда золотые и большие чаши, и сосуды, и кубки из золота и серебра, усыпанные драгоценными камнями и искусно украшенные узорами — они заставили грубые прокопченные столешницы длинных столов расцвести сияющею красой, словно бурая земля по весне. Но слава и великолепие банкета было не только в золоте и драгоценностях, не только в прекрасных тканях и оружии,

¹⁵ гаэлы — шотландцы, проживающие на северо-западе Шотландии и на Гебридских островах

¹⁶ Константинополь

¹⁷ Русь

развешанном на стенах, и не в блестящих доспехах — но в живой красоте мужей и жен, которые пировали за столами на этом празднестве. Король Эрик, к которому словно вернулась молодость, ел и пил, и веселился, и часто взглядывал на Стирбьерна, сидящего напротив него в своей юной красоте и силе, и на суженую Стирбьерна, белокожую и с волосами чернее ночи, сидящую тихо, взглядом и слухом устремленную лишь на него; а по правую руку короля была его прекрасная молодая королева. Она, также тиха, сидела, скрыв веками свои темные глаза, что казались глазами зверя — глубокими как бездны, с неясным выражением под затеняющими их ресницами. Лицо ее раздурмянилось, а рыже-золотистые волосы, разделенные на две стороны, затеняли лоб отблескивающей золотом тяжестью. Они были собраны и свернуты улитками над ушами, и перевиты драгоценными сверкающими нитями. Платье ее было из бесценного греческого шелка, пурпурного и затканого золотом. Странная и будоражащая прелесть была в ее задумчивой тишине, в том, как очерчивали огненные отблески ее молодое, цветущее красотой тело, скрытое одеяниями, придавая каждой складке шелка и каждой золотинке отделки тепло и дышащую жизнью красоту плоти и кожи. Но ее повелитель, сидящий рядом на расстоянии руки, смотрел лишь на своего племянника — так казалось бы, если б он не бросал снова и снова долгих взглядов на новую свою девицу-рабыню, сидящую на отдельной скамье. Стирбьерн, в свою очередь, обращал внимание на всех, он был весел сердцем, в его душе были легкость и мир, и приязнь ко всему свету.

Час был поздний, и люди пустились в рассказы, и началась даже похвальба и состязания. Но король Эрик быстро положил тому конец, считая, что в таком обществе, где много людей из разных земель, это не слишком мирно закончится. Он приказал своему скальду спеть им вместо этого что-нибудь, песнь или же драпу.

— А лучше всего, если то будет старая песнь о любви, раз уж у нас сегодня праздник в честь помолвки.

И скальд вышел вперед, и, повинувшись королю, запел песнь, которую называют «Поездка Брюнхильд в Хель». И говорил он так:

Великаниша сказала

«Ты не дерзнешь через двор мой ехать,
из камня ограда его окружает;
ткать бы тебе больше пристало,
чем ехать следом за мужем чужим!
Зачем из Валланда ты явилась?
Зачем, неверная, в дом мой проникла?
Золота Вар, — если знать ты хочешь,
руки твои в крови человечьей!»

Брюнхильд сказала

«Меня не кори, в камне живущая,
за то, что бывала я в бранных походах!
Из нас двоих лучшей я бы казалась,
если бы люди меня постигли».

Великаниша сказала:

«Брюнхильд, дочь Будли, для бед великих
тебе довелось на свет родиться
ты погубила Гьюки сынов,
ты разорила дома их и земли».

Брюнхильд сказала:

«Мудро тебе из повозки отвечу,
если захочешь ты, глупая, знать,
как Гьюки сыны меня заставляли
жить без любви и обеты нарушить!
Там в Хлюмдалире Хильд шлемоносной
меня называли все мудрые люди.
Конунг смелый наши одежды,
восьми сестер, под дубом схватил;
двенадцать зим мне было в ту пору,

когда обещала я конунгу помощь.
В готском краю я тогда отправила
в сторону Хель Хьяльм-Гуннара старого,
победу отдав Ауды брату:
очень был этим Один разгневан.
Воздвиг для меня из щитов ограду
белых и красных, края их смыкались;
судил он тому сон мой нарушить,
кто ничего не боится в жизни.
Вокруг ограды велел он еще
ярко гореть губителю дерева;
судил лишь тому сквозь пламя проехать,
кто золото взял из логова Фафнира.
Приехал герой на Грани своим
туда, где пестун мой правил владеньем;
лучшим он был, бойцом храбрейшим,
викинг датский, во всей дружине.
Ложились мы с ним на ложе одно,
как если б он был братом моим;
восемь ночей вместе мы были -
хотя бы рукой друг друга коснулись!
Гудрун, дочь Гьюки, меня упрекала
за то, что спала я в объятьях Сигурда;
тут я узнала — лучше б не знать мне!
горький обман брачного выбора.
Долго придется в горькой печали
рождаться на свет мужам и женам!
С Сигурдом я теперь не расстанусь!
Сгинь, пропади, великаниши отродье!¹⁸»

Теперь все затихли и слушали скальда, поющего песнь, потому что пел он ее хорошо и так, что затронул сердца всех. Стирбьерн сидел неподвижно, вслушиваясь; и по мере того как вслушивался он, взгляд его упал на королеву Сигрид, которая сидела напротив него по

¹⁸ «Поездка Брюнхильд в Хель», перевод А.И. Корсуна

правую руку от короля. Она сидела, все так же опустив глаза, они были скрыты длинными ресницами. Одна рука ее легла на стол, и пальцы поигрывали с упавшим кубком. Теперь Стирбьерн был захвачен напевом, и думал о том, сколь песня эта грустна, так что глядя на королеву Сигрид, он видел не ее, а королеву прежних времен, Брюнхильд. Смотря так, он слышал словно сквозь сон звучный голос скальда:

*«Брюнхильд, дочь Будли, для бед великих
тебе довелось на свет родиться
ты погубила Гьюки сынов,
ты разорила дома их и земли».*

Песня шла дальше, а Стирбьерн думал: «Брюнхильд? Почему обвиняют ее? Ведь это Один воздвиг огненную стену вокруг нее, и наложил на нее заклятие. И это Сигурд проехал сквозь огонь. Но все же вышла она замуж не за Сигурда, а за Гуннара, сына короля Гьюки. А Сигурд женился не на ней, которая была его истинной любовью, а на Гудрун, дочери короля Гьюки. А потом Брюнхильд убила себя на погребальном костре Сигурда. Что за странная несчастливая история, и как трудно человеку понять, что в ней есть добро, а что есть кривда. А теперь она едет в холодный каменный край Хель, а эта великанша ей досаждала и хочет разлучить с Сигурдом».

В таких раздумьях, устремив взгляд на королеву Сигрид, он мысленным взором видел в ней теперь Брюнхильд в час ее свободы и славы, шлемоносную валькирию, Одинову деву со щитом. Словно в забытьи, смотрел он и замечал с непостижимой ясностью, но все так же отстраненно и бесстрастно, ее полуоткрытые гордо очерченные губы, ее белую шею, стройную и нежную, ее груди, чуть стиснутые теснотой платья, меж которыми угадывалась ложбинка, ведущая в невидимые глубины неги и красы. Внутренний взор его спустился ниже; и стол, преграждавший путь его телесному взору, внутреннему не был ему препоной. Он скользнул взором по изукрашенному поясу, кольчужной рубашке, где схожее с тканью переплетение сверкающих железных колец охватывало округлость ее бедер.

Скальд проговорил:

*Лучшим он был, бойцом храбрейшим,
викинг датский, во всей дружине.*

И показалось Стирбьерну, что он еще глубже погружается в песню, так что теряет в ней, и что говорилось о Сигурде — означало его самого.

Затем, при словах «Гудрун, дочь Гьюки, меня упрекала» он поднял глаза, и впервые встретился взглядом с Сигрид, и в тот миг словно опьянел. Он сел, глядя широко открытыми глазами в ее глаза, так же широко раскрытые и немигающие, будто впивающие его целиком. Затем королева отвела взор. Стирбьерн услышал, будто издалека, голос Тири, шепчущей ему на ухо какую-то любовную безделицу. Он протянул руку к большому украшенному камнями кубку, стоящему перед ним полным меду, и разом осушил его до капли.

10. ОБЪЕДКИ УППСАЛЬСКОГО ПИРШЕСТВА

После пиршества Стирбьерн спал сном, полным будоражащих видений. В том сне он скакал на быстроногом коне через пустынные и безлюдные земли, белые от лунного света. Он скакал сквозь огонь, который подобен был яростному огненному поясу Брюнхильд над Скаталундом, а затем спускался по глубоким лесистым склонам долин в их темные глубины, и молодая листва скользила по его волосам, губам и рукам, когда он проезжал лес. Затем, в водовороте все тех же неспокойных видений, что преследовали его в его забытии, перед Стирбьерном вдруг предстала обнаженная королева Сигрид в ослепляюще белом сиянии. На этом видении сон его вдруг прервался и, приоткрыв глаза, ослепленный светом светильника, он действительно увидел у своей постели Сигрид, закутанную в свой багряный плащ, подбитый лебяжьим пухом.

Она стояла у изножья его постели, высоко держа светильник. Широко раскрытые глаза ее блестели. Заметив, что он пробудился, она сказала:

— Я дурно спала, и пришла мне мысль посмотреть, спал ли ты в эту ночь. Я не хотела будить тебя.

Дыхание ее сбивалось, пока она произносила это.

Стирбьерн рывком поднялся на локтях. Его глаза широко распахнулись, а взгляд остановился на ней. И весь он был подобен тугой тетиве натянутого лука. Его лицо, и без того раскрасневшееся со сна, сейчас еще более запылало румянцем.

— Хотелось бы мне знать, — молвил он, запинаясь, внезапно охрипшим голосом, — с позволения ли короля ты вот так блуждаешь ночами?

Губы Сигрид сжались. Она бросила на него странный взгляд из-под полуопущенных ресниц, а затем легко, будто садящаяся на волну чайка, присела на дальний край постели. Стирбьерн был недвижим,

как бывает недвижна грозовая туча перед самой вспышкой молнии. Спустя несколько мгновений он проговорил:

— Сядь ближе.

Его тон и вид не остались незамеченными Сигрид, и стало ей от того приятно, словно она была искусным рулевым, при сильном ветре с моря правящим корабль меж рифами вблизи скалистого берега.

— О нет, — отвечала она, — мне и так хорошо тебя слышно.

Стирбьерн чуть пошевелился.

— Зачем тебе нужно было пробуждать меня ото сна, Сигрид? Сказать ли тебе, — молвил он, и голос его был подобен слабому ветерку, колышущему листья в преддверии сильного шквала, — о чем был мой сон?

С этими словами он попытался заключить ее в объятия, но она, как ловкий рулевой, была начеку и оказалась проворнее, несмотря на быстроту его движения, мгновенно выскочив за дверь, где он не мог ее достать. Стирбьерн, не обуываясь, ведомый вспыхивающим на сквозняке светом ее светильника, нагнал королеву в дверях ее покоя и стал так, что она не смогла захлопнуть дверь. И через миг они оказались в ее спальне, словно в ловушке.

Королева повернулась к нему лицом, встав между изголовьем и стеной. Она поставила светильник на полку на высоте плеча слева от себя и стояла теперь, натянутая как струна, закутавшись до глаз в свой багряный плащ, с яростно пылающим взглядом прекрасного дикого зверя, загнанного к обрыву, и дыхание ее со стоном рвалось из груди. Она безмолвствовала. Стирбьерн отступил на пару шагов к закрытой двери, протянул назад руку и, дотянувшись до засова, мягким движением задвинул его. Он хранил молчание, и рука его все еще сжимала засов, но, казалось, его тянуло к королеве — так льнет к морской глади уходящий на покой месяц. Так стояли они, Стирбьерн и королева, одни в сполохах светильника, в пляшущих тенях. Бархатная чернота, наполнявшая окно над постелью королевы ночной тишиной, где во тьме там и сям слабенько вспыхивали звезды, была глубока и, казалось, им слышны были удары сердца друг друга. Ночь наполнилась темно-серыми железнопалыми тенями Судеб, что налагают на человека свои неумолимые руки; и летняя ночь сияла от света ее и его глаз, вспыхивающих в лучах настороженно горящего светильника.

Стирбьерн сделал шаг, подходя к ней ближе, взгляд его остановился, словно у сомнамбулы.

— Сигрид, — проговорил он и будто задохнулся.

Она не отвечала ему и не двигалась, но была словно замороженная. Как медленно ползущая тень луны, как те самые серые тени Судеб или как те, кто слепо идет за ними, Стирбьерн приблизился к ней. Он опустился перед нею на колени, и руки его обняли ее бедра. Королева оставалась недвижима, он лишь чувствовал под дорогой тканью плаща дрожь ее тела, к которому прижался он щекой. Стирбьерн поднял глаза, взглянул в ее лицо — и время словно остановило для него свой бег и перестало его заботить. Теперь его не заботило ничто, кроме нее — аромат ее, полуразомкнутые губы, широко раскрытые темные глаза, взгляд которых был устремлен на него. Руки его скользнули вверх и, словно боясь потревожить замерший воздух, коснулись ее рук. Сигрид, все еще не отводя взгляда темных, темнее ночи, глаз от Стирбьерна, вдруг с грацией богини дала пурпурному плащу соскользнуть со своих плеч и предстала перед ним в своей белоснежной наготе.

Ночь пошла на убыль, и звезды ушли с небосклона, и все те незримые силы, что ткали паутину судеб, кинули прочь челнок своего ткацкого станка. Стирбьерн, к которому вернулся рассудок, словно впервые узрел возле себя в лучах светильника королеву Сигрид, и перед его внутренним взором промелькнуло все случившееся в эту ночь. Он вскочил с постели.

Королева, очнувшись от сладких и приятных снов, села — сперва в изумлении, а после, встретившись с диким и враждебным взглядом своего любовника, лицом потемнела от гнева. Она тоже вскочила и заставила Стирбьерна повернуться и посмотреть в ее лицо. Он рванулся было прочь, но она оказалась проворнее и, накинув быстро свой пурпурный плащ, встала между ним и дверью покоя. Он отвернулся от нее к стене и тяжело оперся о стену, спрятав лицо в ладонях.

Некоторое время Королева в молчании взирала на него.

— Ты, должно быть, сын какого-то мужлана, — сказала, наконец, она, — или же тролльский подменыш. Ни один муж королевской крови не повел бы себя столь дерзко после чести, подобной той, что была тебе мной оказана. Что ж, тем хуже.

Стирбьерн, словно наослеп, двинулся к двери, но, наткнувшись на стоящую королеву, отступил. Затем он произнес, отводя глаза, чужим сдавленным голосом:

— Выпусти меня, Сигрид.

— Я выпущу тебя, — ответила она, — когда ты станешь говорить со мной, как мой благородный сродник, а не как низкорожденный трелл.

Он застыл на миг, словно раздумывая, что предпринять далее, затем поднял голову и сделал движение, словно собирался оттолкнуть ее силой. Но на расстоянии вытянутой руки он остановился. Ужас, написанный на его лице, когда он стоял и смотрел будто сквозь нее, на мгновение лишил королеву способности рассуждать или двигаться. Стирбьерн разомкнул уста и проговорил:

— Что сделать мне с тобой, неверная сука?

С этими словами он отвернулся от нее, схватился обеими руками за столбики у ложа и рванул их. И под его силой дубовые прочные столбики подались и треснули. Он снова дернул их, словно борясь со своим кошмаром, и остановился, внезапно успокоившись — один оторванный столбик был зажат в его руке. Стирбьерн взглянул на королеву, словно пес, всего лишь просящий выпустить его на улицу и более не требующий ничего.

Но королева по-прежнему взирала на него, стоя спиной к двери. Его слова задели ее, но даже ресницы ее не дрогнули. Однако постепенно в лице ее разливалась словно бы каменная тяжесть, лицо и даже губы побелели, а потом кровь снова прихлынула к ее щекам. Тихим голосом и медленно, роняя слова, будто тяжелые водяные капли, она промолвила:

— Раз так, будет это твоей погибелью.

И вслед за тем так громко вскрикнула королева Сигрид, что задребезжали чаши на полках и гуси отозвались в королевском дворе.

Теперь она его пропустила, но он оказался не быстрее, чем служанки и все остальные, услышавшие ее крик. Стирбьерн прорвался сквозь них, словно обезумев; в трех шагах от дверей спальни королевы наткнулся он на старого Торгнира, миновал старика и тут его настиг Хельги, которого он так ударил по уху, что Хельги полетел на пол и растянулся, лишившись чувств. Стирбьерн достиг своей комнаты,

однако и Торгнир, и Хельги, и еще четыре-пять служанок видели, как он выбежал из спальни королевы.

Тут в проходе, ведущем к покоям королевы, появился король Эрик, разбуженный громкими криками, в плаще и с обнаженным мечом в одной руке и светильником в другой. Все расступились перед ним, однако никто, даже Торгнир, не решался заговорить, и все лишь молча давали королю дорогу. Он вошел, взглянул на королеву и закрыл затем за собою дверь. Сигрид упала перед ним ниц и обхватила руками его ноги, заливаясь горячими слезами. Король замер, сиюсь понять, что же произошло. И наконец, всхлипывая и задыхаясь, она мало-помалу поведала, что всему причиной его дорогой племянник, который, будучи распален пивом и похотью, силой овладел ею. Король выслушал все это молча, недвижный и внешне бесстрастный. Он устремил взор на ее склоненную голову, содрогающуюся от рыданий, на белую обнажившуюся шею с вьющимися коротенькими волосками, затеняющими светлую кожу, на плащ, который сполз и обнажил ее горло, на ее груди, которые виднелись под плащом, сжатые меж ее локтями словно пара голубей, что сидят на краю крыши. Когда королева окончила свой рассказ, она взглянула снизу в его лицо и вскричала:

— Повелитель, отчего ты меня покинул?

Словно башня, возвышался над нею король. Он ничего не говорил, только стиснул челюсти и неподвижно, с застывшим лицом смотрел вверх ее головы. Сигрид, испуганная его холодностью, поднялась на ноги и обвила руками его шею, дрожа и всхлипывая, спрятав лицо у короля на груди. Он же застыл, словно окаменев. Король казался опустошенным и отяжелевшим, и страшно было взглянуть в его лицо, было оно беспросветным, словно глухая ночь, и печальным, будто море под покровом зимы. Наконец, освобождаясь от тягостной неподвижности, он снова взглянул на королеву, мягко снял ее руки со своих плеч и без единого слова вышел из комнаты. Сигрид, видевшая горе короля, сочла за благо ничего более не говорить и просто отпустить его.

Сероватый утренний свет заставил поблекнуть лучи светильников и последние янтарные вспышки огней в королевской зале. Спустя некоторое время к Торгниру явился человек, передавший повеление

немедленно явиться к королю. Торгнир пришел и застал короля при доспехах и оружии, сидящим в своем высоком кресле с обнаженным мечом, лежащим поперек его колен. Долгое время король в молчании смотрел на него. И Торгнир стоял перед ним, склонив голову. Наконец король сказал:

— Подними голову, Торгнир, хочу я видеть твое лицо.

Старик поднял голову и взглянул на короля. Спустя несколько мгновений король снова заговорил и сказал:

— Сорок лет ты служишь мне. И должно быть, хорошо ведомы тебе мои мысли.

Затем король промолвил:

— Под страхом смерти я запрещаю тебе и кому-либо еще говорить о том, что случилось сегодняшней ночью. Что до королевы, то единожды женщину стоит простить. Что же до Стирбьерна — ты должен пойти сам и разыскать его, и передать ему, что сможет он беспрепятственно покинуть Шведскую землю, если сделает это сегодня. Но если, покуда я жив, еще раз ступит он на эту землю или же встретится где со мной, это будет его смертью.

Торгнир смотрел на короля из глубины своих темных глазниц и ничего не отвечал. Его длинные руки чуть вздрогнули. Затем он заговорил:

— Ты иной раз думал, что я играю в свою игру, а не на твоей стороне, повелитель. Не хотел бы ты сам переговорить с ним?

— Если я с ним встречу, — отвечал король, — будет это его гибель. Иди и передай ему мою волю.

Торгнир покинул залу прежде короля. Во всем доме царила сумятица, с королевского двора слышалось ржание и топот коней. Торгнир вышел во двор и подошел к Стирбьерну, который уже садился в седло. Вокруг уже верхами собрались его йомсборжцы. Торгнир подошел совсем близко, чтобы никто не расслышал его слов, кроме них двоих, и передал королевское повеление, ничего не прибавив и не убавив. Стирбьерн выглядел как человек, не до конца пробудившийся ото сна, что длился много ночей. Торгнир, не будучи вполне уверен, что тот вполне расслышал королевское послание, повторил его слово за словом. Но Стирбьерн молвил ему в ответ:

— Я хорошо расслышал тебя. Теперь ты добился своей цели. К чему еще эта излишняя болтовня?

С этими словами он сунул ногу в стремя, сел в седло и, не оборачиваясь и более не обращая внимания на Торгнира, поскакал вместе со своими людьми прочь с королевского двора, вон из Упсалы на юг, к морю.

11. СТЕНЫ У ГАВАНИ ЙОМСБОРГА

Пока его корабли проходили во внешние ворота Йомсборгской бухты, Стирбьерн стоял на стене. Провести корабли было делом непростым — высокие волны бились в скалы, — а потом все стало и вовсе трудным, поскольку солнце уже село и путь освещали лишь факелы и сияние луны, временами судорожно выскальзывающей и снова прячущейся в клочья тумана. Но все подчинялись приказаниям — именно Стирбьерн был причиной того, что за три дня, как они отплыли от Низин, его люди стали считать более безопасным разбить один или два корабля, чем связываться со своим вожаком. Стирбьерн стоял в полном вооружении, под его кольчугой с золотой кромкой надет был тот самый греческий кертл из кармазинного шелка с золотом, что поднесла когда-то ему в дар хольмгардская княжна. Перепоясывал его тяжелый серебряный пояс с конеголовыми змеями в каждом звене — тот самый пояс, что взяли они в сердце храма Йомбалы в землях Кирьяланда. И те варвары напрасно надеялись, что земля поглотит его, действовавшего столь вызывающе нечестиво. На бедре висел дар Эрика, обоюдоострый меч, с которым Стирбьерн совершил столько досто-славных завоеваний — тот самый, которым он сражался с самим Пальнатоки, когда впервые прибыл в Йомсборг. Стирбьерн стоял с непокрытой головой и, по своей недавней привычке, был без плаща, так что взору были доступны сила и мощь его рук и широких плеч, и вся его гордая стать, казавшаяся мантией гораздо более достойной, чем иные мантии на плечах королей.

Яростным и сумрачным был вид Стирбьерна, однако был он сейчас тих, будто укрошенный звуками музыки дикий зверь. Смотрел он, как плясали столпы воды, как волны бросались на скалы, закипали вокруг них, падали, разбивались и вздымались вновь — вечные чада Ран¹⁹, они словно совершали обряд некоего тайного служения, что

---

¹⁹ Ран — великанша, штормовое божество моря, сестра и жена владыки морей Эгира

недоступно знанию и пониманию обычных человеческих существ. Он слушал могучий рев разбивающихся валов, грохот и гром от их ударов, и сухое шипение гальки под отступающими волнами — словно злорадия, что древнее мира и старше богов, вскипала в их дыхании, строя еще более злоеущие козни.

Отступив назад, чтобы избежать брызг от более яростной и взлетевшей выше обычного волны, взметнувшей ввысь белые хлопья пены, Стирбьерн почувствовал на своих плечах руки Бьерна Асбрандсона, который неслышно подошел сзади.

— Что за демон в тебя вселился? — спросил Бьерн. — Не мог ты разве вытащить корабли на берег в спокойную погоду и в укромном месте? Вон уж один разбит у ворот в гавань, и человек вроде как утонул, мы не можем его достать — сейчас тьма и ветер.

— Тогда пускай тонут, — сказал Стирбьерн, — и ты тони с ними, раз завел такие разговоры.

Он резко отшатнулся от Бьерна, и большой меч, подарок Эрика, лязгнув на его бедре. Стирбьерн схватил меч обеими руками, на миг взглянул на него при свете луны, словно то была какая-то диковина — а потом сдернул вместе с перевязью и с силой швырнул в море.

— И вот это туда же, — сказал он.

Бьерн, будучи человеком разумным, воздержался от ответа.

Последний корабль вошел в гавань. Спустя какое-то время Стирбьерн, все так же продолжая стоять и следить за бесконечными набегующими водяными валами, прошептал тяжело и словно лишившись голоса:

— Рассказать ли тебе о том, что сделал я в Швеции?

— Разве я не брат тебе? — сказал Бьерн.

Стирбьерн молвил:

— Я связался с блудней и потерял королевство.

Бьерн, знавший, когда следует промолчать, не ответил на это ничего.

Стирбьерн поднял глаза к луне, стоявшей высоко над Вендландом и схожей с ликом мертвой королевы, белым и несчастным, полускрытым тонкой туманной вуалью облаков, которые тускло посеребрили небо. Чуть ближе к краю неба порывистый ветер гнал

мохнатые тучи, угольно-черные на фоне белой луны. Каждая из туч, проплывая, словно стремилась собрать на себя немного лунного сияния, и улетала затем, гонимая ветром, к востоку в чуть менее черной, чем прежде. То там, то сям вспыхивали одинокие звезды.

Стирбьерн проговорил:

— Я солгал тебе. Вот как все было: я подло оклеветал королеву и потерял то, чего не смогу вновь приобрести ни за какие королевства или сокровища мира.

Бьерн, рассудив про себя, что слова эти схожи с суматошным барахтаньем тонущего, ничего не ответил и лишь взял его за руку. Стирбьерн стиснул его запястье, его железная хватка крепчала, когда ему казалось, что Бьерн собирается уйти; он оставался неподвижным, только, шире расставив ноги, крепче уперся в землю, словно некий великан, противостоящий наводнению. Бьерн, держа его руку, ощущал, как билась кровь в жилах Стирбьерна, возмущаемая изнутри токами Судьбы и Жизни, билась не менее сильно и яростно, чем морские воды вокруг стен бухты Йомсборга.

Наконец Стирбьерн проговорил:

— Люди ученые говорят, что прелюбодеи, когда умрут, должны блуждать в потоках яда, в краю мертвых, отдаленном от солнца, в замке, что перевит змеиными кольцами. Правда ли оно так, побратим, как считаешь ты?

Бьерн отвечал:

— Я того не знаю.

— Ты старше меня на десять лет, и должен знать поболее, чем я, — сказал Стирбьерн.

И еще долго он молчал, следя за могучими набегами волн, которые догоняли друг друга, ударялись о берег и опадали, и отползали назад в море; и каждая волна, отступая, встречала другую, идущую ей на смену; словно молодые животные, они играли, сталкивались, боролись одна другую с ревом и шипением, что возносились высоко в небо в общей пелене брызг и разлетающейся пены. Затем Стирбьерн промолвил:

— Снорри Годи²⁰ изгнал тебя из Исландии из-за женщины.

— Не изгнал, — отвечал Бьерн, — я сам ушел.

---

²⁰ Годи — жрец и законник в Исландии

Стирбьерн резко повернулся к нему, положил обе руки на его плечи, рванул к себе и пристально посмотрел в глаза. Он сказал:

— Следуй за мной, и я покажу тебе много диковин. Нет ничего доброго под солнцем и под луною, Бьерн. И последовавший за мною не обретет себе добра. Я не смогу и во всем мире отыскать благ, которые мог бы дать идущему со мною. Но власть и силу он получит, а кроме того — когда нога моя будет попирать шею короля данов и короля Бурислейфа, и великого короля Миклагарда и... достаточно! Так вот — нога последовавшего за мной станет попирать шеи их всех вместе с моей ногой, вместо того, чтоб его шее быть рядом с их шеями.

— Ты кощунствуешь, — отвечал Бьерн, — и думаю я, что ты тронулся умом.

— Это все, что скажешь ты мне? — проговорил Стирбьерн.

Бьерн в ответ промолвил так:

— Вот что я скажу — я тебя не оставлю и не отрекусь от тебя, пока и ты, и я живы.

12. УКРОЩЕНИЕ КОРОЛЯ ДАНОВ

Наконец вернулись из летних набегов ярлы Йомсборга. Никому не говорил Стирбьерн о том, что приключилось в Уппсале в конце лета. Однако произошедшее не осталось тайной, ибо те, кто плывал с ним в Швецию, пересказали все, что знали, своим сотрапезникам, и большинство посчитало, что вряд ли Стирбьерн смиритсЯ с таким позором.

Всю зиму Стирбьерн оставался в Йомсборге. Он постоянно был не в духе, и связываться с ним опасались. Бьерн все это время оставался с ним, однако остальные разъехались по своим родным местам: Сигвальди и его братья — в Сконе, Буи и Сигурд — к старику Весети, их отцу, в Борнхольм, и остальные тоже разъехались кто куда. Пальна-токи, тоже отбывавший домой в Фюн, отвел Стирбьерна в сторону и сказал:

— Очень немногие могут выстоять в одиночку. Запомни хорошо: что бы ни надумал ты делать или куда бы ни собрался плыть будущим летом, окажем мы тебе помощь, как большой палец помогает указательному.

Стирбьерн схватил его руку и крепко пожал.

Зима вступала в свои права, и Стирбьерн становился все более мрачным. Все чаще он уединялся, часами мог ходить по стенам гавани Йомсборга даже в сильный мороз и под пронизывающим ветром; иногда в одиночку выходил в море на лодке. Раз или два, когда погода особенно разыгрывалась и лодку начинало захлестывать, он прыгал в воду и плыл к берегу, чего до сих пор не удавалось почти никому, кроме особо хранимых удачей. В другие дни уходил он вдаль от побережья и бродит один среди холмов и утесов. Однако, когда уехал Стирбьерн из Уппсалы, трелл Эрланд решил привезти к нему Моулди, и погрузил его на корабль, и приплыл с ним на юг, к Йомсборгу. Потому что подумалось ему — его хозяин и так уж оставляет в Шведской земле достаточно такого, о чем станет сожалеть и грустить, так пусть хоть этот бычок уберезется и станет отрадой для его господина,

хоть тому сейчас может быть вовсе не до него, как и не до чего иного. И вышло так, что когда Стирбьерн бродил один по окрестностям, Моулди в отдалении ходил за ним. Однако Стирбьерн, казалось, не видел его и не подозревал о нем, и обращал на него внимания не более, чем на собственную тень. В это время не один Моулди следовал всюду за Стирбьерном — Бьерн также всюду следовал за ним, находясь с отрядом воинов неподалеку и следя, чтобы Стирбьерна не застигли венды. Однако те предпочитали держаться подальше — то ли опасаясь Бьерна с его людьми, то ли из-за давнего страха перед йомскими викингами и Стирбьерном, то ли (и это было самой весомой причиной) из-за того, что меж королем Бурислейфом и йомсвикингами была мировая.

Минул Йоль, дни становились длиннее, и Стирбьерн стал понемногу приходить в себя после черной полосы. Однажды вечером, когда они прогуливались вдоль стены в ярких лучах заходящего солнца, сказал он Бьерну, своему побратиму:

— Одну вещь я зря оставил и не взял с собой. До сих пор я не тосковал по нему, но сейчас вдруг стало мне его не хватать.

— Что же это? — спросил Бьерн.

— Моулди, — отвечал Стирбьерн.

— Моулди, — молвил Бьерн, — был подле тебя всю зиму. Не было ни разу, чтоб ты уходил куда-то блуждать и он не следовал за тобой.

— Ты смеешься надо мной, — сказал Стирбьерн, вперяясь в него взглядом.

— Я говорю истинную правду, — возразил Бьерн. — Твой человек, Эрланд, привел его к тебе из Швеции.

— Эрланд! — воскликнул Стирбьерн. — И ты!

И он резко отвернулся, пряча лицо.

Зима подошла к концу, и Йомсборг снова был полон людей. И Пальнатоки, как было заведено, держал совет с ярлами Йомсборга, решая, что предпринять им в это лето. Они собрались на стенах гавани, обозревая их, и ворота закрывающие вход в бухту, и саму бухту, и корабли. Пальнатоки занял место на небольшом выступе скалы, который чуть возвышался над уровнем стены; Стирбьерн сел по правую руку от него, а Сигвальди — по левую. Остальные сели или же встали вокруг них. Каждый был при оружии и одет в доспехи и шлем как для

битвы, ибо так было у них заведено, что были они готовы ко всему даже во время совета.

Когда все разместились, Пальнатоки заговорил:

— До сих пор так велось у нас, что спрашивал я у всех вас, что каждый почитает для себя лучшим, и что за деяние он может предложить нам совершить. Однако этим летом, думаю я, нам следует сперва выслушать Стирбьерна — что он собирается делать. Потому что, как мне видится, нет в Йомсборге человека, который не отложил бы своих собственных замыслов, сколь бы они ни были важны, дабы оказать помощь Стирбьерну.

Так сказал Пальнатоки, и все с ним согласились. Только Сигвальди пододвинулся ближе к Пальнатоки и прошептал что-то ему на ухо.

— Нет мне до этого дела, — сказал тихо Пальнатоки. — Я не стану ставить никаких условий.

Затем он сказал громко:

— И вот что мы решили: помощь Стирбьерну мы окажем, и не в чем-то определенном, и не в определенное время, но дадим ему полную свободу делать то, что он посчитает нужным.

Сигвальди прикусил губу, но промолчал. Он поднялся вместе со всеми, и каждый из них обнажил меч, и залязгала сталь о сталь, мечи застучали о щиты, и все они кричали, что готовы помочь Стирбьерну.

Стирбьерн переводил взгляд с одного из них на другого. Казалось, он не мог найти нужных слов. Затем в своей торопливой сбивчивой манере он сказал:

— Спина будет голой, если ее не прикроет брат. Ясно, что мне тут сказать нечего. Но есть один человек и одна страна, против которой я не стану вести войну — буду воевать с любой державой, кроме державы короля свеев. Многим то покажется странным, но я ни за какие блага не подниму топор войны против короля Эрика. Я это сказал, и вам следует это знать. Но раз уж я не воюю против него, я должен воевать с кем-то другим — иначе мое сердце разорвется.

— Как же так? — сказал Буи. — Выходит, ты согласен с тем, что тебя изгнали из Швеции и лишили твоих законных прав из-за какой-то гулящей девки? И как возможно допустить, что кто-то, спесивая жаба, раздувается от гордости, нанеся нам такое оскорбление — и не выпустить его кишки наружу, как он хотел сделать с тобой?

Стирбьерн встретил его хмурый внимательный взгляд с той улыбкой, которой он всегда встречал советы и наставления, когда решение было уже им принято.

— Я не стану воевать со шведским королем, — повторил он.

Буи сказал:

— Ты, верно, подшутил над нами. Должно быть, хочешь нас испытать. Идем, я пойду с тобой. Он поставил сеть на щуку, а поймает огнедышащего дракона. И мне не надо иной награды, кроме права первым бросить факел, когда подожжем мы Уппсалу.

— Ты получишь достаточно добычи, Буи, — сказал Стирбьерн, — но этого никогда не получишь.

И видно было, что, как ни хорошо он владел собой, сейчас терпение его было на исходе. Сигвальди сказал:

— Мы пообещали Стирбьерну следовать за ним этим летом и поддерживать. Думается мне, немного мудрости в том, чтобы подстрекать его к безнадежному и трудному делу — идти войной на короля свеев в Уппсалу. И многие сочтут слишком трудным следовать своей клятве, когда впереди столь безрассудное предприятие.

Однако большинство взяло сторону Буи, говоря, что встанут вместе со Стирбьерном, что бы ни произошло и что бы их ни ждало впереди.

После того Пальнатоки переговорил с ярлами по отдельности и сказал, что лучше будет для всех больше не заговаривать со Стирбьерном о всем том дурном, что приключилось между ним и шведским королем. А более всего, сказал он, следует воздерживаться от слов, подобных сказанному Буи — о войне с королем.

— Потому что он далек от этого, и любое помышление о том, что произошло, подобно искре, упавшей в копну сена, может вновь возжечь в нем печаль и ярость.

Стирбьерн поплыл на восток со всей силой йомсвикингов, и прошел войной по прибрежным и дальним от моря землям, покрыв много владетельных князей и их племен как на матерой земле, так и на островах. И среди населявших те края ужас при одном имени Йомсборга возрос как никогда ранее. Стирбьерн, который ранее ходил в набеги лишь с небольшим числом кораблей, теперь словно вовсе забыл об опасности. И ни одна дружина не могла устоять против него

или спастись бегством от его стремительного натиска. Пошла по Вендланду, Гардарики и Эстланду, и по другим землям у восточных морей молва, что Стирбьерн не человек, а тролль, которого не берет железо. И его враги выходили на битву с ним, терзаемые страхом. Но сколь ни много он завоевывал земель и племен — всех связывал с собой клятвами и обетами и звал людей из тех племен вместе с собой в набеги. И люди замечали ту странность, что встретившиеся с ним лицом к лицу и говорившие с ним хоть единожды были после того готовы покориться его воле и следовать за ним, и повиноваться ему во всем. Потому что он притягивал к себе людей, как магнитный камень притягивает железо.

Тогда пришел он с войной в Вендланд, ибо счел, что венды что-то уж сильно задумались, не им ли принадлежит Йомсборг, стоявший как раз на меже их земель. Против него собралась орда вендов, а с ними и сам король Бурислейф, с которым была такая сила воинов, что на каждого йомсвикинга приходилось по пять или шесть вендов. И встали венды по обе стороны реки ниже флота йомсборжцев, который заплыл вверх по течению далеко вглубь матерой земли. И венды бревнами перекрыли реку, отрезав йомсвикингам путь к морю — это показалось им самым надежным. Битва вышла тяжелой, и с обеих сторон пало множество людей, потому что венды были добрыми воинами, и многое было против йомсборжцев. В конце концов после долгого сражения Стирбьерн взял верх. И таковыми были его условия мира с королем Бурислейфом, что Пальнатоки становился ярлом по имени и достоинству, и что отныне и навечно венды укладывали мировую с людьми из Йомсборга, признавая йомсвикингов своими друзьями и союзниками, и впредь должны были они оказывать им всякую помощь и поддержку. Король Бурислейф дал Стирбьерну множество сокровищ и даров, и поклялся снаряжать Стирбьерну корабли и людей и плыть с ним на войну, когда бы тот ни позвал.

Дело шло к середине лета. Они доставили захваченную добычу в Йомсборг, сложили ее там и привели в надлежащий порядок свое снаряжение. Затем Стирбьерн сказал:

— Теперь хочу я, чтоб мы отправились в викинг на запад. И прежде всего — в Данию.

Легко было заметить, что Пальнатоки эта затея не пришлась по душе.

— Я сам дан по крови, — сказал он, — и родом из Фюна. И я не ставлю себя выше короля данов Харальда Гормсона, раз уж я избран воспитывать его сына. Не заставляй нас делать такого выбора.

Стирбьерн потемнел было лицом, но затем чело его разгладилось.

— Мне не следовало о таком просить, Пальнатоки, — сказал он. — Оставим это, раз так. Подумаем о чем-то ином.

— С твоей стороны это щедрость, — сказал Пальнатоки. — И мы друзья с тобой именно оттого, что привыкли видеть в тебе эту щедрость. Но и я в этом не отстану от тебя, и не поступлю недостойно, раз я поклялся помогать. Так что решай сам, куда поплывем. Пускай будет Дания.

На том и порешили. Лишь одно было утешением для Пальнатоки — самому ему не пришлось плыть со Стирбьерном. Ибо рассудили, что когда придет пора, короля легче будет заставить есть с руки того, кто не шел против него силой. Потому положили, что Пальнатоки с сыновьями Струт-Харальда и половиной всего флота, который был теперь в Йомсборге, поплывет снова на восток и соберет там еще больше войска, и затем встретится со Стирбьерном в Йомсборге в первое полнолуние после середины лета. И уж потом вместе пойдут они в поход до самого конца лета.

Стирбьерн, с Бьерном, сыновьями Весети и остальной дружиной, поплыл в викинг на запад в Данию, и там учинил большое беспокойство и смуту. Он одержал три победы в морских сражениях, а потом проплыл через Ютландское море в Лимфьорд, где и нашел короля данов с его дружиной. Король счел делом безнадежным сражаться со Стирбьерном, и они заключили мир. В те дни у короля Харальда был большой прекрасный дом в Алаборге, и он упросил Стирбьерна сойти на берег и погостить. Стирбьерн ответил на это согласием, и корабли короля Харальда и корабли Стирбьерна были частью вывочены на мелководье ниже Алаборга, а частью стояли на якоре, ибо в небесах не было ветра и нашлось тихое место для кораблей.

Король на глазах всего народа засвидетельствовал, что у него со Стирбьерном мир, но разговоры про сроки и условия были отложены до завтрашнего утра.

В послеполуденное время вышло так, что Стирбьерн, прогуливаясь на солнце по внутреннему двору и разглядывая прочные амбары и загоны для овец, и печи, и дома и другие прекрасные строения, что были у короля в Алабуге, зашел за угол большого дома и лицом к лицу столкнулся с Тири, дочерью короля Харальда. Она стояла с непокрытой головой, и солнце играло в ее волнистых смоляно-черных локонах. Одета она была в темно-синее шерстяное платье и шелковую накидку того же цвета, роскошную и дорогую. На руках она держала маленького пушистого кролика, который утрелся у ее груди, прижав длинные ушки и сунув нос под ее руку. И так случилось, что Стирбьерн мурлыкал под нос какую-то песенку и Тири так же мягко напевала что-то своему кролику, смотря, как он устраивается на ее руках, баюкая его и чувствуя, как дышит в ее руку маленький его носик. Встретившись, они оба бросили петь и замерли, словно собирались отвернуться друг от друга, и лица их вспыхнули румянцем. Стирбьерн отступил в сторону, давая ей пройти. Но Тири застыла на месте, будто ожидала, что он скажет. Она взглянула на кролика в своих руках, поглаживая его ушки и головку. Спустя время она подняла глаза и сказала:

— Его схватил было хорек, но я его спасла.

Стирбьерн ничего не сказал, встретившись с ней взглядом в неловком молчании. Потом они вдрут оба улыбнулись.

Тем вечером король устроил для Стирбьерна и его людей пир и развлечения. Стирбьерн говорил по преимуществу с Тири, и она охотно и легко беседовала с ним. Ни словом, ни взглядом она не напоминала о той дурной ночи, что разделила их в Уппсале, и все было так, словно ее память и ум очистились ото всех воспоминаний о произошедшем. И чудесным образом она снова взяла тот дружеский тон, какой был меж ними в самую первую их встречу, так что даже брат и сестра, встретившиеся после долголетней разлуки, не могли бы беседовать более дружественно, перебрасываясь словами и шуточками. Вдруг он ее спросил:

— Говорили мне, что ты выходишь за короля Бурислейфа.
— Так и есть, — она отвечала, словно пробудившись от сладкого сна.

— И на то есть твоя добрая воля? — спросил снова Стирбьерн.

Вся легкость речей и поступков покинула ее. Она гордо вздернула голову, словно собиралась сказать, что это не его дело. Потом ее взгляд встретился с его взглядом. Она опустила глаза и сказала едва слышно:

— Нет.

— Он же старик, — сказал Стирбьерн.

— Да, так мне говорили, — отвечала она тихо, словно выдыхая слова.

Они помолчали. Затем Стирбьерн сказал:

— Я дурно поступил. Теперь уже поздно?

Тири подняла на него глаза.

— Нет, — молвила она.

На следующее утро Стирбьерн и король Харальд говорили наедине, выйдя на скальный выступ, откуда открывался вид на морское побережье под Алаборгом. Стирбьерн назвал условия мира, которые ставил он перед королем: даны должны дать ему сотню снаряженных кораблей с людьми и сражаться с ним в трех больших битвах, а помимо того он получает в жены Тири, дочь короля Харальда.

По всему было видно, что таковые условия пришлось королю не по душе. Они долго толковали и перетолковывали, то так, то эдак, однако ни до чего не договорились.

— Я уже хорошо запомнил, — молвил король, — что с недругами ты словно непокорный дикий конь. Но то, о чем ты просишь, выходит за пределы разумного, и я того исполнять не стану.

— Тогда будет худо, — отвечал на это Стирбьерн, — потому что сейчас речь идет о дружбе или раздоре между тобой и нами, йомсвикингами.

Король взглянул ему прямо в глаза.

— Тогда ответь мне, — сказал он, — кто ты есть, что говоришь ото всех йомсвикингов? Пусть Пальнатоки говорит от имени Йомсборга, а ты говори только за себя.

Стирбьерн рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он, — я стану говорить за себя.

— А я, — отвечал король, — уже дал тебе свой ответ.

— Но такого ответа я не приму, — сказал Стирбьерн.

Король пришел в крайнюю ярость. Он замер на несколько мгновений, а потом резко повернулся к Стирбьерну и уставился прямо в его лицо.

— Можешь убираться отсюда, — сказал он со злостью, — и пусть все демоны Хель последуют за тобой. Никогда меж мною и Йомсборгом не было ничего дурного ни в речах, ни в деяниях, пока не объявился ты. С Пальнатоки и с любым другим мужем из Йомсборга я легко достигну согласия. Но тебя я чтобы больше не видел.

Стирбьерн улыбнулся.

— Я, видимо, достаточно испытывал твое терпение, король. Мне жаль, что так вышло. Корабли я тебе, пожалуй, прошу. Но дабы скрепить нашу дружбу прочными узами ты должен отдать мне свою дочь.

— Об этом и не помышляй, — сказал король Харальд. — Ты уже имел на то возможность, хоть и тогда не было на то моего полного согласия — когда твой дядя поддерживал тебя. Я думаю, теперь он вряд ли станет тебя поддерживать.

С этими словами он презрительно взглянул на Стирбьерна.

— Воистину, ты наглостью схож с псом, — сказал он. — Будь осторожен с пивом и чужими женами. Когда затвердишь себе этот урок, можешь снова приходить просить руки моей дочери.

Волосы на голове Стирбьерна чуть приподнялись от ярости, и он потемнел от бросившейся в лицо крови.

— Теперь же, — говорил король, — она обещана в жены королю Бурислейфу. И свадьба состоится этим летом.

— Есть ли на то ее воля? — сказал Стирбьерн.

— На то есть моя воля, — отвечал король.

— И ты не дашь ей свободы выбирать?

— Не дам, — сказал король.

Стирбьерн шагнул к королю Харальду, встал перед ним, как встают друг перед другом, тяжело дыша, готовые броситься в схватку псы.

— Долгие речи — это не по мне, — сказал он, — но по твоей прихоти, король, я потратил два часа на болтовню. Тут чужих ушей нет. Вон там внизу ты видишь мои корабли и свои корабли. Хорошо

подумай, даю тебе выбор: протянуть мне руку и отдать свою дочь за меня, поклявшись в дружбе, а также отдать мне сотню кораблей. Если же нет, я сегодня же ночью заберу тебя на корабль и отвезу за море в Кирьяланд или в пустошь Смоланда, или еще куда, и отдам тебя тамошним дикарям, чтоб они отрезали тебе нос и уши, и выпотрошили тебя, отдав кишки на корм своим псам. Выбор за тобой.

Его речь, запинаящаяся и прерывистая, отдалась в ушах короля лязгом оружия. Король поднял взор, неподвижный, как у мертвеца, щеки и лоб его приняли грязно-серый цвет, а губы раздвинулись в злобной гримасе, обнажив зубы и десны; и уродливый мертвый зуб, торчащий наружу из левого угла его рта, сейчас казался клыком дикой свиньи. Правая рука железной хваткой сжала рукоять меча, но меч его так и не покинул ножен. Когда Стирбьерн закончил свою речь, повисла тишина, нарушаемая только плеском волн о берег далеко внизу.

— Что ж, Стирбьерн, — медленно проговорил король Харальд, — ты и впрямь сильный человек. Но думается мне, что сила твоя однажды изничтожит сама себя, став чрезмерной. Ты теперь своего добился, как добивался ранее. Но раз уж ты до сих пор мне потакал и не опозорил перед лицом моих людей — это кое-чего стоит.

— Тогда по рукам, — сказал Стирбьерн. Ярость его прошла быстро, как мартовская буря, и его лицо, словно весенний солнечный свет, осветила радость, так знакомая друзьям его. Он протянул руку. Рука короля в деснице Стирбьерна казалась мертвой рыбиной. Стирбьерн сказал:

— Ты прав, у нашей сделки нет свидетелей. И все же я рассчитываю, что ты сдержишь свое слово. Кроме того, я хочу, чтоб принес ты клятву, король.

Король поклялся именем Христа и девы Марии.

— Теперь тебе нет обратной дороги, — сказал Стирбьерн. — Но ты должен поклясться также именем Тора.

Король поклялся Тором.

Стирбьерн сказал:

— Мы с тобой пришли к согласию. Теперь, думается мне, между нами будет хорошая дружба.

13. ФЛОТ ОТПЛЫВАЕТ

Когда было объявлено всем, что меж Стирбьерном и королем Харальдом ныне дружба, многие удивлялись тому, рассуждая, что же за такой сильный ветер подул и унес прочь давно уговоренное согласие на брак дочери Харальда с королем Бурислейфом. Люди короля в большинстве своем считали, что их правитель явил свою мудрость в этом договоре, и через день-два забыты были все ссоры и распри, что возникли меж данами и людьми из Йомсборга. И многие считали, что в том есть заслуга Стирбьерна. Люди заметили, что у короля с Стирбьерном, по крайней мере наружно, полное согласие, и что король обращается с ним, словно тот ему родной сын. Стирбьерн и Тири без долгих отлагательств вступили в брак.

И вот подошло время, когда должен был Стирбьерн встретиться с флотом Пальнатоки, и Стирбьерн послал Бьерна Асбрандсона, побратима своего, в Йомсборг, дабы рассказать Пальнатоки, как пошли дела, и чтоб Пальнатоки со всем своим флотом пришел в Алаборг, вместо того, чтоб ожидать их в Йомсборге, как было ранее уговорено. Потому что было у Стирбьерна на уме плыть летом в Английское море и покорять западные земли. Люди одобряли эти замыслы — земля та была богатой и стоила того, чтобы совершать на нее набеги.

Через должное время Бьерн вернулся. Вот что он рассказал: Пальнатоки и правда был с дружиной уже в Йомсборге, и, помимо того, была с ним великая сила кораблей и людей, что собрал он на востоке. Но когда зашел разговор о том, чтобы идти им всем в Алаборг, они сказали, что прибыли в Йомсборг, дабы встретиться со Стирбьерном, и что ни по чьему приказу никуда не поплывут, покуда сам Стирбьерн не придет и не поведет их. С ним же они согласны были идти всюду, куда ему будет угодно, и во всем ему повиноваться. Стирбьерн понял, что делать нечего, придется ему самому плыть в Йомсборг. Пошел десятый день, как они гостили у короля Харальда в Алаборге. Сели ужинать, и Стирбьерн был весел и приветлив, каким не выглядел уже долгие месяцы.

Тем вечером случилась сильная непогода, и так вышло, что в это время один исландец плыл к югу у побережья Ютланда, чуть севернее восточного устья Лимфьорда, возвращаясь из Шведских земель, где вел он торговые дела. Ветер и волны морские прибили его корабль к берегу, и судно было разбито в щепки, однако купец и его люди спаслись и выбрались на берег. Случилось это перед закатом. Купец звался Вормом Гримкельсоном. Прежде часто плавал он по торговым делам в Датскую землю, и король Харальд никогда не отказывал ему в гостеприимстве. Там, где Ворм и его люди вышли на берег, никакого жилья не было, и они решили скорее добраться до Алаборга и просить приюта у Харальда-короля. Бредя под ветром и дождем, они не встретили ни единой живой души, так что, когда вошел Ворм в залу и предстал перед королем, ни он, ни его люди не знали ни о том, что у короля Харальда гостят йомсвикинги, ни о том, что тут же находится и Стирбьерн. Ворм не знал в лицо ни Стирбьерна, ни тех, что были с ним в Алаборге.

Король велел трелам позаботиться о людях Ворма, дать им поесть и выпить. А самого Ворма король позвал к столу. Король спросил его, удачна была в этом году торговля, и Ворм отвечал, что лучше, чем в иные годы, но хуже, нежели прежде. Король тогда спросил, откуда они плыли, и Ворм отвечал, что плыли они от Сигтуны.

— Ты первый человек в этом году, — молвил король Харальд, — кто прибыл сюда из Шведской земли. Что нового ты нам поведаешь? Потому что, думается мне, вечером, когда люди наелись и напились, нет ничего лучше, как послушать интересные истории и новости.

Купец на это сказал:

— Ничего нет интересного новее, чем весть о том, как Стирбьерн Сильный был изгнан из Швеции волей короля Эрика, и о том, как король короновал своего маленького сына Олафа соправителем вместо Стирбьерна. И его теперь называют Олаф Король-на-Коленях — короновали его сидящим на материнских коленях, ибо ему, говорят, всего две зимы от роду. И ныне эта новость у всех на устах, и по всей Швеции о том идут толки да пересуды.

Лицо короля Харальда осветилось зловещей улыбкой.

— Это новость что надо, — сказал он, — будь же теперь осторожнее в речах, ибо в кресле напротив тебя восседает Стирбьерн Сильный,

и я думал прежде, что ты его знаешь, раз ездил ты торговать в Шведскую землю.

У купца колени подогнулись, когда он уразумел, что это и правда Стирбьерн. И глаза всех присутствовавших обратились к Стирбьерну, следя за тем, как примет он эту новость. Когда впервые назвали его по имени, Стирбьерн покраснел до ушей и корней волос. Однако когда он услышал о коронации Олафа Короля-на-Коленях, он побледнел от ярости. Подался он вперед, опершись локтями о стол, ноздри его расширились, а глаза вспыхнули от гнева как у рыси, готовой прыгнуть на добычу. Случилось так, что в правой руке он держал рог для питья, и столь сильно стиснулась его рука, что рог треснул и сломался, и пиво пролилось на стол. Купец застыл в страхе, и остальные также пришли в ужас, ибо казалось, что Стирбьерном овладела ярость берсерка, и они думали, что многим придется плохо, если Стирбьерн кинется на них. Потому никто не шевельнулся и не заговорил, но все лишь глядели на Стирбьерна. Затем он, казалось, овладел собой и сказал:

— Когда же провели эту коронацию?

— Господин, — отвечал купец, дрожа, — мне говорили, что это случилось на третий день, как покинул ты Упсалу.

Стирбьерн смял в руке треснувший рог, отшвырнул его прочь и, запрокинув назад голову, разразился хохотом. Затем он снял с предплечья золотое кольцо, тяжелое и широкое, и бросил его Ворму, сказав:

— Это тебе в благодарность за новость о Короле-на-Коленях.

Поднялся он затем со своего места и взял за руку Тири, которая вздрогнула и побледнела от всех этих новостей.

— Идем, милая, — сказал он, — пора спать. С рассветом должен я плыть в Йомсборг.

Стирбьерн снарядился плыть на восток на рассвете следующего дня, взяв с собой девять кораблей. Прежде чем пробудились остальные его люди, он около часа говорил о чем-то с Бьерном наедине. Бьерн должен был отплыть с ним и Бесси Торлаксоном. Остальную дружину оставлял он под началом Буи Толстого и велел им дожидаться его возвращения в Алаборг на тридцатый день. Король Харальд все

это замечал и был бы не прочь узнать, что задумал Стирбьерн. Однако тот ничего ему не сказал, лишь просил подождать его в Алаборге.

— А как будет с Тири? — спросил король. — Странно, что она тебе успела надоесть после того, как ты прокувыркался с ней в постели семь дней подряд.

— Тири поплывет со мной, — отвечал Стирбьерн.

— На восток в Йомсборг? — удивился король. — Ты не можешь привести свою жену в Йомсборг. Не было еще такого, чтобы туда приводили женщин.

— Это не твоя забота, — сказал Стирбьерн.

Королю это пришлось совсем не по нраву.

Затем все поднялись на борт и отплыли. Но Харальд-король, оставшийся в Алаборге, находился в дурном расположении духа. Он расспрашивал Буи и Сигурда, и других из оставшихся ярлов Йомсборга, но не мог выжать з них ни словечка. И он все раздумывал над тем, чтоб отплыть из Лимфьорда самому, не дожидаясь возвращения Стирбьерна, или еще каким способом избавиться от йомсборжцев. Но это было небезопасно. Так что он остался, озлобившись и не зная, что предпринять. И каждый день даны стекались в нему в Алаборг, так как до того он наказал им собраться здесь, чтоб дать Стирбьерну обещанные корабли с дружиной.

Стирбьерн прибыл в Йомсборг на третий день в час полуденного прилива. Пальнатоки, увидев Тири, отвел Стирбьерна в сторону и сказал:

— Это еще что такое? Она должна вернуться. Ты знаешь наш закон — в Йомсборг не должно приводить женщин.

— Будет вот так, — сказал Стирбьерн; глаза его метали молнии ярости и речь была более обычного запинаящейся. — Все остальное, что принадлежит мне, беру я с собою, собираясь плыть к северу в Швецию и взять страну силой. Но ее я не возьму. Ее я оставляю у тебя в Йомсборге, чтобы хранил ты ее для меня. Она королева. Она мне дороже зеницы ока, Пальнатоки.

Пальнатоки замер, глядя на него своими орлиными глазами.

— Вот как все повернулось, — сказал он. — В Швецию, значит?

— Я узнал тут кое-какие новости, — отвечал Стирбьерн. — Не торопился я начать войну против короля Эрика. До сих пор он был

добр ко мне. Ты знаешь, я сохранил мир, когда руки злой Судьбы положили распрю меж мною и им, хоть он и удалил меня от наследия моего отца. Я готов был все так и оставить, и не начинать войны с ним. Но теперь он принес мне позор и поступил со мною дурно, короновав сосунка на мое место. Это похуже, чем даже быть изгнанным навек из своего королевства. И эта пощечина — даже без раздумий и отлагательств, как раз тогда, когда мое сердце едва не разрывалось, пока я старался сдерживать свою ярость. Но теперь уж ничего не поделать. Должно быть нынче решено, кто из нас сильнее и кому быть королем в Уппсале.

Пальнатоки взял его за руку.

— Я делаю это для тебя, Стирбьерн, — сказал он. — Я бы не сделал этого ни для кого другого, и даже для себя самого. Она войдет в город. А теперь надо нам порешить со всеми важными делами.

Таким вот образом королева Тири была принята в Йомсборге. Двадцать и два дня все снаряжали корабли и готовили новобранцев из Вендланда и других покоренных Стирбьерном восточных земель, пока не была готова сотня и еще почти два десятка кораблей, больших боевых и малых, с полной командой и снаряжением; все они были снаряжены в бухте Йомсборга. На рассвете двадцать третьего дня взошли все отплывающие на корабли. Утро было серым и туманным, безветренным, и мелкая изморось висела в воздухе. Стирбьерн спустился к кораблям вместе с Пальнатоки и Сигвальди. Сигвальди должен был остаться в Йомсборге за старшего. Пальнатоки ослаб от хвори, которой мучился четыре или пять дней, но ничто не могло удержать его от того, чтобы плыть вместе со Стирбьерном.

К своему шлему Стирбьерн прикрепил вороновы крылья. Когда Сигвальди это увидел, он промолвил:

— Многие считают тебя нечестивцем, Стирбьерн, увидев, как ты вознесся в нечестивой гордыне, поместив крылья ворона на свой шлем. Потому что подобное не дозволено никому из людей, и даже богам, но лишь одному Всеотцу. Если ты хоть немного слушаешь меня,ними их. Потому что, мне думается, они принесут нам неудачу.

— Они будут сняты лишь тогда, — отвечал Стирбьерн, — когда будут срублены в битве при Уппсале. Или же когда я сяду там королем. И никак иначе.

— Я заклинаю тебя, — сказал Сигвальди, — моей к тебе приязню и дружбой. Глядя на тебя, могут сказать что ты свою добрую удачу запер в золотой клетке. Даже во время твоего злого уныния прошлой зимой я менее боялся за тебя.

Стирбьерн засмеялся.

— Польнья обреченного, — сказал он, — никогда не замерзнет. Брось эти страхи, приличные лишь женщинам.

Но несчастья все же начались — поднимаясь на борт корабля, Пальнатоки поскользнулся и сломал ногу. Все посчитали это странным и дурным знаком. Но несмотря на это и на свою болезнь, которая усилилась, Пальнатоки не желал оставаться, пока, наконец Стирбьерн сам не переговорил с ним и не убедил, что в битве он будет бесполезен и лучше ему остаться в Йомсборге, а Сигвальди чтоб поехал вместо него в Швецию. И некоторые были готовы биться об заклад, что в этом есть дурное знамение, как и в вороновых крыльях. Но большинство столь уверено было в своей силе и силе своего оружия, и в Стирбьерне, что не волновалось из-за таких пустячных вещей. Сигвальди без возражений собрался и без промедления готов был ехать вместо Пальнатоки. Но знавшие его видели, что душа его не лежит к этому походу.

Тири спустилась к кораблям вместе со всеми. Она была с виду бодрa и весела. Но Бьерн, вспомнив все, что случилось в Роскилле два года тому назад, понимал, как трудно ей держать лицо и подавлять свои страхи, когда муж ее собирался плыть на север с большим войском.

При штиле и безветрии прошли они врата бухты Йомсборга. Стирбьерн стоял на корме своего корабля «Железный нос». Корабль этот был длиннее и выше других, так что все остальные должны были поднимать голову, чтоб увидеть Стирбьерна, а Стирбьерн смотрел на остальных сверху вниз. Темны и велики были вороновы крылья над его головой, и приличествовали они более богу, нежели смертному. Туман рассеялся, и солнце выглянуло из-за края земли, и осветило его чистым и свежим сиянием утра.

Флот повернул к западу; Тири стояла на стене йомсборгской гавани, прощаясь с ними. И казалась она одиноким цветком, что виден издали на сером склоне обвеваемой ветрами скалы. Туман снова сгустился и скрыл Тири и Йомсборг, оставляя видимым только море

вокруг кораблей да ясные небеса и солнце над головой. Но когда корабли проходили мимо мыса, выходя в открытое море, в тумане показался темный силуэт Моулди, который смотрел на них с уреза моря.

Итак, через четыре дня, на тридцатый день, как и было условлено, вернулся Стирбьерн в датскую землю, и с ним Сигвальди и Бьерн, и другие ярлы из Йомсборга, и было с ними пятью двадцать и еще одиннадцать кораблей разного вида, все с полной командой. Еще две сотни кораблей йомсборжцев уже стояли в Лимфьорде прямо против Алаборга, и вдобавок сто и сорок королевских кораблей.

Стирбьерн сошел на берег и прямо направился к Харальду-королю. Король сказал:

— Не собрался ли ты навести мост через Лимфьорд своими кораблями, Стирбьерн?

Стирбьерн отвечал, что он просит короля созвать Тинг прямо в Алаборге. Тогда король велел созвать Тинг, и когда Тинг собрался, Стирбьерн объявил, что он намерен делать.

— А теперь, — сказал он, — мне от тебя, тесть, нужно нечто большее, чем добрые слова. Три сотни кораблей из Йомсборга привел я, и они готовы отплыть со мной. И от тебя я жду всяческой поддержки — и кораблями, и людьми.

— Это дело, — молвил король Харальд, — такое дело, над которым следует хорошенько пораздумать. Не ищущу я ссоры с королем Швеции. В западный викинг мы, даны, ходим всюду, куда захотим. Но есть старая поговорка, что даже волны восточных морей поют песни, чтобы потешить короля свеев.

— Такой ответ не по мне, — отвечал Стирбьерн.

Король сказал:

— Снова ты играешь в старые игры, пытаешь загрести жар чужими руками.

А затем он добавил:

— Раз уж ты мой зять, хоть я и против этой распри, но мы дадим тебе помощь — четыре десятка кораблей, надежных и с должной дружиной на каждом.

— Мне следует отучить вас от мелочности, — отвечал на это Стирбьерн. И такой он дал им выбор: либо снарядить для него две сот-

ни кораблей и сверх того из знатных людей, кого он сам выберет — если же нет, то Стирбьерн и его дружина останутся в Датской земле, станут жить в жилищах данов и подьедят все их припасы.

— Уж тогда вам придется несладко, вы почувствуете, что значит тяжкое бремя. И поймете, что править должен сильный.

В конце концов, понимая, что выбора у них нет, король и его народ согласились. Стирбьерн тогда сказал, что он выберет, кто с ним отправится.

— И это будет Харальд-король.

Король пришел в бешенство, однако все его протесты и предложения Стирбьерна не тронули. Сейчас Стирбьерн казался человеком, что, положив руку на кормило, с легким сердцем правит судно при свежем попутном ветре к своей цели.

На четвертый день после того, о чем было сказано прежде, Стирбьерн со всем великим войском йомсборжцев и данов двинулся на север. Король Харальд хотел было идти на своем корабле, но Стирбьерн принудил его плыть на борту «Железного носа». Король уже усвоил старую мудрость «не правь против течения» и более не решался противостоят Стирбьерну. Бьерну же Стирбьерн сказал:

— Я доверяю своему тестю очень мало. Пока не кончится битва, стану я держать его при себе как игрушку. Так лучше и для него, и для тех, кто следует с ним. Они поймут, что если перестанут быть мне верны, я прикончу его сразу же.

Итак, вышли они из гавани и поплыли к устью Лимфьорда, а там поставили паруса и пошли в открытое море. И направились к юго-востоку в узкие проливы меж Съеландом и Сконе, собираясь плыть вдоль побережья Сконе к северу до Сигтуны и Уппсалы. Но столь велик был флот, и столь много простора ему требовалось, что первые корабли и последние были друг от друга на большом расстоянии, как и те, что были ближе всего к берегу, и те, что были всего далее в море.

И сложили даны, что оставались в Ютланде, такую строфу об этом:

*Никогда ютландцы
Не собирали столько
Кораблей надежных,
Как в те дни, что Стирбьерн
На морей олене²¹
Прибыл в земли данов.
И простой, и знатный
Ныне в его воле.*

---

²¹ олень моря — то есть корабль

14. КОРОЛЬ ЭРИК СОБИРАЕТ ВОЙСКО

С самого конца весны Эрик-король неусыпно следил за тем, что происходит на юге. Когда принесли ему весть, что в Йомсборге и в датской земле собирают силы, имел он совет с Торгниром Законником.

— Так случилось, — сказал король, — что должны мы думать не о том, дыбы просто прогнать данов и чужаков, как было всегда. Ибо если весть правдива, придется иметь дело с человеком одной со мною крови и рода. Думаю я, человек тот не должен уйти живым из Шведского королевства, раз поднял он на меня руку. И человек этот также любим в народе.

Торгнир некоторое время молча смотрел в лицо короля.

— Повелитель, — сказал он затем, — всегда имеется два пути.

— Я вижу лишь один, — отвечал король.

— Это, — молвил Торгнир, — оттого, что ты держишь голову столь высоко, и в величии своем не видишь того другого пути. И это правильно, ибо не пристало королям видеть то, что могут видеть простецы. Однако же, коль скоро ты спрашиваешь моего мнения, оно не может быть половинным. Есть два пути.

— Остаться или сбежать? — сказал король Эрик. — Для королей есть лишь один путь.

Торгнир отвечал:

— Вот и дал ты мне ответ.

И после того он снова замолчал. Король отвел взгляд и сидел, тяжело оперев подбородок на руку. Торгнир теперь мог свободно изучать его лицо, и оно казалось ему лицом человека, оставившего позади себя как хорошее, так и худое, и глубоко погружившегося в ток своей судьбы. Некоторое время смотрел Торгнир в его лицо, а затем сказал:

— Не стану я медлить с советом, повелитель. И вот каков он: вели прямо сейчас созвать Тинг в Уппсале. И там, каковы бы ни были прошения бондов, реши их сразу же. И лучше бы законы были на стороне простых людей, и пусть решения будут в их пользу — так, чтобы

сердца всех их были на твоей стороне. А уже после того пусть посылают стрелу²², и да будут люди со всей страны созваны в войско. И также хорошо бы перекрыть все морские пути в Уппсалу, дабы иной дороги не было кораблям, как только через Низины.

Они долго толковали обо всем этом, и король счел, что Торгнир посоветовал мудро, и решил поступать по его совету. Велел король созвать священный Тинг, и собралось множество народу на площади Тинга перед Уппсалой, были там и бонды, и люди простого рода, и люди короля, и дружинники ярлов, и землевладельцы, что пришли к королю с просьбами со всех концов и земель Шведского королевства. Прибыли туда и ярл Аунунд из Фьядрундарланда, и ярлы из Хельзинг-ланда и Тентланда, и из Восточного Готланда, Бодвар Аузурсон из Лейкберга и с ним множество народа, Хермунд Старый из Эйеланда, Колль Сигмундсон со Старой Пашни и Хьярранди, брат его, Ан Черный из Ярнбераланда, Старкад-Убийца из Бурного Устья, Кальф Онгьяльдсон из Кальмара, Стейнфинн из Хизинга, Дэй Херьольфсон, а также ярлы из Ямтланда и из Лощин, Йорунд из Веара, Льот Льотсон с Холмов, Оливер Кожаная Шея из Дальби и многие другие. А прежде всех знатных людей прибыл Скогал-Тости, отец королевы Сигрид. Как только достиг Тости приказ короля, он сел на коня и скакал из Арланда два дня и ночь без остановок и сна, пока не прибыл в Уппсалу.

Все судили и рядили о прибытии Стирбьерна: одни говорили, что он уже высадился на побережье за Мёркским лесом и сжег весь лес; другие утверждали, что он отправился в Норвегию и там в решающем бою сразил ярла Хакона, и вскорости прибудет через Киль в Швецию. Третьи твердили, что он со всеми кораблями повернул к востоку в Гардарики и опасность миновала. Иные считали, что венды заперли его в Йомсборге, иные — что он уже мертв. Были те, которые думали, что у него снова с королем дружба и даже что он тайно пребывает в королевском доме в Уппсале. Ото всех этих толков и пересудов на Тинге стоял неумолчный гвалт. Неясно было, сколько народу согласны встать на сторону короля и идти с ним, коли случится битва, а сколько

²² способ сбора ополчения. «Он приказал вырезать ратную стрелу и послать ее на четыре стороны, созывая к себе всех бондов. Он объявил, что собирает общее ополчение для защиты страны. Все, кто были неподалеку, собрались к конунгу». («Сага о Магнусе Добром»)

собираются примкнуть к Стирбьерну. Но, когда король обратился к ним и стал говорить об улучшении законов и устранении несправедливостей, как и советовал ему Торгнир — те, кто был готов служить королю, принялись еще горячее восхвалять его и кричать, что он должен вести их в бой; противоположная же сторона либо хранила молчание, либо же изменила свое мнение.

А затем король объявил о всеобщем сборе войска.

На пятый вечер, когда король и его люди собрались за ужином, пришел человек и принес достоверные известия с юга, что Стирбьерн с большим войском и таким множеством кораблей, какого никто из живущих ныне еще не видывал, плывет из Лимфьорда вдоль побережья со стороны Сконе к Швеции. Король не успел еще закончить трапезу, как в залу вошел один из его телохранителей и известил, что ярл Ульф, опекун Стирбьерна и брат его матери, въехал на королевский двор, весь в грязи по брюхо лошади.

— И он желает говорить с тобой, повелитель, но не осмеливается вверить себя в твои руки, разве только ты пообещаешь ему неприкосновенность и безопасность.

— В том нет нужды, — сказал король. — Разве случилось ему видеть меня изменником, коварным и лицемерным, пусть даже в моих руках был бы мой злейший враг? К тому же он мой друг и сродник. Скажи ему, что его никто не тронет.

Когда ярл Ульф вошел в залу и предстал перед королем Эриком, тот сказал:

— Ты не поехал на Тинг. Бедняк, говорящий правду, достойнее в моих глазах, чем ярл, который лжет.

— Раз я явился к тебе, король, — отвечал ярл, — то стану говорить правдиво. И никогда еще не было столь большой нужды в доверии меж сродниками, как теперь. Это и привело меня к тебе, несмотря на все опасения и угрозу моему благополучию.

— Ты выглядишь испуганным, — заметил король. — Меж тем я знаю тебя за храбреца.

— Не за себя я страшусь, — отвечал ярл, — но за тебя, король, и за других.

— Не Стирбьерн ли послал тебя ко мне? — спросил ярла король.

— Нет, — отвечал тот, — я прибыл тайно, скрываясь. Он меня не посылал. Но, думаю, он примет меня с охотой, если ты отправишь меня к нему.

— Желаеть ты говорить о нем?

— Да, — отвечал ярл.

— Он высадился на берег?

— Король, — молвил ярл, — он высадился южнее леса Мёрк. Вчера поздно вечером.

— Один? — спросил король.

— С малой дружиной, с которой в битве делать нечего, — сказал ярл. — Времени осталось мало — видишь, сколь сильно спешил я к тебе. Я загнал двух лошадей...

— Зачем? — спросил король. — Предложить мне помощь против него?

Взглянув на короля, в его холодное лицо, встретив тяжелый ледяной взгляд и услышав его голос, неприязненный и бесстрастный, будто море, накатывающее на покрытый галькой берег, ярл задрожал, как дрожит человек на пронизывающем ветру.

— Я пришел к тебе, король, — молвил он, — дабы примирить вас, пока еще есть время.

— Он ступил на землю, — сказал король, — стало быть, время упущено. Я поклялся, что если ступит он когда-либо снова на Шведскую землю, не быть ему живу.

— Не говори так, король, — сказал ярл Ульф, и лицо его стало цвета пепла. — Неужто все прежнее так скоро изгладилось в твоей памяти? Вы с ним столь схожи, что пытаетесь сломать друг друга. Ты, не выслушав, прогнал его и отправил в изгнание. Все, что случилось в ту злую ночь...

— Стой! — воскликнул король, прервав его речь. — Разве не знаешь, что пообещал я: заговоривший о том, что случилось той ночью, расстанется с жизнью? И даже обещанный тебе мною мир не защитит тебя в таком случае.

Ярл склонил голову.

— Во имя прежней твоей приязни и сродства, повелитель, неужели ты не смягчишься — или все прежнее не стоит и мизинца? Ибо

сдается мне, что даже малостью можно все уладить: можешь ты забрать под свою руку все королевство, но сделать его наследником после тебя. Даже если твой гнев на него столь велик, что ты изгонишь его прочь до конца твоих дней, все же, думается, это смирит его разум и ярость, и он сможет перенести изгнание. Ведь хоть и суждено тебе дожить (будем на то надеяться) до глубокой старости — все же он по всему проживет дольше тебя, король, раз он втрое тебя моложе. И тогда после тебя он сядет в Уппсале. Но сейчас ты разбил все его упования и нанес ему непоправимую обиду, короновав своего маленького сына вместо него. Неужто не отменишь ты этого? Если ты сделаешь так — клянусь головой, я уведу его из Швеции, я буду скакать всю ночь, чтоб принести ему эту весть.

Так закончил ярл Ульф, и стоял, ожидая от короля ответа. Король же, слушавший его речи, сдвинув брови, смотря в пол и упершись ладонями в столешницу перед собою, наконец поднял голову и взглянул прямо в лицо ярла.

— Хоть режь меня, хоть брось меня, — сказал он, — а что сделано, то сделано. Многого могу я простить и многое спустить человеку, родному мне по крови, и тяжело мне о том говорить. Но будет все так, как должно быть. С тем, кто хоть раз обнажил против меня меч, примирения быть не может. Теперь должно выясниться, кому из нас двоих сидеть королем в Уппсале.

И столь тяжел был взгляд короля, и столь холодно было его лицо, и столь жестким был голос его, что ярл Ульф не решился более ничего говорить. Некоторое время он стоял, глядя на короля, затем посмотрел на сидящих справа и слева, и каждый раз встречал взгляд его все такие же мрачные лица. Лишь в лице Торгнира он не смог ничего прочесть. Хельги, Торир и Торгисль глядели насмешливо и казались придворными задирами; и, наконец, прекрасное лицо королевы потемнело от гнева, а ноздри ее расширились, будто у красивого хищного зверя, учуявшего кровь.

— Что ж, ярл, останешься ли ты у меня или вернешься к нему? — спросил король.

— Могу ли я выбрать сам, повелитель?

— Да, ты можешь выбрать сам, — отвечал король. — И если выберешь ты уехать, я пошлю тебя с охраной, дабы проехал ты

невредимо. Потому что ныне небезопасно тебе ехать на юг из Уппсалы, ибо я объявил сбор войска по знаку стрелы. А ты слишком хорошо известен народу, как и твое родство и дружество.

— О тебе всегда говорили, — сказала тогда ярл Ульф, — что изо всех королей ты самый щедрый и наиболее возвышен в мыслях и суждениях. Однако ты слишком упрям ты и жестокосерд, как показал сегодня. И это может стать истоком бед для многих.

Ярл Ульф покинул короля и с тяжелым сердцем поехал на юг к Стирбьерну, своему воспитаннику. А в Уппсале меж тем все готовились к битве. В проливе ниже Сигтуны были вбиты колья, бонды запасались оружием и доспехами, а воины распределялись под начало вожаков и ярлов, так, чтобы каждый знал свое место, когда придет пора. Но с такой невероятной быстротой продвигалось из Дании на север войско Стирбьерна, что король видел — едва ли третья часть его воинства будет готова; и от часа к часу все больше вестей приносили с юга о приближении Стирбьерна. Стало теперь ясно, что королю предстоит сражаться с теми силами, которые у него есть, ибо вряд ли у него будет до битвы достаточно времени, чтоб собрать под свои стяги весь народ.

Все эти приготовления составляли главную заботу короля. И заметно было, что сколь бы неутомимо не занимался он всем этим, делал он все без радости и не думая о завтрашнем дне. Он ездил среди своего войска и принимал донесения, и отдавал приказания так же, как кузнец кует или землекоп копает, так что казалось, будто не желания сердца, но лишь сила, мудрость и его железная воля движут и правят им.

Пришла Сигрид-королева к Торгниру и сказала:

— Ты, пожалуй, сочтешь что не женская это забота — однако следует нам сделать все, чтобы удержаться против Стирбьерна, пока вся дружина наша не будет в сборе. И вижу я, что если будет все идти, как идет, то он выйдет на битву готовым так, как нам бы только мечталось.

— Правда твоя, — сказал Торгнир.

— Не думал ли ты, — молвила королева, — о том, чтоб собрать весь тягловый скот, и волов, и коней, всех, что есть, привязать к ним колья и пики, так чтоб торчали острия перед животными, — и пускай

трелы и злочинцы гонят этот скот перед войском прямо на Стирбьерна и его людей? Это причинит немалый урон и нагонит на них страху, а нам и ущерба не сделает, и может дать преимущество. Что ты на это скажешь?

— Некоторые бы сказали, что худо так поступать, — отвечал королеве Торгнир.

— Если ты сочтешь мой совет небезполезным, — сказала та, — ты можешь предложить этот план королю, как свой собственный. От меня он такого плана не примет. Более того — думается мне, ему и во все не следует знать, что этот план исходит от меня.

Тогда же Торгнир изложил этот план королю. Король выслушал его, не меняясь в лице и храня молчание, будто взвешивая слова. Затем он потемнел лицом и промолвил:

— Многие станут обвинять меня за такое дело и скажут, что это нечистая игра. Но разве не нечистая игра, Торгнир, то, на что я замахнулся: вести войну с самим собою? Но я доиграю эту игру и испробую все. И это еще не наихудший план, если только мы сумеем его применить. Давай-ка попробуем.

Когда узнала королева Сигрид, что король план одобрил, она возрадовалась в душе. Послала она за Хельги и сказала ему:

— Хочу я, чтобы ты, Хельги, исполнил следующее: найди того мохнатого бычка, с которым все время возился Стирбьерн, и сделай так, чтобы он был привязан впереди всей скотины с пиками. Хорошо будет им встретиться в последний раз в настоящей битве, а не так как ранее, понарошку.

Хельги пообещал исполнить пожелание королевы. Однако он так и не смог отыскать Моудди, так как тот был в то время в Йомсборге.

И наступил третий день, как пришли королю Эрику в Уппсалу известия о том, что Стирбьерн высадился у Мёркского леса. И теперь все было готово, и армия короля вооружена и распределена, и скот с привязанными остриями также был собран, и его погонщики находились в готовности выступить. Король решил дать Стирбьерну бой на пастбищах и лугах левого берега Фири, в нескольких милях от Уппсалы. Ни в чем не испытывал король недостачи — лишь в людях, и это была существенная недостача, что несла угрозу его державе и его королевской власти. Но свежие силы прибывали и пополняли королевскую

армию, некоторые уже прибыли, а другие должны были подтянуться завтра или же через день.

Весь день король был занят, осматривая войско, проверяя все мелочи, вплоть до доспехов и вооружения самых ничтожных людей из его дружины, съестные припасы и все для приготовления пищи, следил, чтобы все люди его были сыты и в должном здоровье перед битвой; он говорил с воинами и возбуждал в них твердость и мужество, которое они должны были явить в должное время. И когда решил он, что все пребывает в должном порядке, поехал король со своими телохранителями и Торгниром вниз к устью реки — дабы развеяться после трудов долгого дня, однако и для того, чтобы самому посмотреть, не поднимается ли флот Стирбьерна вверх по течению реки, вопреки колям, что были вбиты в проливе Сигтуны. Случись такое, на королевское воинство и на Уппсалу могли напасть с другой стороны, нежели ожидалось.

День угасал, когда король и Торгнир выехали на пустынный берег у самого устья. Западный ветер грозил принести ненастье. Русло было пустынно, ни паруса, ни малой лодчонки — одни лишь свинцовые тучи, тяжкие и нескончаемые, несомые западным ветром и пролетающие над головой, и бесконечно стремящиеся к восточному краю неба, темнеющему за терзаемыми порывами ветра верхушками сосен. Эрик-король молча сидел верхом на своем коне, из-под полуприкрытых век смотря прямо в самую утробу зарождающейся бури. Торгнир хранил молчание — ни он, ни остальные не решались заговорить с королем, ибо видели, что не расположен тот к разговорам. Спустя некоторое время король, которого начавшая волноваться лошадь пробудила от раздумий, спешился и, кинув поводья на седло, подошел к краю небольшого утеса, нависавшего над каменистым берегом, о который с ревом разбивались волны. Там он стоял один. Ночь спускалась, в небе не было луны, и море, и небеса сливались в туманной мгле. И против рвущегося и воющего ветра нельзя было различить ничего, кроме идущих раз за разом морских валов, накатывающихся из непроглядной черноты, жидко светлеющих во тьме и в ветре. Один за одним появлялись они, пенясь — сперва край, а затем и вся полоса пены накатывалась на берег. И в этой черноте, поглотившей между неба и моря, волны казались белыми призраками, видимыми сперва вдале-

ке, а после спешащими к берегу с быстротой, которая пугала и казалась порождением иного мира.

Целый час стоял король, следя за ними, спешащими из тьмы, чтобы разбиться о берег, десятками и сотнями, и не оставляющими после себя ничего, кроме темных следов брызг на его ногах. Затем, не сказав ни слова, он снова сел в седло и поскакал вместе со свитой своей сквозь тьму ночную обратно в Уппсалу.

15. ФИРИСВЕЛЛИР

Стирбьерн стоял с войском лагерем перед двухдневным переходом на север от леса Мёрк, когда вернулся ярл Ульф, опекун его. Часовые знали ярла и провели его в лагерь. Была самая темная и глухая пора ночи. Ущербный месяц, взошедший часа три назад, ярко светил в чистом небе, облаков не было, кроме полосы тумана цвета макрели на юго-западе. Даже яркие звезды, что виднелись и в ярком лунном свете, поблекли и мерцали. Траву прихватила изморозь, и она хрустела под их шагами. Когда они проходили мимо коновязей, слышно было, как фыркают и переступают лошади, в дальнем конце коновязи отсвечивал красным факел — кто-то переменил путы своего коня, чтоб тому было удобнее; стук молоточка глухо отдавался в тишине. С каждой стороны, сколь хватало глаз, тянулись, будто грибы, низкие кожаные шатры, их крыши застыло отсвечивали в свете луны.

Лица людей, что провожали его, тоже показались ярлу белыми, неживыми и будто деревянными, так что трудно было поверить, что это лица людей из плоти и крови; такими же казались лица всех, кого он встречал бодрствующими, и других часовых, что были в лагере. Отовсюду они слышали, проходя мимо шатров, тихие сонные звуки, тяжелое дыхание спящих, бормотание и сопенье. И там, и сям люди спали под открытым небом, головы и плечи их закрывали плащи, и спали они, неловко извернувшись, выглядели жалко и казались неживыми. Их храп и тяжелые вздохи в ночной пустоте под холодным светом месяца были словно стоны неупокоенных душ.

Привели ярла в середину лагеря, где спал Стирбьерн. Там горел большой костер, и Стирбьерн спал, укрывшись плащом позади того костра, ибо он не любил шатров; и его телохранители спали вокруг него. Хускар²³ по имени Торхалль стоял в тот час возле них на страже. Он приветствовал ярла и спросил, принес ли тот какие-либо вести. Ярл сказал, что расскажет о том одному Стирбьерну.

---

²³ телохранитель вождя или короля

— Если принес ты мир, — молвил Торхалль, — тогда говори с ним сейчас. Но если ты пришел с тем, что более вероятно, то лучше было бы тебе дать ему поспать до утра.

Ярл постоял в молчании, смотря на Стирбьерна, на его лицо, которое было во сне столь спокойно и безмятежно, будто спал тот подле невесты в первую брачную ночь. И не мог ярл уразуметь, как это он спал столь мирно на холодной земле в военном лагере, в виду события, что должно погубить либо его самого, либо половину Северной земли.

— Подождем до утра, — молвил ярл.

* * *

Когда рассвело и люди встали, ярл пришел к Стирбьерну и поведал ему обо всем. Стирбьерн на это сказал:

— Не стоило тебе, опекун мой, тратить силы на это путешествие.

Ярл помолчал, а затем спросил:

— Ты не остановишься, даже теперь?

Стирбьерн покачал головой.

— Нет, — отвечал он.

Тотчас велел Стирбьерн сворачивать лагерь. Он вел свое войско весь день и весь следующий день на север через леса и взгорья, пока не спустились они на плоское поле Фири, и там уже стоял лагерем король Эрик со своей дружиной. Тут Стирбьерн остановился и выстроил свое войско на открытом дугу против войска короля. И так велики были воинства Стирбьерна и короля, что столь много воинов не видывали еще во всех Северных землях. Всем показалось, что сегодня уже поздно начинать битву, и оба войска стали лагерем на равнине.

Пришел день брани, люди изготовились к битве, и Стирбьерн приказал войску строить боевой порядок и поднять стяги. И его вожаки и ярлы Йомсборга приказали воинам занять свои места, какие кому были назначены. Стирбьерн поднял свой стяг, и вокруг него были его телохранители, Бесси и Гуннстейн, и Эре-Скегги, и Вальдемар из Хольмгарта, и многие другие из его соратников и хускарлов. Бьерн, Витязь из Бродвикера также был там, потому что решил, что, как и в прежних битвах, не должно ему быть далеко от Стирбьерна. В срединном

отряде были также те из свеев, что взяли сторону Стирбьерна после того, как он высадился, и над ними главным был поставлен ярл Ульф. По правую руку расположился отряд Буи, с ним приплыл и Сигурд Колпак, брат его, и большая дружина из Йомсборга, и там же были новобранцы из вендов, и другие из восточных земель. А по левую руку встали сыновья Струт-Харальда, Хеминг и Торкель Высокий — не доставало лишь их старшего брата Сигвальди, который под покровом ночи сбежал на сконейскую сторону. Однако с ним последовала едва ли десятая часть его людей, остальные всячески поносили его и пошли под начало Хеминга и Торкеля. И все удивлялись такому обороту, потому что Сигвальди был ранее верен и умел повиноваться. И слева встали также даны, что последовали за королем Харальдом Гормсоном, и старшими у них были Ивар с Грозового острова, Хьорт, сын Сигхвата, и Эйнар Рыжий. Но самого короля Харальда решил Стирбьерн не отпускать из-под своей руки, и тому волей-неволей пришлось быть в срединном отряде вместе со Стирбьерном. Стирбьерн позволил окружить стеной щитов Харальда-короля.

И сказал Стирбьерн Бьерну, своему побратиму:

— Я никогда не умел хорошо говорить, так что тебе придется сказать им все от моего имени; скажи им то-то и то-то, — и он на ухо, в своей торопливой запинаящейся манере объяснил Бьерну, что тому следует говорить. И Бьерн, выступив вперед перед огромным воинством, обратился к ним и сказал:

— Слушайте Стирбьерна Сильного! А так как он человек дел, а не слов, то поручил мне говорить от своего имени. И вот что говорит он: «Я не уйду с этого бранного поля. Либо одержу я победу над королем Эриком, либо лягу здесь мертвым. И если суждено мне пережить эту битву, то в моих силах будет отплатить вам добром, ибо под мою руку лягут земли и богатства Королевства Швеции, и смогу я оделить ими тех, кто того заслужит. И теперь чем короче будет битва, тем больше у нас надежды на победу, потому что отлагательство сыграет на руку нашему противнику. Ибо пока стоит король Эрик против нас тут на поле, явившиеся в Упсалу по его призыву воины могут успеть подойти и пополнить его войско свежими силами, в то время как мы будем утомлены. Если же мы навалимся на него разом сейчас, его пополнение перейдет на нашу сторону и подчинится мне. Потому нужно

нам ударить его столь мощно, чтоб они обратились в бегство и передавали друг друга».

И ни один во всем войске не упустил словечка из той речи, ибо слышали они голос Бьерна, но взирали на своего вожака, от имени которого то говорил — на могучего Стирбьерна, который возвышался над ними, на вороновы крыла, что вздымались над его шлемом, будто крыла смерти. И когда Бьерн закончил, Стирбьерн еще выше поднял голову и крикнул громким голосом:

— Кличем вашим в этой битве будет «Вперед, вперед, люди Стирбьерна!»

Тогда встали вожаки перед своими отрядами и повели их вперед, неся стяги, и ринулись они в атаку, выкликая «Вперед, вперед, люди Стирбьерна!» И все войско с боевым кличем бросилось на ряды воинов короля Эрика, меча в них стрелы, копья, камни и боевые топоры. Но стоило им приблизиться к врагам, как ряды королевского войска расступились и пропустили вперед скот с привязанными к нему пиками и кольями, о котором было рассказано ранее; и множество трелов и злочинцев, которых самих сзади гнали остриями копий, погоняли скотину. А хвосты животных — лошадей и волов — подожгли, и звери неслись теперь бешено и дико, ибо гнал их страх и боль от огня, и врезались они в гущу войска Стирбьерна. И раздался жуткий вопль, смешавший лошадиное ржание, воловий рев и людские крики, и многие были убиты, как среди йомсборжцев, так и среди тех, кто погонял скотину. Но воины короля были в стороне от гущи сражения и лишь немногие из них пострадали. Они ожидали своего черед. Дружина же Стирбьерна, кроме того, что были раненые и убитые, должна была тратить силы на мясницкую работу и рубку полутолых трелов, в то время как враги их были свежи и бодры, и ждали своего часа.

И лишь только первые ряды, где в основном был скот с привязанными пиками, были вырезаны, и убиты были, либо разбежались трелы — королевские воины бросились в бой прямо на йомсборжцев и столь мощно навалились на них, что и все воинство не смогло бы их сдержать. И теперь войско Стирбьерна подалось назад, и человек рубился с человеком, и яростная кровавая битва продолжалась до самого полудня. И по мере того, как бранный день подходил к концу, видно было, что совет королевы Сигрид насчет скотины сослужил добрую

службу королю, ибо воины его были еще свежи и полны решимости сражаться, в то время как противники их после долгой рубки были почти изнурены. И когда в войске Стирбьерна воин падал сраженным, его место некому было занять, тогда как к королевскому войску подтягивались свежие силы — десятки и небольшие отряды тех, кто запоздало отозвался на призыв сбора войска.

Однако же, несмотря на усталость и все, что было против них, йомсвикинги не дрогнули и не отступали. Стирбьерн бросался туда, где схватка была жарче всего, и вороновы крыла на его шлеме стали путеводной звездой для его людей, а для врагов — знаком беды и гибели. Людям казалось, что в тот день он сражался так, словно сами боги хранили его, или же так, словно его волшебным образом не брало железо — он и не думал о защите, а меж тем не получил ни одной раны. И многих тогда лишил он жизни — ярла именем Аунунд и Кальфа из Кальмара, и Карла Херьольфсона, что был сыном сестры старого Торгнира и считался славным витязем.

Король Эрик был окружен своими телохранителями, они стеной щитов прикрыли короля. Хельги был старшим среди королевских телохранителей. Дважды или трижды Стирбьерн оказывался совсем близко от них, и им казалось, что он уж готовился пробить стену щитов — однако каждый раз отходил он и не поднимал оружия ни против стены щитов, ни против короля. Однако, когда день уже угасал и среди воинов короля оставалось мало таких, кто хоть на шаг не отступил бы перед йомсвикингами, и они едва сдерживали натиск, а Стирбьерн продолжал сражаться подобно яростному огню, король послал вперед своих берсерков — Ана Черного и его сродников, числом шесть, против Стирбьерна, с тем, чтоб они обрушились на него и по возможности остановили, либо же убили его и тем положили конец битве.

Бьерн заметил, как они прорываются сквозь кутерьму боя. Он крикнул Стирбьерну, который меж тем увидел, как Вальдемар из Хольмгарта упал от удара копьём в бедро и сразу двое врагов рвутся убить его. Но Стирбьерн отбросил их и крикнул своим людям, чтобы шли на помощь Вальдемару. И в то время, как занят был Стирбьерн теми двумя, Ан и его люди вшестером оказались возле него и окружили его с двух сторон. Ан был мужем могучим и рослым. Он и его прия-

тели были уже охвачены берсерковым духом: выли они, словно терзаемые в аду мертвецы, а когда бросались в бой, изо ртов их шла пена и они кусали края своих щитов, и глаза их горели как очи горного барса. Гицур Арнльотсон, младший брат Ана, первым достиг Стирбьерна, обогнав своих приятелей, и ударил копьём, метя ему в живот, так, словно кидал копну сена. Стирбьерн отпрыгнул в сторону, и удар пришёлся мимо, а приземлившись, ударил он окованным краем щита в лицо Ана, который оказался позади слева, думая зарубить Стирбьерна широким махом тяжелого длинного меча. Но с такой силой опустил Стирбьерн на его лицо окованное железом ребро щита, что оно пробило переносье шлема и стесало кожу его лица, выбило зубы и разбило на куски челюсть, и Ан упал наземь замёртво. Вслед за тем Стирбьерн отмахнул своим огромным обоюдоострым топором Гицура, который слишком нагнулся после промаха копьём. Топор Стирбьерна сокрушил его лопатку и сломал кости спины, и кровь его хлынула как разбивающаяся о берег морская волна. Тут Гицуру и конец пришёл.

Одновременно с тем Бьерн сразил копьём ещё одного из берсерков. Однако удар его был столь силен, что лезвие проломило череп за ухом и застряло в кости, как топор лесоруба застрекает в дубовом стволе, и копьё слетело с древка. Против второго берсерка, что кинулся на него, хотел было Бьерн вытянуть меч, но Стирбьерн, заметив это, срубил берсерка своим топором, и топор прошёл через кольчугу и вспорол его ниже пояса, как разрезают брюхо сельди, так что вывалились кишки. Бьерн меж тем обнажил меч и был готов к бою. И так полегли мертвыми Ан Черный и те пятеро, что были с ним. Стирбьерн не получил ни царапины, а Бьерну лишь пропоролли кожу на подбородке.

Стало смеркаться, и нельзя уж было отличить врага и своего. И видно было, что ни одна сторона не может торжествовать победу после бранного дня, и столь изнурены были воины с каждой из сторон, что с трудом держали в руках оружие. И решили они сделать передышку, и отступили к своим лагерям.

Король Эрик спал эту ночь вместе со своим войском. Однако послал он в Упсалу гонца, дабы сообщить, что битва ещё не окончена, хотя все пока обстоит благополучно. Он перечел своих людей

и увидел, что убитых было более, нежели он ожидал — однако же решил, что и Стирбьерн потерял людей не менее. Воины короля были в хорошем расположении духа, когда шли отдыхать, хотя битва вопреки их ожиданиям, не была решена за этот долгий бранный день. А также Скоглар-Тости, которому приказано было прислать свежие отряды с севера, из Хельзингланда, прибыл сам и с ним добрая сила людей. Они опоздали на битву, прибыв только к ночи, однако король теперь не имел сомнений, что с этими свежими силами он завтра одержит победу. Ибо Стирбьерну неоткуда было взять войско, дабы восполнить свои потери.

Королеве Сигрид Гордой, ожидающей в Уппсале, не по нраву были эти отлагательства. В Уппсале собралось множество народу, в большинстве женщины, дети и старики; и целый день туда доходили обрывочные слухи, заставляя людей то буйно ликовать, то ужасаться; и весь день, по мере того как возвращались раненые, приходили новости о славных деяниях одного или о гибели другого, и тогда слышались горестные стенания овдовевших женщин. Королева утомилась от этих недостоверных слухов. Когда сказали ей, что король не вернется и проведет ночь на поле битвы, которая продолжится на следующий день, она презрительно усмехнулась и не сказала ни слова.

На следующий день в Уппсале все было так, как и вчера — люди приходили, уходили, и ничего не было достоверно известно. И ожидавшие скорой победы скоро поняли, что чаяния их напрасны. До полудня из окрестностей Уппсалы битвы было не видеть, ибо основной бой шел в низине, что была закрыта от взглядов склонами Виндбергсфелля, что был по левую руку, спускаясь на юг к реке. На гребне хребта вздымались скалы, красные и цвета ржавчины, и каменные обломки по склонам казались рассыпавшимся ожерельем, они покрывали весь склон от утесов на гребне до подножия.

Однако затем сражающиеся отошли севернее на более высокую часть меж горной грядой и рекою, и королева вышла и пошла к погребальному холму короля Олафа, с которого могла она разглядеть хоть что-то из происходящего на полях Фири. Она взобралась на холм и встала, вглядываясь в сторону юга — точно так же, как четыре лета назад стояла она и смотрела на Стирбьерна, пытающего свою силу в поединках с Моудди.

— Было мне тогда видение, — сказала она себе, — видела я его в бою, и видела убитым на лугу, что вон там, неподалеку. И не думала, что придет день, когда увидеть это будет для меня слаще медового пиятия.

Ее служанки, что пошли с нею вместе из королевского дома, жались подле нее на холме, в страхе от неясности этого дня и того, что нес он с собою. Но Сигрид стояла среди них прямо, как стоит береза на вершине. Была она до подбородка закутана в плащ зеленого шелка, расшитый золотом и отороченный белым мехом. Тот же красный плащ, который она сбросила год для Стирбьерна, сожгла королева на следующее же утро после того. Капюшон плаща свалился назад, являя взору пламенно-рыжую красу ее волос над прямыми темными бровями и прекрасное ее лицо. И столько прелести было в ее гордом лице, когда смотрела она на юг, надменно поджав губы и подняв подбородок, что казалось, вздумай боги заново сотворить мир, не смогли бы они сотворить ничего прекраснее. Но нежности и женской жалости, и мягкости видно в ней было не более, нежели в холодной скале, омываемой морем. За две мили от Уппсалы всею людской массой бурлила и кипела битва, и отсюда видна она была ясно по всей своей широте. Солнце покатилося по безоблачному небу к западу, и тени удлиннились вершок за вершком, и битва начала откатываться к северу. Смотри на кипящий бой с холма Олафа, королева в вихре сражения различала, как, словно крылья орла, метались черные крыла Стирбьернова шлема. И где летали эти крыла, там расступались ряды врагов и подавались назад, к Уппсале. Южный ветер доносил рев битвы с заливных лугов, словно то был рев морских волн.

Королева наблюдала бой с холма, пока не стемнело. Ее служанки толпились возле нее, будто напуганное овечье стадо, безмолвные, цепляясь друг за дружку, они всхлипывали от страха, зубы их стучали. Она же, не видя и не чуя их, пока смотрела на сражение, теперь резко и сурово приказала прекратить дрожать и следовать за нею домой.

Уже зажгли светильники, когда королева Сигрид вернулась в усадьбу. Во дворе повсюду лежали раненые, также и в доме. И когда вошла королева в дом, был там и Хельги, все еще в боевом уборе. Она приветствовала его и спросила, что слышно.

— Будет еще один день битвы, — отвечал он.

— Что король? — спросила королева.

— В здравии и благополучии, — сказал Хельги.

Голос его звучал странно, и она всмотрелась в него в неверном свете сумерек и мерцании светильников. Она увидела, как он оперся о притолоку.

— А тот, второй?

— Не так, как я хотел бы, — отвечал Хельги. — Он был слишком близко от меня, и хоть я ударил его мечом в подвздошье, но все же остался он на ногах.

Он засмеялся, и в тот миг ноги перестали держать его. Королева подхватила его, изо рта у него хлынула кровь. И она услышала его задыхающийся шепот:

— Ты мне должна, королева.

Хельги унесли в королевскую залу. Он умер на исходе ночи. Час за часом, как смерклось, сходились раненые в Уппсалу, кто исцеляться, а кто и умирать. Никто не вернулся из тех, что могли еще держать копье и меч и стоять на ногах. Ибо так случилось, что, несмотря на свежие силы и помощь, приведенную Тости, обстоятельства короля ухудшились. Его воины, несмотря на храбрость и воинский дух, могли лишь не пустить Стирбьерна в Уппсалу, так что еще бы час света солнца, и битве был бы конец, и воинство короля было бы разбито и разбитано.

Король остался со своим войском. Не было времени у них собирать шатры и припасы, ибо они отступали шаг за шагом. Так что женщины и старики принесли им есть и пить, когда над Фирисвеллиром пала ночь, и всю ночь провели они, накрывшись лишь своими щитами.

Стирбьерн и его дружина в ту ночь воспользовалась брошенным королевским лагерем. Стирбьерн был ранен после схватки с Хельги, и не было среди йомсвикингов таких, что не были бы в тот день ранены. Были они измотаны битвой, однако духом бодры и рьяны, и в эту ночь после второго бранного дня на сердце у каждого в войске было легко. Ибо сперва они сражались против козней и перебороли их, а теперь преимущество бранного дня было на их стороне, и лишь ночь не дала им одержать победу.

Ярл Ульф пришел к Стирбьерну, сидевшему после ужина у большого костра, и вокруг него сидели ярлы Йомсборга и его телохранители.

— Хорошо было бы, сродник, — молвил ярл, — чтобы, прежде чем люди лягут спать, ты вознес молитву богам, чтобы завтра они повернули все в нашу пользу и помогли нам, а не врагам нашим.

— Я сделаю это, воспитатель, — отвечал тот. — Однако более считаю нужным полагаться на нашу мощь и умение. И я охотнее вознес бы хвалу богам после того, как мы победим в брани, чем молился бы заранее.

Но все посчитали, что хорошо, если Стирбьерн помолится богам. И одел Стирбьерн тяжкий шлем с вороновыми крылами, взял в руку свой большой обнаженный меч сверкающего железа и встал в дымном свете костра. И воззвал он к Тору, выкликнув его имя и произнося:

— Сделай так, чтобы завтра одержал я победу!

Голос его прогремел громом боевого рога. От крыла к крылу лагеря воины слышали его голос и узнали его, и также воззвали к Тору у каждого костра. Люди в королевском лагере услышали это, и слышали его даже в Уппсале. И оттого впали в большое беспокойство.

Около полуночи король Эрик поднялся и разбудил двоих или троих из своих телохранителей, велел им идти с ним. Король взял с собой шлем и щит, и копьё и поскакал сквозь черноту ночи в Уппсалу, и приехал в храм. Он приказал своим людям принести факелы и подождать во дворе храма, пока сам он пошел во внутреннее святилище, где был алтарь посвященный Одину, и кольцо, и побегги, и чаши для крови. Внутри была полная темнота, и с трудом можно было что-либо разглядеть в слабом свете факелов. Король положил ладонь на кольцо и молился. Около часа стоял он там, вознося молитвы, и принес он клятву Всеотцу, что если Он дарует ему победу в этой битве, то через десять лет король отдаст себя Одину. И король молился, и вновь приносил свою клятву, и ожидал знака. Но не было ничего, кроме ночной черноты, и тишины, и запаха крови, и лишь снаружи доносились стенания женщин, оплакивающих своих погибших, бессонных и проведших в бдении всю эту горькую ночь. Король закончил молиться и вернулся в лагерь, и лег спать до утра.

И пошел третий бранный день. Все утро от возвращавшихся раненых было слышно только одно — бой тяжел, и королевским воинам приходится нелегко, и неизвестно, будет ли тому конец. И казалось, что с каждым часом все делается хуже, чем было, и вести от раненых все более дурны и зловещи, и все менее оставалось надежды. Но в полдень показалось, что ручей этих худых вестей стал иссякать. И те, кто приходил теперь, говорили лишь, что битва стала еще горячее, чем в прежние дни, и что люди короля бьются спина к спине, однако держатся вместе.

Три четверти дня уже миновало, и королева Сигрид сидела со своими женщинами в своих покоях в башне, окна которой выходили на юг от Уппсалы. До полудня следила она за битвой с холма Олафа; затем, с яростью в гордом сердце своем от долгой неопределенности положения, которое она не в силах была развеять или же ускорить разрешение его, она вернулась снова в дом и сидела там в молчаливом ожидании. Но конца все не было: ничто, кроме бесконечного, подобно морю, гула третьего бранного дня, не доносилось теперь с полей и лугов под Уппсалою.

Вдруг, потерявшись в раздумьях, королева задержала взгляд на гребне Виндбергсфелля, что виднелся слева, около мили вдали, и остро выделялся на небосводе, и видно было, как словно бы дым переваливает через гребень хребта, и затем раздался рокот, подобный грому, перекрывающий неумолчный гул битвы. Королева встала. Край холма теперь сокрыт был грязно-бурыми дымными клубами. Нарастал рев, становясь то громче, то тише. Казалось им, что дом сотрясается весь, каждой балкой и столбом. Одна из служанок вскрикнула и закричала, что пришел конец мира и начался Рагнарек. Маленький Олаф подбежал к матери. Сигрид же осталась стоять недвижно, но лицо ее стало белым как смерть. Повисла странная зловещая тишина. Затем снова послышался гул битвы — однако уже не столь громко. Словно битва откатывалась прочь или же многие были убиты, а живых не доставало, чтобы гул был столь же сильным, как ранее. И туча, что висела над горой, стала светлеть и таять.

Королева вышла во двор и пошла к околице Уппсалы. Там толпился народ, и каждый толковал о своем. Никто не знал, что произошло. Некоторые говорили, что гора опрокинулась прямо на королев-

ских людей и людей Стирбьерна. Над полями Фири стоял густой туман, и гуще всего был он у подножия горы с восточной стороны. Ничего там нельзя было разглядеть. Вернулась королева в свои покои в башне и села. Она достала из сундука, что был в комнате, меч и так сидела, и меч в ножнах лежал у нее на коленях. Служанки спросили ее, что намерена она делать тем мечом. Губы ее дрогнули в улыбке.

— Такой вопрос не от большого ума. Или думаете вы, что я живой дамся Стирбьерну?

На закате старик Торгнир въехал на королевский двор. Его провели к королеве, которая его ожидала.

— Говори быстрее, — сказала она. — Как пришла та туча — после того никто не возвращался и я не знаю, что происходит. Завтра будет все то же?

Торгнир сказал:

— Все кончилось.

У королевы перехватило дух.

— Не бойся, — сказала она. — Правда, что с нами было уже почти покончено, но спасло нас чудо, величайшее из всех, о каких ты могла слышать, королева: с гребня горы полетели камни, и летели они на войско Стирбьерна, и выбили большую часть его, но никто из наших людей, которые были далее от горы, не пострадал. И вдобавок к тому король данов, которого Стирбьерн до того держал при себе, улучил мгновение и сбежал, и поскакал верхом к своим людям, что стояли слева у реки, и велел им выходить из боя и уходить прочь. А остальных наши люди окружили со всех сторон, и каменный дождь также не прекращался. И теперь от его войска осталась лишь тень. Уж все закончено, осталось лишь преследовать бегущих и перебить их.

— А что с ним? — молвила королева. — Что со Стирбьерном?

— Когда я впоследне видел его, — отвечал Торгнир, — он с двумя десятками воинов стоял спина к спине на клочке земли посреди поля. Они воткнули древко своего стяга в землю, и люди наши теснили их со всех сторон.

— На нем все еще был его шлем с черными перьями? — спросила она.

— Да, — отвечал Торгнир.

Королева осталась недвижимой. Несколько мгновения она не произносила ни слова. Затем снова заговорила:

— Отчего не дождался ты самого конца?

— В том нет нужды, — отвечал он. — Все могло закончиться только одним. Я стар, и такое зрелища не для меня, если я устал.

Она смотрела на него мгновение, приоткрыв рот. И затем она сказала:

— Один лишь путь для него, — сказала она. — Верно. Впрочем, о том я знала.

Торгнир ничего не сказал. Королева прошла вперед, и он дал ей дорогу. Она набросила плащ и, ступая легко и уверенно, пошла через двор к открытому полю. День угасал. Все низкое небо на юго-западе было укрыто долгими полосами серых бесформенных облаков. И вдали над рекою в дымке цвета буйволово́й кожи был просвет, где виднелось яркое кроваво-красное пятно, чуждое той безжизненной серости, что окружала его. Над лугами стояла мертвая тишина. Грязно-бурый туман рассеялся, но ночная дымка уже начала ползти от реки. Здесь в набегающих сумерках королева ждала. Ясны были глаза ее. Воины проходили мимо по двое и по трое, возвращаясь с поля, и приветствовали ее, и замечали ее гордый и победительный вид. Спускалась ночь, а короля все не было. Она вернулась.

Эрик стоял на околице Уппсалы. Велел он тем, кто на то способен, сложить песню в честь одержанной победы. И тогда Торвальд Хьяльтиссон, исландец благородного и древнего рода, что был среди телохранителей короля, пропел песню:

*К полю Фири, собирайтесь, волки те, что голодают
Скакуны Ночных наездниц, вам пожива в нашем крае!
Там черно от тел погибших — навших от мечей и копий.
Мяса много заготовил вам на корм отважный Эрик.*

Король дал Торвальду кольцо в полмарки золота за каждый стих. И говорили, что с тех пор Торвальд не сложил ни одной строфы.

Была уже глубокая ночь, когда король Эрик вернулся домой. Королева встретила его у двери. Он казался велик и грозен в доспехах

и большом рогатом шлеме. Ступал он тяжело, но голову нес гордо по-королевски. И когда ступил он в просвет двери, все, о чем королева собиралась спросить его, застряло у нее в горле. Увидя, что она его встречает, он замер, а потом прошел в зал, словно сам вид ее был большим, нежели он мог сейчас вынести.

16. ВАЛЬХАЛЛА

Из-за тех беспросветных глубин, где последний луч последней звезды растворяется в вечной тьме, бессмертные глаза следили за Фирисвеллиром — глаза великого Всеотца, сидящего на высоком троне, что казался вырезанным из медно-красных мрачных грозовых туч и отделанным тем цветом, что обретает море на закате, и изукрашенным звездами ночными. И вид Его груди и плеч, и могучих рук и мощных бедер и лодыжек Его, что были частью сокрыты, а частью открыты взорам, был подобен безлюдным скалам и голым склонам скалистых гор, где серость и тьма, будто одеяния, сброшены вниз, когда рассвет зародился в небесной выси, и покровы облаков отброшены, и хладные и прекрасные члены пробудились от оцепенения, а из запустения долин, в глуби которых скрываются ничтожные жилища человека, донесся пробуждающий крик петуха. И в лице его, что алело, подобно красной скале морской, освещаемой низким закатным солнцем над летней морской лазурью, были ответы на все вопросы и загадки, и упокоение многим страхам и печалям.

На плечах Его восседали вороны, будто две черные тучи, укрытые своими крыльями. Вкруг трона Его была тьма, и раздавалась музыка, какой не мог измыслить смертный, говорящая о таком, чего не может повторить грубый язык, но что может ведать лишь людское сердце. И перед тронном клубились будто облака, титанические неясные формы, и слагались в живых существ, горы, снега и дожди, косматые кометы, безлюдные города, дикие моря, ужасные леса и чащобы, языки пламени, и в формы схожие с огромными мертвыми телами; и все это развеивал могучий ветер, дующий вкруг Него. И был то ветер Вечности, и кроме Всеотца, никто не мог противиться дуновению его, даже боги, даже те сероликие девы, что прядут и тянут нить у Колодца, что под деревом Игдрассиль. Никому не дано было постичь прошлое, настоящее и будущее, но только одному Всеотцу было это дано.

И толпой вошли в Вальхаллу эйнхерии, не остыв еще от битвы, бесчисленные, будто грозовые тучи в сером вечернем небе, герои сражений из многих земель, избранные из многих поколений людских; и глас их, и смех отдавался эхом, будто звуки моря. Были они видом подобны богам, оружие и богатые одежды их были словно солнечное закатное сияние в цветущем саду.

Внезапно поднял Отец Один руку, и все небеса погасли, кроме лица Его, и все стояли, внимая в глухой тиши. Издали раздался звук, будто хлестал ливень по листе дерев, и отдаленный грохот грома, и бледная молния сверк-

нула вдали, и пропала, и вновь прорезала ночь. Сперва медленно, а потом скорее и скорее, будто порывы, приближался рев бури, пока рев ее не сделался подобным реву катаракта, разъяренного потоками из грозových туч среди гор. И молнии стали реками расплавленной стали и серебра, стекающими с крыши ночного шатра, и эйнхерии забряцали оружием и издали клич, что летел над глушащим громом:

— Восславим избранных! Подниматели бури! Восславим щитоносных Дев Властителя Копий, Отца Веков, Любящего! Восславим воинов земных, которых они несут в наше содружество!

И возникли летящие скакуны, что мчались среди туч, будто чайки в бурю, острия копий и шлемы вспыхивали золотом в свете молний — то Девы Победы скакали сквозь ночь в Вальхаллу. Когда встряхивали кони их гривами, с грив обрушивался дождь, а от закушенных удил в их ртах шел снег, и град и пламя летели из их ноздрей.

Ужасны и прекрасны были эти Девы-всадницы, будто огонь или же разрушительный удар грома. И каждая несла на седле за собой окровавленное тело убитого.

Девять раз проскакали они в кружащихся вихрях сквозь дождь высоко над столами избранных в Вальхалле, затем приблизились к подножию трона Высочайшего, славя Его и зывая с Нему Его святыми именами:

Громовержец, Отец Павших, Устрашающий, Бог Воронов, Слепитель Воинств, Истинный, Всемогущий Бог. И затем каждая показала своего избранного Всеотцу, и возвращены были им поврежденные члены, и исцелены изломанные кости, извлечены стрелы, затянуты раны, и в обновленном теле пробужден великий дух, и тела становились прекраснее, нежели были, более желанны и более сильны, открыты для всех испытаний и радостей, присущих телу людскому, но боль и увядание было им теперь недоступно так же, как недоступно человеку задуть полуденное солнце, будто свечу, или обрушить одним ударом горные пики.

И последней проехала перед лицом Всеотца валькирия Скогуль. Будто пламя мечей была она в свете молний, играющем на ее кольчуге, и ее вороной прядущий конь извергал пламя. Однако прелестны даже под кольчугой были ее перси, и вид ее был подобен златому утру, весной пробуждающему поцелуем снега на вершинах. Она воззвала к Одину и промолвила:

— О Бог Воинств, Шепчущий на Ветру, Всеведающий, я исполнила твой приказ. С тяжелым сердцем исполняла я его, думая, что, хоть это добавит еще одну драгоценность в Твою корону, о Отец наш, но на земле будет недоставать такого как он, не найти равного ему во многих поколениях людей. К тому же, умер он молодым.

Но Всеотец, сидя на троне своем, где дул ветер, повествующий о сокрытых первопричинах и тайных связях, открыл Свои вечные очи и взглянул на то, что щитоносная Дева берегла у своей груди. Затем заговорил Он, и голос Его подобен был музыке вечерней звезды, когда нисходит она с небосклона и сгущаются сумерки.

— Все раны его на груди его, и смерть лишь укрепила руку его, сжимающую меч. Не спрашивай более: Я забираю рано тех, кого более всех люблю.

Э.Р.Э.

